
Я. А. Слащов-Крымский
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. ДОКУМЕНТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ.
4
БЕЛЫЙ КРЫМ 1920 г.
Мемуары и документы
ЗА РУСЬ СВЯТУЮ

АЗОВСКОЕ МОРЕ
КРЫМ
Александровскъ
Никополь
Знаменка
Александровка
Орѣховъ
Конскіе Раздоры
Семеновка
Черниговка
Андреевка
Стародубовская
Маріуполь
Бериславль
Каховка
Любимовка
Горностаевка
Рубановка
Покровка
Западн. Кацьі
Ново-Александровка
Ново-Николаевка
Мелитополь
Акимовка
Ивановка
Агайманъ
Алешки
Б. Копани
Чаплинка
Каланчакъ
Перекопъ
Армянскъ
Петровка
Рождественское
Григорьевка
Геническъ
Узкая
Бердянскъ
Ногайскъ
Н. Спасовская
Петровская
Степановка
Александровка
Обиточная
К. Бердянская
К. Бѣлосарайская
Должанская
Коса Камышеватая
Ейскъ
Гирло Ясе
Гир. Рубцово
Ак-Мечеть
Кирлеутъ
Кунанъ
Караджа
Евпаторія
Саки
Карагуръ
Бой Казакъ
Джадра
Бакилъ
Айбаръ
Боз Гоз
Ак-Шеихъ
Джага Шибанъ
Н. Баянъ
Карасубазаръ
Симферополь
Бахчисарай
Ст. Крымъ
Судакъ
Ѳеодосія
Джейлавъ
Арабатъ
М. Казантипъ
Керчь
Еникале
Марфовка
Ксенъ Сарайминъ
Караначъ
Темрюкъ
Таманская
Благовѣщенская
Анапа
М. Утришъ
М. Чобанъ Басы
Оз. Донузлавъ
Ос. Бирючій
Рамшева

Я. А. Слащов - Крымский

БЕЛЫЙ КРЫМ 1920 г.

Мемуары и документы

МОСКВА НАУКА 1990

ББК 63.3(2)712
С47

Рецензент

доктор исторических наук А. Н. ЦАМУТАЛИ

На переплете — фотография танка, взятого у белых в боях за Каховский плацдарм в октябре 1920 г.
На 4-й стороне переплета — знак на шапки частям корпуса под командованием генерала Я. А. Слащова, «героически оборонявшим Крым в зиму 1919—1920 гг.» (установлен приказом генерала П. Н. Врангеля).

Слащов-Крымский Я. А.

С47 Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. — М.: Наука, 1990. — 272 с.
ISBN 5—02—008545—6

Предлагаемая публикация представляет собой воспоминания видного военачальника «белого движения» генерал-лейтенанта Я. А. Слащова-Крымского (1886—1929), перешедшего впоследствии на сторону Советской власти. Воспоминания состоят из двух книг: «Крым в 1920 г.» (впервые увидела свет в 1924 г. в СССР) и «Требую суда общества и гласности» (Константинополь, 1921), ранее неизвестной широкому кругу читателей. Обстоятельное предисловие позволяет познакомиться с личностью Я. А. Слащова, человека неординарной судьбы, и той обстановкой, в которой проходила его боевая деятельность. Издание снабжено уникальным иллюстративным материалом, документальными приложениями, аннотированным именным указателем.
Для всех интересующихся историей нашей Родины.

С 0503020400—094 / 042(02)—90 Без объявл. **ББК 63.3(2)712**

ISBN 5—02—008545—6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые читателю воспоминания, включающие две тематически связанные книги: «Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний» (М.; Л., 1924) и «Требую суда общества и гласности. (Оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы» (Константинополь, 1921), принадлежат перу одного из видных военачальников «белого движения» периода гражданской войны 1918—1920 гг. — генерал-лейтенанту Я. А. Слащову[1] (с 19 августа 1920 г.— Слащов-Крымский)[2].

Что это за личность? Почему в 1924 г. в нашей стране были изданы отрывки из его воспоминаний «Крым в 1920 г.» и почему сейчас, более шестидесяти лет спустя, мы снова возвращаемся не только к переизданию этой книги, но одновременно включаем в издание и другую указанную выше книгу Слащова, которая с 1921 г. находилась на закрытом хранении и только в 1989 г. стала доступна для широкого читателя? Все это требует пояснения, тем более что на негативной оценке этого человека сходились и советские и эмигрантские авторы. Так, предисловие Д. А. Фурманова к книге «Крым в 1920 г.» начинается со слов: «Слащов-вешатель, Слащов-палач: этими черными штемпелями припечатала его имя история... Перед „подвигами" его, видимо, бледнеют зверства Кутепова, Шатилова, да и самого Врангеля — всех сподвижников Слащова по крымской борьбе». Вместе с тем Фурманов считает, что книга «свежа, откровенна, поучительна», и поэтому он выделяет ее «из ряда других работ и оправдывает ее издание»[3]. Несколько мягче характеризует Слащова писатель-эмигрант Г. Н. Раковский: «Слащов, в сущности, был самоличным диктатором Крыма и самовластно распоряжался как на фронте, так и в тылу... Местная общественность была загнана им в подполье, съежились рабочие, лишь „осважные"[4] круги слагали популярному в войсках генералу восторженные дифирамбы. Весьма энергично боролся Слащов с большевиками не только на фронте, но и в тылу. Военно-полевой

суд и расстрел — вот наказание, которое чаще всего применялось к большевикам и им сочувствующим. Недаром же портовые рабочие в своих частушках пели о том, как „от расстрелов идет дым, то Слащов спасает Крым"»[5].

Безусловно, в приведенных оценках Слащова содержится значительная доля правды. Тем не менее в наше время, когда появилась возможность переосмыслить наши представления по многим вопросам отечественной истории и решительно отказаться от существовавших на протяжении многих десятков лет стереотипов и догм, хотелось бы познакомить широкого читателя с основанной на документальных (в том числе архивных), материалах картиной событий в Крыму в 1920 г., лицами, которые были связаны с этими событиями, и прежде всего с личностью самого Слащова.

Гвардеец с высшим военным образованием, храбрый офицер, прошедший во время первой мировой войны строевые должности от командира роты до командира пехотного полка включительно, начальник обороны Крыма в период января — марта 1920 г., проявивший незаурядные военные способности, человек большого гражданского мужества, который не побоялся порвать со своим прошлым и вернуться из эмиграции на Родину, признав свою тяжкую вину перед народом за проявленную им жестокость на юге Украины, в Крыму и других местах, наконец, крупный военный специалист в Красной Армии, автор оригинальных работ по тактике и интересных воспоминаний о «белом движении» на юге России — таков Я. А. Слащов.

Поэтому неудивителен интерес, проявленный к этой безусловно яркой, даже в какой-то степени легендарной личности на протяжении последних десяти лет его жизни, оборвавшейся в январе 1929 г.

В нашей стране имя Слащова было известно старшему поколению, в частности участникам гражданской войны, ее историкам и т. д. В широких же кругах населения оно получило известность прежде всего благодаря М. А. Булгакову, в драме которого «Бег» Слащов стал прототипом одного из ее героев — генерала Хлудова.

Яков Александрович Слащов родился 29 декабря 1885 г. (10 января 1886 г.) в Петербурге в военной среде[6] (см приложение № 1). Его дед, Яков Александрович Слащов, прослужил в армии 35 лет, участвовал

в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и в подавлении польского восстания 1831 г. В 1863 г. был уволен от службы с производством в подполковники «с мундиром и пенсией». В последние годы занимал должность полицеймейстера при Сиротском институте императора Николая I (Гатчина). Умер 4 ноября 1875 г.[7] Отец, Александр Яковлевич Слащов, родился 11 августа 1847 г.[8] В службу вступил 21 ноября 1861 г. кондуктором[9] в роту Николаевского инженерного училища, в августе 1868 г. закончил это училище и был произведен в подпоручики 4-го понтонного полубатальона. В этом же году был прикомандирован, а в следующем году переведен лейб-гвардии в Измайловский полк. В июне 1877 г. был командирован в Бухарест на должность «по устройству государственного управления», а затем был назначен полицеймейстером г. Тульча. В июне 1878 г. вернулся в свой полк и был произведен в капитаны с назначением командиром роты. В 1880 г. А. Я. Слащов женился на дочери коллежского асессора Вере Александровне (по первому мужу — Ремберович), а в следующем году по состоянию здоровья, что явилось следствием «трудов перенесенной походной жизни», был уволен от службы с производством в подполковники. За родителями А. Я. Слащова числилось в Петербургской губернии 300 десятин благоприобретенной земли.

В 1903 г. Я. Слащов окончил реальное училище Я. Я. Гуревича (с дополнительным курсом), Павловское военное училище (1905 г.) и был выпущен подпоручиком лейб-гвардии в Финляндский полк[10]. В 1911 г. Слащов «успешно» закончил Императорскую Николаевскую военную академию (до августа 1909 г. она именовалась Николаевской академией Генерального штаба) с дополнительным курсом, но, «согласно Высочайшему повелению... без права производства в следующий чин и причисления к Генеральному штабу[11].

С февраля 1912 г. с разрешения военного министра Слащов был прикомандирован к Пажескому корпусу на должность «младшего офицера сверх штата»[12], 31 марта переведен в этот корпус, где преподавал тактику. В 1913 г. была опубликована его первая оригинальная работа «Ночные действия», в которой автор, в частности, подробно разбирал трудности таких действий для войск и в заключение писал, что «именно благодаря этим трудностям начальники и войска, к ним

подготовленные, будут иметь выдающийся успех над теми, кто этой подготовкой пренебрег; об этом надо помнить в мирное время, чтобы не искупить свою ошибку кровью и неудачами во время войны»[13].

С января 1915 г. Слащов в действующей армии — лейб-гвардии в Финляндском полку, где занимал должности командира роты и батальона; пять раз был ранен, награжден всеми боевыми наградами до ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени включительно[14]. 12 ноября 1916 г. он был произведен в полковники[15], а 14 июля 1917 г. — назначен командующим гвардии Московским полком[16]. «Счастлив войти в семью славного полка, — писал Слащов в приказе о вступлении в командование полком,— но эта радость омрачается теми тяжелыми событиями, которые имели место последнее время. Позор лег на нас — мы по своей вине не выполнили своей задачи[17]... Но Отечество в опасности, и этим сказано все... Пока я во главе полка, я заставляю выполнять мои законные требования. Командирам рот и начальникам команд опросить своих солдат, кто из них хочет служить... и те, кто по тем или иным причинам не желают бороться за Родину, будут отправлены в распоряжение штаба IX армии. Списки нежелающих представить мне к 15 часам 14-го сего июля»[18].

Слащов относился к кадровому офицерству, которое, по его словам, «было воспитано в монархическом духе, политикой не интересовалось, в ней ничего не смыслило и даже в большинстве не было знакомо с программами отдельных партий» [19]. Однако по многим вопросам, и в частности касающимся состояния русской армии к осени 1917 г. и причин ее разложения, он занимал более объективную позицию, чем многие его сослуживцы. Слащов писал, что «причину разложения старой армии надо искать много глубже и много раньше, чем конец Европейской войны. Это разложение явилось следствием социальных причин — причин общего государственного строя, не удовлетворявшего интересам народных масс»[20]. Что же касается роли партии большевиков в этом процессе, то, по его мнению, нельзя считать, что она «не стремилась ликвидировать старую армию; она безусловно это делала, потому что для классовой борьбы нужно было новое орудие — нельзя вливать новое вино в старые мехи, и потому старая армия должна была погибнуть, но эта гибель

была предрешена уже только потому, что старая армия сама умирала. Поэтому неправы те, кто говорят, что фронт разложили большевики и не будь их — мы бы не дошли до позорного Брестского мира...»[21].

После опубликования «Временного положения о демократизации армии» 1 декабря 1917 г. Слащов, не желая продолжать службу, 8 декабря был признан медицинской комиссией «подлежащим эвакуации по ранениям»; на следующий день он «убыл» из полка[22].

18 января 1918 г. Слащов прибыл в Новочеркасск, где к этому времени было около 2 тыс. добровольцев — юнкеров и офицеров, которые, как пишет Слащов, в Добровольческую армию «частью шли „идейно", а частью потому, что некуда было деваться. Во всяком случае, все они были против Советской власти совершенно сознательно. Эту группу лиц не надо смешивать с позже попавшими в Добровольческую армию лицами из интеллигенции, очутившимися в ее рядах только потому, что жили в районе, захваченном ею. С таким же успехом они служили бы у красных»[23].

В числе эмиссаров, рассылавшихся генералом М. В. Алексеевым в различные районы для формирования отрядов для Добровольческой армии, был и Слащов, направленный в район Кавказских Минеральных Вод. Как он писал впоследствии, «участь этих эмиссаров была не лучше участи самой Добровольческой армии. Массы за ними не шли. Казачество было довольно Советской властью, отнявшей землю у помещиков... сколько я ни скитался по горам — ничего не удавалось: организуемые восстания срывались. Приходилось скрываться и не входить ни в один дом»[24].

Однако к июню 1918 г. обстановка резко изменилась: бросившие Кавказский фронт части Кавказской армии устремились на север и к середине апреля заполонили Северный Кавказ. Это послужило стимулом для так называемых иногородних, работавших у казаков или арендовавших у них землю, приступить к ее переделу. К тому же представители Советской власти на местах закрыли базары и стали отбирать у казаков излишки продуктов. В результате казачество, прежде всего зажиточное, уже без всякой агитации со стороны эмиссаров начало вступать в формируемые ими отряды для Добровольческой армии. В течение июня в Баталпашинском отделе Кубанского казачьего войска (Баталпашинск — ныне Черкесск) Слащовым был сфор-

мирован отряд численностью 5 тыс. человек, который возглавил офицер из кубанских казаков А. Г. Шкуро, поднявший еще в мае 1918 г. мятеж против Советской власти и захвативший ненадолго Кисловодск[25]; Слащов в этом отряде принял на себя должность начальника штаба.

21 июля 1918 г. при занятии отрядом Шкуро Ставрополя произошло его соединение с Добровольческой армией, которая во время своего 2-го Кубанского похода заняла Тихорецкую[26]. Здесь Шкуро был отстранен от командования, ибо, по словам Слащова, «уже тут стали сказываться его грабительские инстинкты»[27]. Отряд был реорганизован во 2-ю Кубанскую казачью дивизию, во главе которой был поставлен генерал С. Г. Улагай; начальником штаба дивизии после непродолжительного командования 1-й Кубанской пластунской бригадой был назначен Слащов.

В апреле 1919 г. Слащов производится в генерал-майоры с назначением начальником 5-й пехотной дивизии, а с августа того же года — начальником 4-й пехотной дивизии, состоявшей из сводных бригад 13-й и 34-й пехотных дивизий, Симферопольского офицерского полка, отдельной конной бригады (в составе Донского и двух Кубанских казачьих полков) и конвоя начальника дивизии (всего 2500 штыков и 2 тыс. сабель при 50 орудиях). В ноябре 1919 г. сводные бригады 13-й и 34-й пехотных дивизий были развернуты в дивизии и сведены в 3-й армейский корпус, командующим которого был назначен Слащов; корпус действовал на левом фланге Вооруженных сил юга России (ВСЮР) против петлюровцев и махновцев, на чем необходимо коротко остановиться.

Разрыв Н. И. Махно с Советской властью и его сближение с петлюровцами произошли в то время, когда деникинские войска осуществляли так называемый «поход на Москву», ими был занят Курск, и они находились на подходе к Орлу. Однако негибкая политика Деникина на Украине вылилась в открытые столкновения с петлюровцами; в результате у ВСЮР образовался неустойчивый и часто враждебный им тыл. Рейды Махно по тылам Деникина, начиная с первых чисел сентября 1919 г., спутали все карты последнего. «Это был небывалый, не имевший примера в истории разгром тыла... На сотни верст с большим трудом налаженная гражданская и административная жизнь в

городах и отчасти в селах была окончательно сметена. Уничтожены и сожжены огромные склады снаряжения и продовольствия для армии. Нарушены пути сообщения...»[28] Против Махно был направлен корпус Слащова, почти весь конный корпус Шкуро и все запасные части, которыми в то время располагала Ставка Деникина.

Несмотря на богатый опыт борьбы с партизанами, у Слащова с Махно в районе Елисаветграда завязались упорные бои, шедшие с переменным успехом, что может быть подтверждено, в частности, следующим примером.

В результате упорных боев, начавшихся 19 ноября, Слащову удалось 8 декабря 1919 г. выбить Махно из Екатеринослава. Считая, что с Махно покончено, Слащов сообщил об этом в Ставку Деникина. Но пока эта победная реляция шла по прямому проводу, Махно возвратился назад и захватил станцию, на которой находился поезд Слащова. Казалось, ему со штабом не избежать плена, и только личная храбрость Слащова, возглавившего атаку своего конвоя, позволила отразить нападение махновцев и затем вернуть город.

В середине декабря 1919 г. Слащов подготавливал крупную операцию против Махно, но она осуществлена не была из-за направления корпуса Слащова в Крым. Кстати сказать, по мере развития боевых действий против махновцев у Слащова рос интерес к незаурядной личности их «Батька» и, вспоминая не раз своего противника, даже после того как оборона Крыма выдвинула Слащова в ряд выдающихся военачальников «белого движения», он часто говорил: «Моя мечта — стать вторым Махно»[29].

В серии статей «Материалы по истории гражданской войны в России» Слащов оставил интересные воспоминания об операциях 4-й сводной дивизии, а затем 3-го армейского корпуса против С. В. Петлюры и Н. И. Махно на Южной Украине в последней четверти 1919 г.[30]

Может быть, Слащов так и остался бы в истории гражданской войны одним из корпусных командиров белой армии, если бы не крайне неблагоприятная стратегическая обстановка, сложившаяся для белых на юге России к декабрю 1919 г.

Начавшееся в конце октября 1919 г. контрнаступление Южного фронта Красной Армии увенчалось полным успехом: основная группировка во главе со став-

кой[31] Деникина (Добровольческая армия, донские, кубанские и терские казачьи части) отходила на Кавказ, другая — войска Новороссийской (генерала Н. Н. Шиллинга) и Киевской (генерала А. М. Драгомирова, затем генерала Н. Э. Бредова) областей — в Новороссию, прикрывая Николаев — Одессу и базируясь на последнюю; в результате вся Левобережная Украина, в том числе и подступы к Крыму, осталась без прикрытия.

Директивой Деникина от 17 декабря 1919 г. войска Киевской области и все силы, находившиеся на западе, были подчинены генералу Шиллингу, который из разговора со Ставкой Деникина 26 декабря уяснил, что его главной задачей является прикрытие Северной Таврии и Крыма с отводом войск на левый берег Днепра у Каховки и Херсона. Это решение предопределяло вопрос об оставлении Одессы, что вызвало резкий протест глав союзных военных миссий (в лице английского генерала Хельмана и французского генерала Ш.-М. Манжена), считавших удержание Одессы чрезвычайно важным фактором.

В связи с этим Шиллинг приказал 3-му армейскому корпусу под командованием Слащова, который, как указывалось, в это время вел борьбу с махновцами в районе Елисаветграда, срочно двинуться на юг и прикрыть Северую Таврию и Крым. Решение Шиллинга санкционировал в директиве от 31 декабря 1919 г. Деникин: «...удержание Одесского района признается чрезвычайно важным»[32]; главным силам Киевской области под командованием генерала Бредова предписывалось отходить постепенно к Нижнему Днестру и Бугу и прикрыть непосредственно Одессу.

Как пишет Слащов, Ставка Деникина смотрела на Крым «как на приговоренную к сдаче территорию»[33], поэтому для его обороны и были выделены такие недостаточные силы. Можно согласиться также с его мнением о том, что «если бы отводить главные силы Новороссии не на Одессу, а на Крым, то, опираясь на него, эти более крупные силы могли бы действовать активно» против Южного фронта Красной Армии, преследовавшего главные силы ВСЮР на Кавказе[34].

Между тем Слащов, получив приказ Шиллинга, 27 декабря 1919 г. отбросил Махно от Кичкасской переправы и двинулся на юг. Ввиду ограниченности сил (кроме своего корпуса, у него были 1-й Кавказский

стрелковый полк и Донская конная бригада, остальные части он отправил к Шиллингу) Слащов решил четырехсотверстный фронт Северной Таврии не оборонять, в чем ему не без труда удалось убедить Ставку Деникина. Это позволило Слащову опередить части Красной Армии в переброске своего корпуса в Крым и занять оборону его перешейков.

Отход корпуса Слащова на юг вызвал движение в том же направлении — вдоль левого берега Днепра — и 13-й армии красных под командованием А. И. Геккера. Это вынудило белых для прикрытия Херсона и Николаева не только с севера, но и с востока использовать части 2-го армейского корпуса генерала М. Н. Промтова. Однако последний не смог удержать не только эти города, но и рубеж р. Буг, после чего стал отходить, но не в Крым на усиление корпуса Слащова, а к Одессе. Между тем вступление Красной Армии в Крым казалось более вероятным, чем скорое падение Одессы: в силу, во-первых, стратегических соображений, которыми должно было бы руководствоваться командование Юго-Западного фронта в лице командующего А. И. Егорова и члена Реввоенсовета И. В. Сталина, а во-вторых, малочисленности отходивших к крымским перешейкам войск Слащова, на усиление которых за счет находившихся в Крыму не было надежды[35].

Но если Ставка Деникина выделила для обороны Крыма недостаточные силы, то, в свою очередь, и командование Юго-Западного фронта также недооценило значение Крыма как возможной базы для создания нового фронта белых. Если бы против слабого корпуса Слащова (первоначально всего 2200 штыков, 1300 сабель, 32 орудия, 8 бронепоездов и 6 танков) были направлены более крупные силы, можно было бы покончить с ним раньше, чем переправились в Крым с Северного Кавказа остатки главных сил армии Деникина — 35—40 тыс. бойцов, 100 орудий и до 500 пулеметов, составившие основу Русской армии генерала П. Н. Врангеля.

Один из первых приказов Слащова в Крыму гласил: «Вступил в командование войсками, защищающими Крым. Объявляю всем, что пока я командую войсками — из Крыма не уйду и ставлю защиту Крыма вопросом не только долга, но и чести»[36].

Следует особо подчеркнуть, что Слащов вообще придавал большое значение своим приказам как сред-

ству доведения требований, которые он, как лицо, отвечающее за оборону Крыма, считал необходимым предъявить вверенным ему войскам, а также общественным организациям различного толка и гражданскому населению. И надо отдать должное Слащову, что в написании приказов он достиг высокого совершенства: по своему содержанию, лаконичности и вместе с тем ясности и доступности для понимания солдата и простого народа они чем-то напоминали приказы выдающихся представителей русской армии — А. В. Суворова, А. П. Ермолова, М. Д. Скобелева. В бытность Слащова командиром корпуса в Крыму зимой 1919—20 гг. многие его приказы были опубликованы в газетах, а также расклеивались в виде листовок для всеобщего обозрения в городах, селах, железнодорожных станциях и т. д. И можно без преувеличения сказать, что оригинальные и яркие приказы Слащова, наряду с его умелым руководством войсками по обороне Крыма и личной храбростью, в значительной степени способствовали росту его авторитета в военных и гражданских кругах и созданию вокруг его имени ореола выдающегося военачальника. В качестве примера приведем один из таких приказов.

Приказ

31-го Декабря 1919 г. ст. Джанкой № 4383

На фронте льется кровь борцов за Русь Святую, а в тылу происходит вакханалия. Лица же офицерского звания пьяными скандалами позорят имя добровольцев; в особенности отличаются чины дезертировавших с фронта частей. Все это подрывает веру в спасение Родины и наш престиж. Вдобавок спекуляция охватила все слои общества. Между тем, забывшие свою честь видимо забыли и то, что наступил серьезный момент и накатился девятый вал. Борьба идет на жизнь и на смерть России.

Согласно приказа, я обязан удержать Крым и для этого облечен соответствующей властью и располагаю достаточными силами, но для поддержки фронта мне необходимо оздоровление тыла. Я прошу граждан помочь мне. Общественные организации и классовые комитеты, любящие Родину, прийдите совместной работой поддержать меня. Об этом я прошу всех, не потерявших совесть и не забывших своего долга: а остальным заявляю, что буду продолжать борьбу не один, так как безсознательность и своекорысть жителей меня не остановит. Не остановлюсь и перед крайними мерами.

Сейчас приказываю: 1) Распоряжением всех комендантов крепостей, начальников гарнизонов, комендантов городов и начальников уездов (последним под руководством Губернатора) опечатать винные склады и магазины и безпощадно карать появившихся в пьяном виде военнослужащих и гражданских лиц. Спекулянтов и производящих пьяный дебош немедленно препровождать под кон-

воем на ст. Джанкой для разбора их дела военно-полевым судом, находящимся непосредственно при мне и приговор которого буду утверждать лично. 2) На всей территории Крыма, на основании приказа ген. Деникина и с согласия Губернатора, запрещаю азартную карточную игру. Содержателей подобных притонов покараю не штрафами, а по приговору военно-полевого суда в Джанкое, как пособников большевизма. 3) Повторно разъясняю, что мне ген. Шиллингом приказано удержать Крым и что я это выполню во что бы то ни стало и не только попрошу, а заставлю всех помочь. Мешающих же этому сопротивлением и индеферентностью из-за корыстных целей, наносящих вред борцам за Русь Святую, говорю заранее: упомянутая безсознательность и преступный эгоизм к добру не поведут. Пока берегитесь, а не послушаетесь — не упрекайте за преждевременную смерть.

Генерал Слащов*

* ЦМВС СССР. Ф. 4. Оп. III. 4. 17. Д. Б-169.

Принятый Слащовым план обороны Крыма состоял в том, чтобы, учитывая жестокие морозы и отсутствие жилья, крымские перешейки занимались только сторожевым охранением, а основные силы корпуса были сосредоточены за перешейками в виде сильных резервов, которые использовались бы для контратак и нанесения контрударов.

В январе и марте 1920 г. 13-я Красная армия (командующие А. И. Геккер, а с 18 февраля — И. Х. Паука) предприняла несколько попыток прорваться в Крым. Однако Слащов, допуская продвижение красных даже до Юшуня, за счет маневра своими сильными резервами наносил контрудары и заставлял их отходить. Преследуя части 13-й армии, он трижды захватывал Перекоп и Чонгар, после чего возвращал свои силы в исходное положение — сторожевое охранение занимало перешейки, а главные силы снова отводились в резерв. Такая тактика, соответствовавшая духу и психологии армий в гражданскую войну, вполне себя оправдала и сорвала планы советских войск прорваться в Крым. Это вызвало телеграмму В. И. Ленина Э. М. Склянскому от 15 марта 1920 г.: «Нужно постановление РВС: обратить сугубое внимание на явно *допущенную* **ошибку** с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил)... Ряд точнейших и энергичнейших постановлений РВС об этом *необходим немедленно*»[37].

За успешные действия по обороне Крыма Деникин в феврале 1920 г. переименовал 3-й армейский корпус в Крымский. Он же оставил следующую характеристику его командира: «Приняв участие в нашей борьбе

еще со времени второго кубанского похода, Слащов выдвинулся впервые в качестве начальника дивизии, пройдя с удачными боями от Акманайской позиции (Крым) до Нижнего Днепра... Вероятно, по натуре своей он был лучше, чем его сделали — безвременье, успех и грубая лесть крымских животолюбцев. Это был еще совсем молодой генерал, человек позы, неглубокий, с большим честолюбием и густым налетом авантюризма. Но за всем тем он обладал несомненными военными способностями, порывом, инициативой и решимостью. И корпус повиновался ему и дрался хорошо»[38]. Когда близкие к Деникину военные и общественные круги, в том числе такие опытные генералы, как А. С. Лукомский, не понимая тактики Слащова, выражали опасение, что он не сможет удержать Крым, и предлагали заменить другим лицом, Деникин не соглашался с ними и считал Крымский фронт достаточно устойчивым. «Цену Слащову я знал,— писал Деникин,— но он твердо отстаивал перешейки, увольнение его могло вызвать осложнение в его корпусе и было слишком опасным»[39].

В трагические для ВСЮР дни, когда под ударами Южного фронта (с января 1920 г. Юго-Западного) под командованием А. И. Егорова у белых отпала последняя надежда удержаться за р. Кубань, Слащов направил Деникину доклад, в котором содержались, во-первых, серьезные доводы в пользу переброски войск, особенно кавалерии, через Таманский полуостров в Крым, а во-вторых, просьба разрешить выделить из состава находящихся в Крыму войск 1500 человек и занять ими Таманский полуостров по устье Кубани, чтобы при соответствующей поддержке находящихся на Кавказе войск удержать полуостров и обеспечить указанную выше операцию. Но Деникин, оставив этот доклад без внимания, не выделил достаточного количества войск для надежного обеспечения переброски войск через Таманский полуостров в Крым (к 9 марта 1920 г. красная кавалерия выбила слабые части гвардейской казачьей бригады из Анапы) и не сумел собрать в Новороссийске достаточного количества судов для эвакуации.

Новороссийская катастрофа и капитуляция деникинских войск, пытавшихся через Грузию уйти в Турцию или Иран, в районе Сочи окончательно подорвали у армии и в общественных кругах веру в главнокоман-

дующего ВСЮР Деникина, который приказом № 2899 от 4 апреля 1920 г. передал этот пост генерал-лейтенанту барону П. Н. Врангелю.

В первый же день вступления в новую должность Врангель телеграфировал Слащову: «...Для выполнения возложенной на меня задачи мне необходимо, чтобы фронт был непоколебим. Он — в ваших руках, и я спокоен»[40]. Одновременно Врангель произвел его в генерал-лейтенанты, а начальника штаба Слащова Генштаба полковника Г. А. Дубяго в генерал-майоры. Вместе с тем новый главнокомандующий имел серьезные основания видеть в Слащове опасного соперника, поэтому у них доверительных отношений ни по службе, ни личных не сложилось.

Используя некоторую передышку в военных действиях, Врангель произвел перегруппировку и пополнение своих сил за счет войск, бежавших и вывезенных из портов Новороссийска, Таганрога, а также с Кубани. Все расположенные в Крыму войска Врангель реорганизовал в Русскую армию в составе трех армейских корпусов: 1-го (бывшего Добровольческого) под командованием генерала А. П. Кутепова, 2-го (бывшего Крымского) во главе со Слащовым и 3-го под командованием генерала П. К. Писарева; конница была сведена в конный корпус генерала И. Г. Барбовича, Донской казачий корпус и Кубанскую казачью дивизию.

В порядке осуществления общего плана Ставки Врангеля по перенесению военных действий в Северную Таврию корпус Слащова в начале июня 1920 г. успешно провел десантную операцию. Погрузившись на 28 судах в портах Феодосия и Керчь, десант скрытно пересек Азовское море и через Керченский пролив под прикрытием миноносцев 7 июня высадился в районе деревни Кирилловка. Совершив быстрый марш, десант перерезал железную дорогу Мелитополь — Крым и 9 июня занял город Мелитополь. Затем корпус участвовал в операциях врангелевской армии в Северной Таврии, однако бои под Каховкой не принесли ему успеха, хотя корпус и понес тяжелые потери. Давно назревавший конфликт Врангеля со Слащовым привел к рапорту последнего с просьбой об отставке, которая была принята[41].

Опасаясь, однако, нежелательной для себя реакции на удаление такого популярного в армии и общественных кругах Крыма генерала, Врангель для успокоения

общественного мнения в специальном приказе № 3505 от 19 августа 1920 г. отметил, что имя генерала Слащова «займет почетное место в истории освобождения России от красного ига», что ввиду страшного переутомления он «вынужден на время отойти на покой», но приказал «дорогому сердцу русских воинов — генералу Слащову именоваться впредь Слащов-Крымский»[42]. В изданном Врангелем в тот же день другом приказе Слащов «в изъятии из общих правил» зачислялся в его распоряжение «с сохранением содержания по должности командира корпуса»[43].

Признание заслуг Слащова в названном приказе не помешало Врангелю в своих воспоминаниях написать, что хотя Слащов «отличный и энергичный офицер» и «очень храбрый человек» и что лишь благодаря ему «мы смогли удержать Перекопский перешеек», однако «из-за полной независимости, отсутствия какого-то ни было контроля и полной несостоятельности в оценке своих действий он потерял голову. Его необузданный темперамент и слабовольная натура сделали его жертвой самой низкой мести; он плохо разбирался в людях, кроме того, предавался болезненной страсти к возлияниям и наркотикам. Потерял управление собой в общей атмосфере распущенности» и был «совершенно неспособен удержаться на ответственном посту»[44].

Свою встречу со Слащовым, который 18 августа 1920 г. после отстранения от должности прибыл в Севастополь, Врангель описывает следующим образом: «Генерал Слащов из-за склонности к алкоголю и наркотикам стал полностью невменяем и представлял собой ужасное зрелище. Лицо было бледным и подергивалось в нервном тике, слезы текли из глаз. Он обратился ко мне с речью, которая была красноречивым доказательством, что я имею дело с человеком с расстроенной психикой». Врангель с трудом его успокоил, посоветовал поберечь себя, чтобы еще принести пользу общему делу и обещал, «что его отъезд не будет истолкован как отставка...». При медицинском осмотре у Слащова была найдена острая форма неврастении[45].

Следует особо подчеркнуть, что, несмотря на опалу и, по сути дела, отстранение от активной деятельности, авторитет Слащова — «белого генерала»[46], «героя Перекопа», отстоявшего Крым от большевиков и превратившего его в последнюю цитатель «белого движе-

ния»,— оставался по-прежнему очень высоким. Свидетельством этому может служить, в частности, приглашение Слащова в Ялту 4 сентября 1920 г., проведение в его честь торжественных собраний с преподнесением весьма лестных адресов и присвоение постановлением Ялтинской городской думы звания почетного гражданина города Ялты с помещением портрета в здании городского управления[47].

Из Ялты Слащов уехал в Ливадию, где около трех недель проживал на даче, ранее принадлежавшей министру императорского двора и уделов генералу графу В. Б. Фридериксу. Здесь он работал над собранными им материалами по истории защиты Крыма в 1920 г., однако эту работу ему закончить не удалось: осложнение обстановки в Северной Таврии побудило его выехать на фронт.

Начавшееся 28 октября 1920 г. общее наступление Южного фронта проходило успешно. «Тем не менее основная задача — уничтожение вооруженных сил белых... разрешена не была. Мы нанесли врагу жесточайший удар, мы откололи от него все недостаточно устойчивое, случайно или временно примкнувшее (в числе свыше 20 тыс. пленных подавляющее большинство оказались бывшими пленными красноармейцами и мобилизованными крестьянами Северной Таврии.— *А. К.*), но ядро врангелевской армии, ее кадры сумели ускользнуть за перешейки»[48]. Однако судьба белого Крыма была решена: в ночь на 8 ноября начался штурм Чонгарского и Перекопского перешейков; после упорных боев оборона белых была прорвана и они начали поспешно отходить на юг к черноморским портам. В силу ряда причин, рассмотрение которых не входит в нашу задачу, белым удалось оторваться от наступающих и в отличие от Новороссийска достаточно организованно провести эвакуацию практически всех военнослужащих и гражданских лиц, которые не желали или не могли оставаться в Крыму. Не считая судовых команд, на суда были погружены 145 693 человека. Посадив свою жену и дочь[49] на вспомогательный крейсер «Алмаз», Слащов на ледоколе «Илья Муромец», поместив на него брошенные остатки лейб-гвардии Финляндского полка с полковым Георгиевским знаменем, в рядах которого он начал свою службу в 1905 г., а затем два года участвовал в первой мировой войне, покинул Крым.

Коротко остановимся на судьбе военнослужащих врангелевской армии (генералов, офицеров, казаков, солдат и военных моряков), которые не пожелали эвакуироваться и остались в Крыму. Не чувствуя своей какой-либо особой вины перед Советской властью, они рассчитывали на снисходительное с ее стороны к ним отношение. Тем более что во многих воззваниях и обращениях к военнослужащим армии Врангеля им гарантировалась полная амнистия. Не задерживая внимания читателя на всех этих документах, остановимся только на двух из них — от 12 сентября и 10 ноября 1920 г.

Так, в первом из этих документов — «Воззвании к офицерам армии барона Врангеля», подписанном Председателем ВЦИК М. И. Калининым, Председателем Совнаркома В. И. Ульяновым (Лениным), наркомом по военным и морским делам Л. Д. Троцким, Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Республики С. С. Каменевым и председателем Особого совещания при Главкоме А. А. Брусиловым, говорилось, что «честно и добровольно перешедшие на сторону Советской власти не понесут кары. Полную амнистию мы гарантируем всем переходящим на сторону Советской власти. Офицеры армии Врангеля! Рабоче-крестьянская власть последний раз протягивает вам руку примирения» (Правда. 1920. 12 сент.).

10 ноября 1920 г. в 24 часа РВС армий Южного фронта (командующий М. В. Фрунзе, члены РВС И. Т. Смилга, М. В. Владимиров и Бела Кун) направил из Мелитополя радиограмму «Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России генералу Врангелю», в которой «на основании полномочий, предоставленных ему центральной Советской властью», гарантировал «сдающимся, включая до лиц высшего комсостава, полное прощение в отношении всех проступков, связанных с гражданской борьбой». Всем нежелающим остаться и работать в социалистической России предоставлялась «возможность беспрепятственного выезда за границу при условии отказа на честном слове от дальнейшей борьбы против рабоче-крестьянской России и Советской власти». На Врангеля лично возлагалась «моральная ответственность за все возможные последствия в случае отклонения делаемого честного предложения». Врангель не ответил на это

предложение и скрыл его от своих войск. Как известно, В. И. Ленин был «крайне удивлен непомерной уступчивостью условий» сдачи врангелевской армии и в телеграмме РВС Южного фронта указал, что если противник «не примет этих условий», то их не следует больше повторять, а нужно с ним «расправиться беспощадно» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 52. С. 6)[50].

Изложение этого вопроса закончим отрывком из воспоминаний А. А. Брусилова, написанных им в Карловых Варах в 1925 г. (в сентябре 1989 г. переведены ЦГВИА в открытое хранение. Ф. 162. Оп. 1. Д. 18. Л. 155—159).

В сентябре 1920 г. к Брусилову приехал секретарь Э. М. Склянского И. Ф. Медынцев и пригласил его срочно приехать к Склянскому, который «по поручению Троцкого» сообщил Брусилову, что «в штабе и даже войсках Врангеля происходит настоящее брожение», войска «заставляют силой бороться (с Красной Армией.— *А. К.*) и покидать родную землю, что состав офицеров определенно настроен против распоряжений высшего начальства», намерен низвергнуть Врангеля и объявить его армию «красной Крымской под командой Брусилова» (см.: *Ленин В. И.* Военная переписка, 1917—1922. М., 1987. С. 371). На вопрос Склянского, считает ли Брусилов возможным «принять командование врангелевской армией», Брусилов ответил согласием и сказал: «Я приду на помощь русским офицерам, солдатам и казакам, постараюсь быть для них руководителем и согласовать их действия с планами Советской Республики». Тогда Склянский предложил Брусилову подготовить воззвание к врангелевской армии о согласии принять над ней командование, составить свой «якобы штаб», поставив в известность о фамилиях намеченных в него лиц, а также быть готовым к выезду на юг.

«Я воодушевился,— писал Брусилов,— поверив этому негодяю (Склянскому.— *А. К.*). Я думал: армия Врангеля в моих руках плюс все те, кто предан мне внутри страны, в рядах Красной Армии, конечно, я поеду на юг с звездой... а вернусь с крестом и свалю этих захватчиков (большевиков.— *А. К.*)». В тот же вечер Брусилов пригласил к себе нескольких бывших генералов, которым он «вполне верил», причем в тексте он не назвал их фамилии, а в сноске к тексту эти фамилии были тщательно зачеркнуты.

Однако этим честолюбивым планам Брусилова не суждено было осуществиться: через несколько дней Склянский «при случае» сообщил ему, что сведения в отношении разложения врангелевской армии «были неверные, бунта никакого не было и что все таким образом распалось». А затем приехавшие из Крыма друзья Брусилова рассказали ему, что в период эвакуации из Крыма среди врангелевских войск распространялось подписанное его именем воззвание, которое в действительности, как утверждает Брусилов, он «никогда не подписывал». Однако многие офицеры поверили этому воззванию, «оставались на берегу и попадали в руки не мои,— как пишет Брусилов,— а свирепствовавшего Бела Куна... массами их расстреливавшего. Суди меня Бог и Россия!»

По приезде в Константинополь Слащов, по словам А. Н. Верцинского, поселился «в маленьком грязноватом домике, где-то у черта на куличках (в Галате.— *А. К.*) ...с маленькой кучкой людей, оставшихся с ним до конца. В числе них была и „знаменитая" Лида (ординарец Слащова „юнкер Нечволодов". — *А. К.*). Мы встретились... Он еще больше побелел и осунулся. Лицо у него было усталое. Темперамент куда-то исчез. Кокаин стоил дорого, и, лишенный его, он утих и постарел сразу на десять лет»[51].

В связи с собранием русских общественных деятелей и вынесением ими резолюции, в которой они призывали поддержать Врангеля в дальнейшей борьбе против Советской России, Слащов 14 декабря 1920 г. написал письмо на имя председателя собрания П. П. Юренева, в котором содержалась резкая критика деятельности Врангеля и его окружения[52].

Вскоре после этого Врангель издал приказ о суде чести над генералами и предал этому суду Слащова. 21 декабря 1920 г. суд признал поступок Слащова (его письмо председателю комитета общественных деятелей) «не достойным русского человека и тем более генерала» и приговорил Слащова к увольнению «от службы без права ношения мундира»; в тот же день Врангель утвердил приговор[53]. В ответ Слащов опубликовал в январе 1921 г. в Константинополе книгу «Требую суда общества и гласности». За нахождение ее у кого-либо в Галлиполи, где расположилась прибывшая из Крыма врангелевская армия, «жестоко карали, но она там распространялась»[54].

Внимательно следя за действиями Врангеля и Кутепова в Галлиполи, за их переговорами с представителями иностранных держав о нападении на Советскую Россию, направлении в нее вооруженных контингентов и отдельных лиц для поднятия восстаний и т. д., Слащов все больше и больше убеждался «в преступности существования этой армии»[55]. Эта убежденность нашла в нем глубоко подготовленную почву для гласного разрыва с белой эмиграцией и возвращения в Советскую Россию.

Когда в ВЧК попали сведения о желании Слащова вернуться на Родину, там отлично знали, что собой представляет эта личность и какие «лавры» она стяжала себе за время участия в «белом движении», особенно на должности начальника обороны Крыма. Но интересы государства требовали дальновидной политики: во-первых, разрыв Слащова с белой эмиграцией и возвращение его в Советскую Россию давали возможность использовать этого авторитетного генерала в целях разложения почти 100-тысячной военной эмиграции, опасность которой в то время нельзя было сбрасывать со счетов, а во-вторых, сам факт возвращения такого видного военного деятеля белых имел бы большой политический резонанс.

Вот почему по указанию Ф. Э. Дзержинского в Крым был направлен особоуполномоченный ВЧК, которому было поручено ведение переговоров со Слащовым. Последнему сообщили, что Советское правительство разрешает ему вернуться на Родину, где он будет обеспечен работой по специальности — преподавать в военно-учебном заведении.

Отправив жену и дочь в Италию, Слащов после декрета ВЦИК об амнистии от 3 ноября 1921 г. выехал из Константинополя. Перед отъездом он направил в заграничные газеты письмо с объяснением своего решения: «В настоящий момент я нахожусь на пути в Крым. Все предположения, что я еду устраивать заговоры или организовывать тайком всех повстанцев, бессмысленны. Внутри России революция окончена... Если меня спросят, как я, защитник Крыма от красных, перешел теперь к ним, я отвечу: я защищал не Крым, а честь России. Ныне меня зовут защищать честь России, и я еду выполнять свой долг, считая, что все русские, военные в особенности, должны быть в настоящий момент в России»[56].

21 ноября Слащов прибыл в Севастополь, откуда был перевезен на станцию железной дороги в вагон Ф. Э. Дзержинского, который прервал свой отпуск и вместе со Слащовым выехал в Москву[57].

Слащов признал свою тяжкую вину перед народом за жестокости, проявленные им при подавлении революционных выступлений в Екатеринославе, Николаеве, Крыму и других местах, и был амнистирован Советским правительством.

В день возвращения на Родину Слащов написал обращение к офицерам и солдатам армии Врангеля и к беженцам, в котором говорилось: «С 1918 года льется русская кровь в междоусобной войне. Все называли себя борцами за народ. Правительство белых оказалось несостоятельным и не поддержанным народом — белые были побеждены и бежали в Константинополь. Советская власть есть единственная власть, представляющая Россию и ее народ. Я, Слащов-Крымский, зову вас, офицеры и солдаты, подчиниться Советской власти и вернуться на Родину». К этому обращению присоединились возвратившиеся со Слащовым генерал-майор А. С. Мильковский и полковник Э. П. Гильбих. «Мысля едино со Слащовым и подписывая его обращение, мы, в свою очередь, обращаемся ко всем знающим нас, верящим нам и искренне любящим свою Родину без всяких колебаний последовать нашему примеру»[58].

Писатель-эмигрант А. Слободской писал, что «неожиданный отъезд Слащова в Советскую Россию всколыхнул, буквально сверху донизу, всю русскую эмиграцию»[59], а обращение Слащова от 21 ноября 1921 г., выступления по радио, письма за границу и т. д. способствовали разложению белой эмиграции, особенно ее военной части, и возвращению на Родину.

С июня 1922 г. Слащов получил штатную должность преподавателя (с 1924 г.— главного руководителя) тактики Высшей тактически-стрелковой школы командного состава (школы «Выстрел»)[60], проявив себя крупным военным специалистом и блестящим лектором.

Бывший слушатель отделения командиров полков (выпуска 1927 г.) генерал-лейтенант войск связи Т. П. Каргополов писал, что при изучении тактики старались разбирать каждое положение на боевых примерах первой мировой и гражданской войн. При этом

примеры, как правило, приводились те, участниками которых были наши слушатели или преподаватели. Нередко при этом вспыхивали жаркие споры, «особенно часто это случалось на уроках преподавателя Слащова, который говорил примерно так, обращаясь к тому или другому слушателю: „А помните бой под N? Тогда ваш батальон отошел в беспорядке, с большими потерями. Произошло это потому, что Вы не оценили и не учли то-то и то-то". Задетый этой оценкой, товарищ поднимался, просил слова и говорил: „А Вы помните бой под N, где мой полк разбил полк Вашей дивизии?" Далее следовало обстоятельное изложение боевых порядков сторон, их действий и причин поражения белых. Случалось, что продолжение спора переносилось на вечернее время в общежитие, куда являлся преподаватель. Все это заставляло нас много читать, анализировать прочитанное и делать выводы»[61].

Кроме преподавательской работы, Слащов активно сотрудничал в периодической печати. Его перу принадлежат ряд оригинальных статей в военных журналах[62], а также статья «Лозунги русского патриотизма на службе Франции (Период Деникина.— Период Врангеля)» в книге «Кто должник? К вопросу о франко-советских отношениях» (М., 1926).

Последний труд, написанный Слащовым, назывался «Мысли по вопросам общей тактики: из личного опыта и наблюдений» (М.; Л., 1929) и увидел свет уже после смерти автора. В предисловии от редакции говорилось: «Труд подготовлен к печати покойным А. А. (Я. А. — *А. К.)* Слащовым и представляет отражение его личных взглядов. Богатейший боевой опыт и страстность, которую вносит автор в освещение и обсуждение отдельных вопросов, делают работу не только дискуссионной, но и с интересом читаемой. Это побудило редакцию оставить без изменений текст даже там, где высказываемые автором положения не вполне совпадают с принятыми в Красной Армии, тем более что „Мысли по вопросам общей тактики" не претендуют на роль учебного руководства... Автору, конечно, чужд марксистский анализ, столь необходимый для научного освещения вопросов методики, но тем не менее командный состав и здесь найдет ряд полезных указаний». Книга заканчивалась словами, которые составляли лейтмотив всей боевой деятельности ее автора: «В бою держитесь твердо своего принятого

решения — пусть оно будет хуже другого, но, настойчиво проведенное в жизнь, оно даст победу, колебания же приведут к поражению»[63]. На наш взгляд, полезная рекомендация не только для военного, но и для каждого гражданина.

В 1928 г. увидела свет драма М. А. Булгакова «Бег», которая была посвящена отступлению врангелевской армии и вместе с ней гражданских беженцев от крымских перешейков до портов на южном берегу Крыма. Автору не могло быть, конечно, не известно, что Слащов был отстранен от командования корпусом в начале августа 1920 г. под Каховкой, следовательно, ни в этой, ни в какой-либо другой должности никак не мог принимать участия в описываемом в драме-«беге»[64]. Тем не менее Булгаков из нескольких врангелевских генералов, которые командовали армиями и корпусами (А. П. Кутепов, Д. П. Драценко, В. К. Витковский, заменивший Слащова, П. К. Писарев и др.), в качестве прототипа одного из героев своей драмы — генерала Хлудова — выбрал все же находившегося не у дел Слащова. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что Булгаков в образе Хлудова хотел показать не заурядного генерала, а, по справедливому суждению В. В. Петелина, «резко выраженную человеческую индивидуальность». Хлудов у Булгакова «всегда был там, где труднее. Он сам водил в атаку солдат. Не раз был ранен. Популярность его среди солдат и офицеров велика. В нем воплотились лучшие качества русского генерала: храбрость, мужество, благородство, честь, порядочность, любовь к солдатам, любовь к России и стремление отстоять ее величие»[65]. Именно эти качества были присущи Слащову.

Небезынтересно отметить, что попытки экранизировать события, происходившие в Крыму в 1920 г., впервые были предприняты акционерным обществом «Пролетарское кино» еще в 1925 г., когда планировались съемки фильма «Врангель» по сценарию Л. О. Полярного и М. И. Перцовича. В качестве консультанта военно-технической стороны фильма при доработке сценария, а также в качестве артиста в роли «генерала Слащова-Крымского» был приглашен Слащов; на роль его ординарца («юнкера Нечволодова») была приглашена жена Слащова Нина Николаевна[66].

К сожалению, мне не удалось выяснить судьбу этого фильма, но из беседы Слащова с корреспондентом

одной из московских газет можно уяснить, что планировавшимися к показу в картине боями он в связи с тем, что к этому времени уже находился в отставке, не руководил, хотя все события, происходившие в то время в Крыму, ему, конечно, хорошо известны. «Мое участие в съемках картины, — говорил Слащов, — является крайне ограниченным и вызвано тем, что при обрисовке ломки идеологии в белой армии штаб Слащова обойти молчанием нельзя»[67].

Незадолго перед смертью Слащов писал: «Много пролито крови... Много тяжких ошибок совершено. Неизмеримо велика моя историческая вина перед рабоче-крестьянской Россией...» Но если ей «в годину тяжелых испытаний снова придется... вынуть меч — я клянуть, что... кровью своей докажу, что мои новые мысли и взгляды... не игрушка, а твердое, глубокое убеждение»[68].

Смерть настигла Слащова при обстоятельствах, которые он предвидел, собираясь вернуться на Родину. 11 января 1929 г., на следующий день после своего дня рождения, Слащов был убит в своей комнате во флигеле, в котором проживали преподаватели школы «Выстрел» (Москва, Лефортово, Красноказарменная ул., д. 3). Задержанный убийца, назвавшийся Коленбергом, показал, что убийство им совершено по мотивам мести за брата, который был казнен по распоряжению Слащова в Крыму[69]. На следующий день газета «Красная Звезда» опубликовала сообщение о смерти Слащова, в котором говорилось, что «неожиданное убийство (Слащова.— *А. К.*)... является совершенно бесцельным, никому не нужным и политически не оправданным актом личной мести», а 15 января эта же газета сообщила о состоявшейся 14 января кремации тела Слащова в Донском монастыре.

К сожалению, мне не удалось ознакомиться с материалами, прежде всего архивными, относящимися к службе Слащова в Красной Армии (особенно в последние годы) и к его смерти. Если такие материалы и сохранились, они, видимо, все еще находятся в архивах специальных ведомств, куда доступ пока закрыт. И все же должен заметить, что версия о «личной мести» мне не представляется достоверной, ибо примерно в это время в нашей стране начались уже широкие репрессии против бывших так называемых буржуазных специалистов, в том числе и военных. Имен-

но в период, начиная с 1929 г., тысячи и тысячи бывших генералов и офицеров, как состоящих на действительной военной службе, так и преимущественно уже уволенных из рядов армии, были арестованы, расстреляны, высланы в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока. При этом в наибольшей степени пострадали бывшие офицеры белых и буржуазно-националистических армий, которых в Красной Армии в 1920—1921 гг. было около 14,5 тыс.[70]; возвратившиеся из эмиграции; бывшие гвардейцы и казачьи офицеры, наконец, бывшие офицеры с нерусскими (главным образом немецкими, польскими, прибалтийскими и др.) фамилиями. Тысячи из них реабилитированы, а о судьбе многих нет сведений и по сей день (например, крупного военного писателя и историка, бывшего генерал-лейтенанта Евгения Ивановича Мартынова, служившего в Красной Армии с 1918 по 1928 г.)[71]. Поэтому не исключено предположение, что Слащов стал одной из первых жертв небезызвестной теории И. В. Сталина усиления классовой борьбы по мере продвижения к социализму.

Может быть, в будущем и прояснятся истинные причины смерти Слащова, а пока буду весьма признателен читателям за любую информацию, связанную с его личностью.

Возвращаясь к воспоминаниям Слащова, отметим, что его книга «Крым в 1920 г.» представляет собой довольно стройное повествование о событиях в Крыму с декабря 1919 г. по ноябрь 1920 г., т. е. по время эвакуации врангелевской армии из Крыма. Именно поэтому с этой книги и начинается настоящее издание.

Ценность книги, написанной живо и увлекательно, состоит в том, что это не просто воспоминания — события Слащовым излагаются через призму его богатого боевого опыта, личных тактических взглядов, через тонкие наблюдения. Автор достаточно объективен и самокритичен, отдает должное противнику, оценивает свои действия с учетом действий и ошибок противной стороны. Слащов привык нести ответственность за принимаемые им решения; он, в частности, не скрывает, что им были утверждены смертные приговоры на 105 человек, причем среди них были представители не только трудового народа, но и офицеры-орловцы и даже любимец Врангеля — полковник Протопопов.

Хотелось бы, однако, сделать два замечания. Слащов не без оснований подвергает беспощадной критике своих бывших начальников и сослуживцев, при этом особенно достается Врангелю, Шатилову и Коновалову. Однако едва ли можно согласиться со Слащовым в том, что Врангель «в роли главкома оставался с понятиями эскадронного командира, не желающего лично вести в бой свои части»[72]. Врангель имел боевой опыт русско-японской и первой мировой войн, в последней из них он один из первых был награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. В ВСЮР Врангель командовал дивизией, корпусом и армией (сначала Кавказской, а затем недолго — Добровольческой). Конечно, крупным военачальником он себя не проявил, но и приравнивать его к эскадронному командиру едва ли правомерно. Д. А. Фурманов же, автор предисловия к рассматриваемой книге Слащова, с одной стороны, называет Врангеля и его окружение (Шатилова, Шиллинга и др.) мрачной группой «великодержавных бандитов» с присущими им типичными чертами «погибающего, наполовину сгнившего, враждебного нам класса», «золотопогонным сбродом», у которого «черная непроглядная слякоть в мозгах... отсутствие определенных убеждений и целей», а с другой — признает руководителей «белого движения» большими мастерами военного дела, проявлявшими «немало самого подлинного личного геройства, отваги и прочего», и делает вывод, что Красная Армия «имела перед собою не случайный сброд и не военный кисель, а организованного, стойкого, сильного, часто отважного и решительного врага». Потому-то она «и геройская, что даже такого врага, а повалила, придушила, сбросила»[73].

Вторая помещенная в данном издании книга Слащова, «Требую суда общества и гласности»[74], в значительной своей части состоит из его документов, дневника Каховской операции с 25 июля по 2 августа 1920 г., статьи из газеты «Заря России» с описанием операции 2-го армейского корпуса под командованием Слащова в начале июня 1920 г., а также главы, посвященной так называемому украинскому вопросу[75]. Поэтому эту книгу можно считать как бы приложением к книге «Крым в 1920 г.», тем более что Слащов признал, что эту книгу писал не он, а генерал Н. А. Киленин, но в момент набора книги в Константинополе

контрразведка так стала запугивать, что Киленин испугался и отказался поставить свое имя[76]. Тогда Слащов, «уже связанный получением задатка и неустойкой, должен был срочно поставить на книжке свою фамилию и попросить заменить слова „комкор" и „Слащов" словом „я". Книжка получилась куцая, малопонятная, без надлежащего освещения и полноты описываемых сведений...»[77].

Авторский текст указанных книг сохранен полностью[78].

В заключение хотелось бы выразить надежду, что советский читатель с интересом ознакомится с воспоминаниями Я. А. Слащова-Крымского, которые являются ценным источником по истории гражданской войны на юге России в 1920 г.

А. Г. Кавтарадзе

1 В различных источниках и литературе фамилия Слащов пишется по-разному — через «о» и через «е». Так, в частности, в последнем послужном списке, датированном 1917 г., эта фамилия пишется через «е» (ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 29603. № послужного списка 329—739). Однако после возвращения в Советскую Россию в ноябре 1921 г. фамилия Слащова, как правило, писалась через «о» (в частности, на титулах книг и в периодической печати). Поэтому нам представляется более правильным давать эту фамилию через «о» — Слащов, и именно таково ее написание в третьем издании Большой Советской Энциклопедии.

2 В предисловии все даты, относящиеся к событиям до февраля 1918 г., даются по старому стилю, с 14 февраля 1918 г. — по новому; даты, приведенные автором в указанных книгах, оставлены без изменения.

3 *Слащов Я.* Крым в 1920 г.: Отрывки из воспоминаний. М.: Л., 1924. С. 3, 8, 14.

4 Осваг (Осведомительное агентство) — политико-идеологический центр «белого движения» при Деникине, совместно с которым действовали и агитационно-пропагандистские органы Добровольческой армии; в марте 1920 г. при Врангеле реорганизован в отдел печати «Правительства Юга России».

5 *Раковский Г. Н.* В стане белых: От Орла до Новороссийска. Константинополь, 1920. С. 269.

6 В личном деле Я. А. Слащова № 165—368, хранящемся в ЦГАСА, имеется его послужной список 315—192, где указано, что Слащов родился 12 декабря 1885 г. — отсюда дата в БСЭ (эта же дата указана в послужном списке 329—739, хранящемся в ЦГВИА). Однако на послужном списке 315—192 имеется собственноручная приписка Слащова: «Родился 11.I.1886 (29.XII.1885 г.) в Петербурге (Петрограде)». Так как Слащов ошибся при переводе старого стиля на новый (в XIX столетии разница составляла не 13, а 12 дней), принимаем, что он родился 10 января 1886 г. по новому стилю.

[7] ЦГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 1784. Жену деда Я. А. Слащова звали Мария Иосифовна.

[8] Там же. Оп. 9. Д. 18561.

[9] Точнее, «инженерным кондуктором» — чертежником из солдат. Такое название чертежников существовало со времени Петра I, когда эти чины под названием «кондукторов» (или «вспомогателей») уже упоминаются в его Воинском уставе.

[10] По традиции, существовавшей в русской гвардии, предлог (в данном случае «в») всегда отделял слово «лейб-гвардия» от названия полка.

[11] Слащов закончил академию по 2-му разряду (73-м по успехам со средним баллом 9,7), а причислены к Генеральному штабу были 62 офицера (окончившие академию по 1-му разряду) со средним баллом от 10,0 и выше (см.: Свод военных постановлений 1869 г. 4-е изд. СПб., 1914. Кн. 15: Заведения военно-учебные. (По 1 января 1914 г.). Ст. 62), т. е. Слащов офицером Генерального штаба не был и его фамилия в «Списках Генерального штаба» не значилась.

[12] Полное название: Пажеский Его Императорского Величества корпус.

[13] *Слащов* Я. Ночные действия. Пб., 1913. С. 58, 59.

[14] Слащов был награжден также Георгиевским оружием и орденами: Св. Анны 2-й и 3-й степени с мечами, 4-й степени с надписью «За храбрость»; Св. Станислава 2-й степени с мечами, а также мечами и бантами к этому ордену 3-й степени; Св. Владимира 3-й степени с мечами и 4-й степени с мечами и бантом.

[15] Чин капитана Слащов получил 28 сентября 1916 г., но, поскольку он служил в гвардии, в которой чин подполковника отсутствовал, он минуя этот чин, сразу был произведен в полковники. Армейское офицерство на протяжении сотни лет безуспешно выступало против этой несправедливости.

[16] В русской армии существовало правило, согласно которому офицер (или генерал), имеющий чин ниже (или выше) положенного на занимаемой им должности по штатному расписанию, именовался «командующим». Так, по штату командир гвардейского полка должен был иметь чин генерал-майора, а Слащов был полковником. После февральской революции лейб-гвардии Московский полк (как и все полки гвардии) стал именоваться гвардии Московским полком.

[17] Имеется в виду позорно провалившееся наступление русской армии в июне 1917 г.

[18] ЦГВИА. Ф. 2580. Оп. 1. Д. 2316. Л. 406.

[19] *Слащов Я.* Крым в 1920 г. С. 22.

[20] Военное дело. 1922. № 8. С. 32—33.

[21] Там же. С. 30.

[22] Приказ по полку № 723 от 9 декабря 1917 г. (ЦГВИА. Ф. 2580. Оп. 1. Д. 2320. Л. 291).

[23] *Слащов Я.* Крым в 1920 г. С. 16.

[24] Там же. С. 17.

[25] При этом были вывезены из Кисловодска вел. княгиня Мария Павловна (вдова умершего в 1907 г. вел. князя Владимира Александровича, дяди Николая II) и ее сыновья Андрей и Борис. Ранее, в конце марта 1919 г., на английском линкоре «Мальборо» покинула Крым проживавшая в Дюльбере так называемая «крымская группа» — Мария Федоровна Романова (мать Нико-

лая II), вел. князья Николай и Петр Николаевичи, Александр Михайлович и другие члены императорской фамилии.

[26] 2-й Кубанский поход Добровольческой армии под командованием генерала А. И. Деникина, начавшийся 22 июня 1918 г. из станиц Кагальницкая и Мечетинская, продолжался пять месяцев и закончился в ноябре 1918 г. занятием Кубанской области до берегов Черного моря.

[27] *Слащов Я.* Крым в 1920 г. С. 18.

[28] *Герасименко Н. В.* Батька Махно: Мемуары белогвардейца. М.; Л., 1928. С. 59.

[29] Там же. С. 73.

[30] Военный вестн. 1922. № 9—13.

[31] Ставка — орган высшего полевого управления и местопребывание главнокомандующего на театре военных действий.

[32] Эвакуация Одессы Добровольческой армией в 1920 г.//Военная быль. Париж, 1970. № 106.

[33] *Слащов Я.* Крым в 1920 г. С. 23.

[34] Там же. С. 24.

[35] Лишь в Севастополе с его многочисленным революционно настроенным рабочим населением находились небольшой отряд под командованием капитана 2-го ранга Кисловского, комендантская команда и рота гардемарин Морского корпуса. Кроме того, в Крыму находилось много мелких частей и штабов, которых Слащову так и не удалось расформировать (это было сделано уже Врангелем).

[36] *Слащов Я.* Крым в 1920 г. С. 37.

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 161, 162.

[38] *Деникин А. И.* Поход на Москву. М., 1928. С. 259.

[39] Там же. С. 260.

[40] Там же.

[41] За успешную десантную операцию 2-го армейского корпуса у Кирилловки 6 июня 1920 г. Врангель не наградил ни одного человека, мотивируя это малыми потерями, которые понесли части; обвинил Слащова в неудаче в Каховской операции; поддерживал мнение, что Слащов злоупотребляет спиртными напитками и наркотиками, и т. д.

[42] *Слащов Я.* Крым в 1920 г. С. 121—122. В истории России титула «Крымский» был удостоен только генерал-аншеф В. М. Долгоруков в 1775 г. за присоединение Крыма к России.

[43] Там же. С. 122.

[44] The Memoires of General Wrangel. L., 1929. P. 124, 126, 152.

[45] Ibid. P. 257, 258. Как вспоминает А. Н. Верцинский, он встретил Слащова в 1919 г. на вокзале в Одессе: «...Меня поразило его лицо. Длинная, белая, смертельно белая маска с ярко-вишневым припухшим ртом, серо-зеленые мутные глаза, зеленовато-черные гнилые зубы» (*Верцинский А. Н.* Четверть века без родины//Москва. 1962. № 3. С. 212).

[46] «Белым генералом» называли героя русско-турецкой войны 1877—1878 гг. генерала М. Д. Скобелева.

[47] *Слащов-Крымский Я. А.* Требую суда общества и гласности: (Оборона и сдача Крыма): Мемуары и документы. Константинополь, 1921. С. 67. Кстати сказать, такой же чести был удостоен великий князь Николай Николаевич — Верховный главнокомандующий русской армией в первую мировую войну с ее начала до 15 августа 1915 г.

48 *Голубев А.* Гражданская война 1918—1920 гг. М., 1932. С. 208—209.

49 Слащов был женат на дочери командира лейб-гвардии Финляндского полка генерала Владимира Аполлоновича Козлова — Софии Владимировне Козловой, имел дочь Веру, родившуюся 18 января 1915 г. Вернулся Слащов в Советскую Россию со второй женой, Ниной Николаевной Слащовой.

50 М. В. Фрунзе на Южном фронте (сентябрь—ноябрь 1920 г.): Сб. документов. Фрунзе, 1988. С. 194. Кроме радиограммы, направленной Врангелю РВС армий Южного фронта 10 ноября 1920 г., на следующий день было направлено по радио обращение Реввоенсовета фронта к белогвардейским войскам о добровольной сдаче. В нем офицерам, солдатам, казакам и матросам армии Врангеля предлагалось сдаться советским войскам в 24-часовой срок и говорилось, что «при добросовестном исполнении этого всем бойцам Крымской армии гарантируется жизнь и желающим свободный выезд за границу». В случае, если Врангель отвергнет предложение, «вы обязаны положить оружие против его воли» (Там же. С. 196).

51 *Верцинский А. Н.* Указ. соч. С. 218.

52 *Слащов-Крымский Я. А.* Требую суда общества и гласности. С. 86, 87.

53 Там же. С. 88.

54 *Слащов Я.* Крым в 1920 г. С. 143.

55 Там же.

56 Это обращение было опубликовано в газете «Известия» от 24 ноября 1921 г., передовая статья которой была озаглавлена «Прозрение». Газета сообщила о возвращении в Советскую Россию Слащова, генерала А. С. Мильковского, полковников Э. П. Гильбиха и М. В. Мезерницкого и капитана Б. Н. Войнаховского, а также второй жены Слащова — Нины Николаевны, которая служила у него ординарцем под фамилией «юнкер Нечволодов», дважды спасала жизнь Слащову и дважды была ранена.

57 Сведения о возвращении Слащова из эмиграции в Советскую Россию мною заимствованы из книги: *Фомин Ф. Т.* Записки старого чекиста. 2-е изд. М., 1964. С. 134—148.

58 Известия. 1921. 20 нояб.

59 *Слободской А.* Среди эмиграции: Мои воспоминания. Харьков. 1928. С. 128.

60 В настоящее время она носит название: Высшие офицерские ордена Ленина и Октябрьской революции Краснознаменные курсы «Выстрел» имени Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова.

61 Полевая академия. М., 1983. С. 94.

62 *Слащов Я. А.* Из опыта войны. Материалы для истории гражданской войны в России. Операции белых, Петлюры и Махно в Южной Украине в последней четверти 1919 г.//Военный вестн. 1922. № 9—13; *Он же.* Борьба с десантами//Война и революция. 1927. № 6; *Он же.* Действия авангарда во встречном бою//Военное дело. 1922. № 14; *Он же.* Прорыв и охват (обход)//Там же. № 15/16; *Он же.* Вопросы полевого устава//Там же; *Он же.* Значение укрепленных полос в современной войне//Там же. № 17—18; *Он же.* Маневр как залог победы//Выстрел. 1926. № 3.

63 *Слащов Я.* Мысли по вопросам общей тактики. М.; Л., 1929. С. 100.

[64] В боевом расписании врангелевской армии, по данным Южного фронта на 1 октября 1920 г., (см. приложение № 4), среди генералов фамилия Я. А. Слащова-Крымского отсутствует, а командиром 2-го армейского корпуса показан генерал В. К. Витковский (ЦГАСА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 14—19).

[65] *Петелин В.* Возвращение мастера//Библиотека «Огонька». 1987. № 38. С. 42.

[66] ЦГАОР г. Москвы. Ф. 2237. Оп. 1. Д. 344. Л. 118; Д. 241.

[67] Там же. Д. 344. Л. 118.

[68] *Слащов Я.* Крым в 1920 г. С. 6.

[69] А. Н. Верцинский следующим образом пишет о смерти Слащова: «Через несколько дней я узнал, что Слащов уехал в Советскую Россию, а еще через два года из газет мне стало известно, что его убил на улице рабочий, брат одного из тех, которых он повесил в Джанкое. Так окончилась жизнь этого странного в страшного человека» (*Верцинский А.* Указ. соч. С. 218).

[70] *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг. М., 1988. С. 174.

[71] *Кавтарадзе А. Г.* Военный историк и писатель (Е. И. Мартынов)//Воен.-ист. журн. 1986. № 11. С. 93—94.

[72] *Слащов Я.* Крым в 1920 г. С. 145.

[73] Там же. С. 11, 13, 14.

[74] В статье «Лозунги русского патриотизма на службе Франции», Слащов отсылает читателя к своей книге «Воспоминания о белом движении на юге России». Однако эту книгу мне найти не удалось.

[75] После крушения планов перенесения базы врангелевской армии в казачьи области Врангелю и его правительству пришлось думать если не о перенесении базы, то, во всяком случае, о расширении своей территории за счет Украины. Поэтому украинский вопрос занял в Крыму центральное место.

[76] *Слащов Я.* Крым в 1920 г. С. 142, 143.

[77] Там же. С. 143.

[78] Исключение составляет написание некоторых слов (например, Совvласть — Советская власть, красная армия — Красная Армия, ставка — Ставка, добрармия — Добровольческая армия и т. д.), фамилий (Слащев—Слащов, Кельчевский—Келчевский и т. д.), географических названий (Чангар — Чонгар и т. д.). В некоторых случаях в целях уточнения наименований воинских частей, соединений и т. д. в квадратных скобках добавляются слова: пехотный и т. п. Кроме того, в развернутом виде приводятся сокращения должностей: наштаглав — начальник штаба главнокомандующего и т. п.

Я. Слащов

КРЫМ В 1920 г.

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в печати появляется много мемуаров, исследований и статей о событиях 1918—1920 гг., когда русский народ переживал великую драму гражданской войны. Многие из авторов облекают себя в беспристрастную тогу историка, претендуя на абсолютную верность своих взглядов и суждений. Лично я на это не претендую. Человек, переживший бурный период, беспристрастно его описывать не может. На всем его изложении ляжет отпечаток его личных воззрений и впечатлений. Поэтому я, приступая к своим запискам, заранее предупреждаю читателей, что все изложенное будет пропитано моими настроениями и моей идеологией, потерпевшей страшный излом за это бурное время.

В изложении фактов, конечно, я буду придерживаться полной правдивости, но освещение их будет носить следы моей прежней идеологии, изжить которую мне удалось лишь в самое последнее время, когда у меня открылись глаза и я понял многое, чего не понимал во время переживания излагаемых событий.

Прежде чем приступить к фактам, изложению которых посвящена эта книга, я считаю нужным сказать несколько слов о Добровольческой армии и ее идеологии до Крыма и бросить взгляд на то, как возникло на юге России движение против Советской власти, приведшее к столь печальным последствиям.

После быховского сидения[1] группа лиц с Корниловым и Алексеевым во главе обосновалась в Новочеркасске на Дону, куда Советская власть еще не проникла. Их цель была — собрать новую армию взамен разложившейся на фронте и продолжать борьбу с германским нашествием, причем большевики рассматривались как ставленники немцев. Короче говоря, идеей, руководившей этими людьми, была борьба за «отечество», которое одно уцелело от триединого лозунга[2], под которым военные элементы России воспитывались в течение 200 лет. Действительно, если идея «царя»

была дискредитирована, то идея «отечества» держалась крепко; она была впитана, так сказать, с молоком матери и поддерживала дух армии за все время германской войны. И вот теперь она опять должна была выдвинуть массы на борьбу с иноземным нашествием, и прежде всего против Советской власти, которая тоже рассматривалась руководителями Добровольческой армии как иноземный элемент.

Но пошли ли массы на эту новую борьбу? Нет. В Новочеркасске собралась только группа «интеллигенции» в 2000 человек, а народные массы остались глухи к их призыву. Власть трудящихся, провозгласившая вполне понятный массам лозунг борьбы против эксплуататоров, торжествующе двигалась на Дон. 5 января 1918 г. я прибыл в Новочеркасск, где было всего около 2000 добровольцев — юнкеров и офицеров, которые частью шли «идейно», а частью потому, что некуда было деваться. Во всяком случае, все они были против Советской власти совершенно сознательно. Эту группу лиц не надо смешивать с позже попавшими в Добровольческую армию лицами из интеллигенции, очутившимися в ее рядах только потому, что жили в районе, захваченном ею. С тем же успехом они служили бы и у красных. Надо сказать, что интеллигенция в массе совершенно растерялась, не отдавала себе отчета в происходящем и принадлежала к партии «И. И.» (испуганный интеллигент).

Алексеев деятельно занялся рассылкой эмиссаров на места, чтобы там поднять восстание. Участь этих эмиссаров была не лучше участи самой Добровольческой армии. Массы за ними не шли. Казачество было довольно Советской властью, отнявшей землю у помещиков, и совершенно не желало выступать и часто выдавало агитировавших за «отечество» лиц. Одним из названных эмиссаров, почти единственным, вернувшимся потом в Добровольческую армию со сравнительно крупным отрядом, был я.

Меня отправили в Минераловодский район. Но сколько я ни скитался по горам — ничего не удавалось; организуемые восстания срывались. Приходилось скрываться и не входить ни в один дом.

Средств у Добровольческой армии не было никаких. У отправленных на места — тем паче. События большинству были неясны, настроение было ужасно: идея, руководившая действиями,— идея «отечества» —

гибла. Скоро в Баталпашинске стало известно, что 13 апреля 1918 г. под Екатеринодаром (ныне Краснодар.— *А. К.*) убит Корнилов. Добровольческая армия превратилась в банду, бродившую с места на место, спасавшую свою жизнь, выгоняемую в калмыцкие степи.

Но вот Терек и Кубань стали наводняться бросившей Кавказский фронт армией. Частью она шла целыми частями, а частью — отдельными толпами и одиночными людьми, и к середине апреля Северный Кавказ оказался насыщенным оседавшими по станицам солдатами распавшейся царской армии. Тогда и иногородние, работавшие у казаков или нанимавшие у них землю, подняли голову и начали передел земли. Советская власть закрыла базары и стала отбирать излишки продуктов, и свершилось «чудо». Идея «отечества», не находившая до сих пор отклика в массах, вдруг стала понятна зажиточному казачеству настолько, что для организации отрядов не приходилось уже агитировать, а станицы сами присылали за офицерами и выступали «конно, людно и оружно». В течение июня месяца в Баталпашинском отделе организовался отряд до 5000 человек, начальствование штабом которого я принял на себя, а во главе отряда стал офицер из коренных казаков — Шкуро (у Слащова — Шкура.— *А. К.*). В июле Добровольческая армия, поддерживаемая казаками, заняла Тихорецкую, и совершилось соединение мое с нею при занятии 21 июля Ставрополя отрядом Шкуро. Уже тут стали сказываться его грабительские инстинкты, и он был отстранен от командования отрядом, превращенным во 2-ю Кубанскую [казачью] дивизию Улагая (Шкуро вновь выплыл при движении на север).

Зажиточное казачество, местные торговцы, кулаки и интеллигенция встречали Добровольческую армию с восторгом, и создавалось впечатление движения за родину, способное обмануть даже более опытного политика, чем был я и мне подобные.

27 ноября 1918 г. в Новороссийск прибыли суда Антанты. В Добровольческой армии появились деньги, оружие, патроны. До этого все это было в плачевном состоянии: кое-что перепадало от Краснова, кое-что захватывали от красных, много давало население (казаки) в виде довольствия, одежды, лошадей и зарытого оружия и снаряжения. Время шло, район Добровольческой армии расширялся: она захватила Крым,

юг Украины и Донецкий бассейн, Кавказ был в ее руках. Союзники давали деньги, рассчитывая возместить свои расходы со временем русскими углем и нефтью.

Началась разбойничья политика крупного капитала. Появились старые помещики, потянувшие за собой старых губернаторов. Интересы мелкой русской буржуазии, создавшей Добровольческую армию, стали как бы попираться интересами крупного международного капитала.

Борьба из внутренней постепенно и совершенно незаметно стала превращаться в борьбу интернационального капитала с пролетариатом. Даже мелкобуржуазные массы почувствовали гнет и частью отхлынули от белых. Пролетариат поднял голову, начались восстания. Создавались внутренние фронты. Я, конечно, не говорю про анархическое движение Махно, боровшегося со всякой властью.

Появился ряд грабителей, ставших во главе белых войск: они были удобны крупному чужеземному капиталу, так как без зазрения совести готовы были на все сделки.

Кажется теперь странным, что все это не было понято тогда, но когда вспомнишь про полную политическую безграмотность участников Добровольческой армии, то перестаешь удивляться.

Как бы то ни было, но в Добровольческой армии начался развал: пролетариат и беднейшее крестьянство ясно были против нее, мелкая буржуазия сильно разочаровалась и стала отходить в сторону. В войсках началось дезертирство. Усилились грабежи, участниками которых были лица даже высшего командного состава. Движение потеряло всякую идейность и все совершалось во имя личного благополучия или тщеславия. Армия докатилась до Орла, откуда безудержно покатилась к югу.

Глава I

ОТХОД В КРЫМ

1. Политическая обстановка

Начавшийся в октябре разгром Добровольческой армии под Орлом быстро разрастался. Если, как мы видели во введении, широкие народные массы охладели к Добровольческой армии и к ее целям, то при ее

неудачах это охлаждение сказывалось еще больше и быстро переходило в открытую враждебность. Элементы, не сочувствовавшие Добровольческой армии, подняли голову. Нелады Деникина с Кубанской Радой разложили кубанскую армию. Донская армия вовсе не стремилась на Москву, а ее молодые элементы не питали вражды к Советской власти и совершенно не хотели драться. Оставалась Добровольческая армия Май-Маевского и войска главноначальствующих: Киева — Драгомирова и Одессы — Шиллинга.

Относительно идеологии этих частей можно сказать мало определенного. Чувствовалась полная неустойчивость. Солдатская масса была индифферентна; низшее офицерство было развращено во время гражданской войны своими начальниками и, не имея точного определенного лозунга, за которым шли бы массы, колебалось; удерживал это офицерство в Добровольческой армии лишь страх перед репрессиями красных. Недоверие к высшему командному составу росло — грабежи и кутежи лиц этого состава с бросанием огромных сумм были у всех на виду, и младший командный состав пошел по стопам старшего и тоже стал собирать дары от «благодарного населения», внося еще большую разруху и еще больше озлобляя население. Богатое казачество, пострадавшее материально в 1918 г., пожелало пополнить свои убытки и отправляло вагонами награбленное имущество в свои станицы и туда же гнало лошадей табунами. Дело дошло до того, что казачьей части нельзя было спешиться для боя, потому что ни один казак не хотел оставить сзади свою лошадь с седлом, к которому были приторочены его сумы, где, очевидно, лежало достаточное количество ценностей.

Как видно из изложенного, лозунг «отечество», который, как мы видели во введении, не был в состоянии поднять народные массы, не оказался в состоянии и двигать их на Москву. Экономические причины, благоприятные для Добровольческой армии летом 1918 г., обернулись против нее к концу 1919 г.

Декларация Деникина о будущих реформах никого не соблазнила; фактически власть была в руках крупной буржуазии, интересы которой проводились в жизнь, а мелкая буржуазия страдала и, естественно, разочаровавшись в Добровольческой армии, выдвинула единый фронт с пролетариатом и беднейшим кре-

стьянством против последней. Идея «отечества» вдохновляла только единичных идеалистов, политически безграмотных и потому упорно стоящих на своем во вред своему народу и самим себе.

Это слепое увлечение отдельных лиц указанной идеей продлило существование Добровольческой армии.

Дать точную характеристику политических убеждений участников Добровольческой армии я не берусь. Абсолютно все группировались по своим имущественным интересам. Получилась мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов. Кадровое офицерство было воспитано в монархическом духе, политикой не интересовалось, в ней ничего не смыслило и даже в большинстве не было знакомо с программами отдельных партий. «Боже, царя храни» все же провозглашали только отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на «учредилку», избранную по «четыреххвостке», так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал[3]. Я, конечно, говорю не про настоящую партийность, а про приблизительную общность политических взглядов. Вообще же должен сознаться, что эта характеристика мною произведена только теперь, по воспоминаниям о прошлом, тогда же я в эти вопросы не вдумывался. Как бы то ни было, политическая обстановка в декабре 1919 г. сложилась крайне неблагоприятно для вооруженных сил на юге России. Народное недовольство белой властью выявилось в ряде восстаний повсеместно. Это не могло не отразиться на войсках, во-первых, отозванием крупных частей с фронта, во-вторых, разложением самих войск и дезертирством. Всюду царствовали недоверие и преследование личных интересов. Части таяли. Разгром разрастался.

2. Стратегическая обстановка

Белые в декабре (1919 г.— *А. К.*) отступали по всему фронту. На главном направлении красных (Орел — Ростов) стояла Добровольческая армия Май-Маевского, правее — донцы и кубанцы, левее — Шиллинг и Драгомиров; у Екатеринослава действовал против Махно под моей командой 3-й армейский корпус, к которому были присоединены Донская [конная] бригада Морозова, Терская — Склярова, Чеченский сводный полк и 1-й стрелковый Кавказский и Славянский[4] полки.

В декабре же Май-Маевский был отрешен от должности и заменен Врангелем. Дело не улучшалось, и армия катилась на Кавказ. Врангель был тоже отрешен и заменен Кутеповым. Обстановка складывалась тревожная. У 3-го корпуса был полный успех против Махно, но все же, учитывая обстановку, я 19 декабря объявил по городу Екатеринославу, что ввиду приближения красных за город не ручаюсь и предлагаю желающим выехать из города, для чего назначаются поезда ежедневно в 15 часов с 20 декабря. Между тем красные приближались.

26 декабря я получил приказ Деникина отправить в распоряжение Шиллинга бригаду Склярова, а с остальными частями отходить в Крым и принять на себя оборону Северной Таврии и Крыма.

Таким образом, армия Деникина отходила двумя крупными группами: 1) во главе со Ставкой, в составе Добровольческой армии, донцов, кубанцев и терцев — на Кавказ и 2) войска Шиллинга и Драгомирова — в Новороссию[5], прикрыв Николаев — Одессу и базируясь на последнюю.

В промежуток между ними 3-й армейский корпус под моей командой получил приказ отходить с задачей удерживать Крым. Командование, видимо, смотрело на Крым как на приговоренную к сдаче территорию, рассчитывая задерживать натиск красных на Дону или где-нибудь в его районе и около Буга с тем, чтобы оттуда вновь перейти в наступление, действуя по внешним операционным линиям и одним своим движением заставляя красных бросить осаду Крыма или очистить его, если они его займут.

Руководствуясь, очевидно, этим, Деникин и назначил на Крым столь ничтожные силы, потому что даже назначенный сперва туда же 2-й [армейский] корпус Промтова получил приказ отходить на Одессу. Между тем если бы отводить главные силы Новороссии не на Одессу, а на Крым, то, опираясь на него, эти более крупные силы могли бы действовать активно против армии красных, шедших на Кавказ.

Численность обеих армий (красных и белых) была почти равна — около 50 000 каждая. Но у белых были сильное разложение и дезертирство.

3. Организация отхода в Крым

Таким образом, при наличии описанной обстановки на меня возлагалась защита Северной Таврии и Крыма, куда надлежало еще пробиться через Махно, но это ввиду полной деморализации его банд особого затруднения не представляло. Большее затруднение заключалось в непролазной грязи и почти полной непроходимости проселочных дорог для обозов.

Для выполнения задачи в моем распоряжении находились: 13-я пех. дивизия — около 800 штыков, 34-я пех. дивизия — около 1200 штыков, 1-й Кавказский стрелковый полк — около 100 штыков, Славянский полк — около 100 штыков, чеченцы — около 200 шашек, Донская конная бригада полковника Морозова — около 1 000 шашек и конвой Штакора 3[6] — около 100 шашек. Артиллерия имела всего на одну дивизию 24 легких и 8 конных орудий; итого около 2200 штыков, 12 000 шашек и 32 орудия. С первого же взгляда было ясно, что этих сил было совершенно недостаточно для обороны Северной Таврии от победоносного наступления красных.

Фронт Северной Таврии тянулся полукругом около 400 верст, причем прорыв моего расположения в одном месте мог привести красных к перешейкам раньше остальных моих частей, которые, следовательно, вынуждены были бы в этом случае бежать назад вперегонки с красными и подвергнуться неминуемому поражению.

Поэтому я решил Северной Таврии не оборонять и до Крыма в бой с красными не вступать, а немедленно отбросить Махно от Кичкасского моста и отправить пехоту в Крым, прикрывая ее отход от красных конной завесой. Бригаду 34-й [пехотной] дивизии с обозами из Екатеринослава отправить по железной дороге на Николаев, где погрузить на суда и перевезти в Севастополь. Самому немедленно после переправы у Кичкасс ехать в Николаев — Севастополь и осмотреть оборонительное положение Крыма до подхода туда моих войск. План обороны Крыма в моей голове уже был намечен в общих чертах, так как Крым я знал по боям 1919 г., но окончательное решение я хотел принять на месте.

27 декабря Махно потерял Кичкасский мост и 5 орудий. Крымский (вернее 3-й армейский.— *А. К.*)

корпус двинулся в Крым, а бригада 34-й дивизии с обозами по железной дороге на Николаев. Я выехал туда же. Екатеринослав был белыми очищен без боя.

Пока все шло гладко: мне удалось сохранить свои части для главной операции. Однако Ставка настаивала на защите Северной Таврии. На телеграммы об этом я отвечал категорическим отказом, что с наличными силами никто Северной Таврии удержать не может; на оборону же Крыма я буду смотреть не только как на вопрос долга, но и чести. Наконец, Ставка согласилась.

5 января 1920 г. я был в Севастополе, мои части в это время были севернее Мелитополя. Соприкосновение с красными держала только конница, медленно отходившая назад почти без выстрела. Над Крымом нависла гроза в лице XIII армии красных.

Глава II

КРЫМ К ЯНВАРЮ 1920 г.

Само собою понятно, что все то, что я говорил об общем состоянии «Юга России», относилось полностью и к Крыму, но этого мало: тут имели место и специальные обстоятельства.

Дело в том, что несмотря на то что на Крым шла всего одна железная дорога, несмотря на то что в Крым было указано отходить только 3-му армейскому корпусу, а почти все силы группировались на фланги: Добровольческая армия, донцы, кубанцы — на Кавказ и главноначальствующих Киева и Одессы — на Одессу, масса отдельных людей и отдельных частей в составе отдельных людей, в особенности хозяйственных частей, потекла в Крым. Единственным важным для меня приобретением среди беглецов были восемь, хотя и испорченных, бронепоездов и 6 танков (3 тяжелых и 3 легких).

Вся ватага беглецов буквально запрудила Крым, рассеялась по деревням, грабя их. В этом отношении приходилось поражаться, что делалось в частях Добровольческой армии. Части по 3—5 месяцев не получали содержания, между тем как из Ставки оно выдавалось, потому что мой корпус, а перед тем дивизия его получали вовремя, а она вовсе не была в фаворе.

Из-за этого произошел любопытный случай. Рядом с бегущими вдоль полотна частями по полотну в поездах бежали казначейства. Узнав, что беглецы не только не получали за 3—5 месяцев жалованья, но не имеют и авансов для довольствия, я приказал задержать казначейства, сдать деньги в Джанкойское казначейство, а последнему удовлетворить беженцев. Чтобы сократить процедуру операций, я приказал выдать именно авансы, а ведомости и оправдательные документы требовать потом. Казначеи долго не соглашались на такое беззаконие: как можно перенести из одной графы в другую цифры и удовлетворить части авансами без формальной требовательности ведомости, а только по ассигновке части?! А толкать людей на грабеж или голодную смерть можно. За такое распоряжение я получил выговор от Деникина.

Так или иначе Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Учета не было никакого, паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше награбить и сесть на судно или раствориться среди незнакомого населения.

Во главе гарнизона стояли лица старого режима. Все сводилось к тому, чтобы отписаться: не им было справиться с наступившей разрухой. Во главе обороны Крыма стоял инженерный генерал Субботин, человек очень хороший, но не военный.

На мое донесение в Ставку о положении дел я получил любезную телеграмму начальника штаба главнокомандующего Романовского о том, что все военное дело находится в моих руках, точно так же как и воинские части в тылу и «возбуждаемые ими дела»; телеграмма, между прочим, гласила: «Главком (Деникин.— *А. К.*) надеется, что вы, по всегдашней вашей энергии, выполните возложенную на вас задачу».

Несмотря на эту телеграмму, мер никаких не принималось. На Крым, по примеру прошлых лет, смотрели как на что-то обреченное. Было ясно — главная масса войск отходит на Кавказ и на Одессу и только 3500 человек на центр — Крым. Будущая операция должна была сложиться маневром флангов, хотя бы центр и погиб.

Я считал, что центр должен удержаться.

Глава III

ПЛАН ЗАЩИТЫ КРЫМА

К рассвету 5 января 1920 г. я прибыл в Севастополь и немедленно послал к начальнику штаба крепости просьбу собрать начальствующих лиц у комкрепа[7]; там я познакомился с генералом Субботиным и вице-адмиралом Ненюковым[8].

Я попросил поставить меня в известность относительно плана обороны Крыма и имеющихся фортификационных сооружений. Оказалось, что план обороны был шаблонный. После отхода из Северной Таврии занять Перекопский вал и Сальковский перешеек, где поставлена проволока. Кроме того, было построено несколько окопов с проволокой — и это все. На мой вопрос, где будут жить на перешейке войска (ведь время зимнее), получил ответ: «Придется в окопах». «Ну, далеко вы на своих укреплениях уедете,— вероятно, дальше Черного моря», — оставалось мне только сказать.

Я обратил внимание совета на то, что северный берег Таврии охватывает Сальковский и Перекопский перешейки, то же самое делает крымский берег, позволяя артиллерии стрелять продольным огнем; жить на Чонгаре и на Перекопе частям больше 300 человек негде; не лучше ли предоставить эту пустыню противнику. Пусть он померзнет, а мы посидим в тепле. Потом я совершенно не признаю сиденья в окопах — на это способны только очень хорошо выученные войска, мы не выучены, мы слабы и потому можем действовать только наступлением, а для этого надо создать благоприятную обстановку. А она может быть создана отводом всех сил назад на территорию Крыма, в деревни.

Впереди на Сальково и Перекопском валу нужно оставить только ничтожное охранение, по бегству которого мы узнаем, что красные идут. Красным по перешейкам идти целый день, ночью ночевать негде, они перемерзнут и будут дебушировать (преодоление войсками в виду неприятеля теснин, ущелий и т. п. с целью выхода на более широкое место, где можно развернуть войска.— *А. К.*) в Крым в скверном расположении духа — вот тут мы их атакуем. Ненюков присоединился, Субботин возражал, указывая, что около вала стоят

4 крепостных орудия — как быть с ними: для них нет лошадей. Я советовал отдать их противнику, так как при их наличии он скорее попадается на удочку и заплатит за них своими новыми современными орудиями.

Нужно было обдумать и меры довольствия войск, сосредоточенных в районе Юшуня — Богемки. Подвод было мало, и их постоянный сбор озлоблял население. Предстоящая весенняя распутица грозила совершенно приостановить довольствие Перекопской группы, а туда предназначалось более 1000 человек конницы, не считая артиллерийских и обозных лошадей.

Железная дорога была нужна во что бы то ни стало, а ее не было. До войны еще производились изыскания по прокладке ветки от Джанкоя на Богемку — Воинку — Юшунь — Перекоп. Этим я решил воспользоваться и проложить эту дорогу. Собранное у меня совещание инженеров отнеслось к этому проекту отрицательно. Тогда пришлось отрешить от должности начальника дорог инженера Соловьева и заменить его инженером Измайловским. Мое заявление, что нужды фронта требуют немедленной постройки железной дороги, а тот, кто не понимает нужд фронта, возьмет винтовку и пойдет изучать их в окопах рядовым, подействовало.

Инженер Измайловский оказался очень энергичным и знающим путейцем. Работа закипела. Я приказал снимать запасные пути, если потребуется, на Акманайской и Евпаторийской ветках. Класть шпалы прямо, подсыпая балласт постепенно; пусть поезд идет пять верст в час, но чтобы вагоны можно было подкатывать к войскам, не прибегая к подводам местного населения. Все это оказалось возможным: к февралю дорога уже функционировала до Богемки, и работа пошла дальше тем же быстрым темпом. Поезда делали 12 верст в час. Вопрос боевого и фуражного довольствия был решен.

Точно так же надо было оценить и подготовить на всякий случай другой путь питания, чтобы дать Перекопской группе и резерву у Юшуня — Воинки свободу маневра. При одной базе на Джанкой защитники Крыма могли быть поставлены в тяжелое положение маневром красных на этот Джанкой, следовательно, надо было устроить на этот случай вторую базу: Юшунь — Симферополь, т. е. подготовить там этапы и

учет возможных подвод. Таким образом, база получалась двойная: 1) Юшунь — Джанкой — Феодосия — Севастополь и 2) Юшунь — Сарабус — Севастополь; этим обеспечивалась свобода маневра и неуязвимость флангов и тыла войск.

Оставалось еще разрешить вопрос защиты Крымского фронта в тылу. Картину общей разрухи я уже описал — точно так же, как картину особой разрухи крымского тыла, предоставленного самому себе. Тут была двойная опасность. С одной стороны, шайки грабительских частей, наводнивших Крым и населявших почти каждую деревню,— эти банды дезертиров, появляющихся в каждой разбитой армии, а с другой — необыкновенная деятельность и упругость в работе большевиков.

Прошу стать читателя сейчас на точку зрения, на которой я был тогда. Я боролся с большевиками — с Советской властью — и знал, что она не только пользовалась для своих целей каждым промахом врага, но и опиралась часто на враждебные ей элементы, поддерживая их, лишь бы разить непосредственного противника: это была сила, и сила нешуточная. Колебаний быть не могло. Решение одно: обеспечить фронт с тыла во что бы то ни стало, не останавливаясь ни перед чем, т. е.: 1) расчистить тыл от банд и прежде всего от негодных начальников гарнизонов, в особенности от них, потому что «рыба с головы воняет»; 2) удовлетворить насущные нужды рабочих и крестьян; 3) раздавить в зародыше выступления против защиты Крыма. Средства для этого — удаление (от увольнения до смертной казни — полковник Протопопов) негодных начальников гарнизонов, наряд отрядов для ловли дезертиров, уменьшение, а то и уничтожение повинности, особенно подводной, и реквизиций у крестьян, паек для рабочих и защита их интересов и непрерывная борьба с выступлением в тылу против защитников Крыма.

Мне кажется, что в вопросе о борьбе двух мнений быть не может. Если кто-нибудь за что-либо борется, то он должен либо бороться полностью, либо бросить борьбу: мягкотелость, соглашательство, ни рыба — ни мясо, ни белый — ни красный — это все продукты слабоволия, личных интересов и общественной слякоти.

Тем не менее с моим взглядом на совещании 5 января согласился один Ненюков, комфлота, подчиненный только Деникину, который мне заявил: «Все,

что вы мне прикажете, исполню»; остальные угрюмо молчали (Субботин, начальник штаба Севастополя, и начальник гарнизона Симферополя генерал Лебедевич-Драевский, наштафлота капитан 1 ранга Бубнов). Возражения с военной точки зрения были следующие: если проводить этот план, то противник, войдя в Крым, оттуда уже не выйдет и сбросит нас в море. Кроме того, недоверие к старшему комсоставу страшное, и почти никто не верит в возможность удержания Крыма. Поэтому надо выиграть время, чтобы дать возможность сесть на суда.

Мне оставалось только дать свое заключительное слово: на эвакуации настаиваю, но она настолько не подготовлена, что затянется надолго. Проведение же плана защиты Крыма принимаю на себя[9].

Результатом моего решения была рассылка начальникам боевых участков (начдивам 13 и 34) плана обороны.

План обороны Крыма[10]

1) Войска расстроены и, сидя на месте, неспособны выдержать зрелища наступающего на них противника — следовательно, надо наступать.

2) Противник во много раз превосходит нас; следовательно, надо атаковать его тогда, когда он не может развернуть все силы.

3) Всякая пассивная оборона измотает войска и рано или поздно приведет к поражению — следовательно, требуется активность, т. е. атака.

4) Военная история показывает, что все защищающие Крым боролись за Чонгарский полуостров и за Перекоп и терпели неудачи, — следовательно, требуется маневр, т. е. атака (резервы).

5) Местность показывает, что: а) Чонгарский полуостров охватывается Северной Таврией и Сальковская позиция подвержена перекрестному огню; б) жить на Чонгарском полуострове негде (дело зимой); в) крымский берег охватывает Чонгар и тоже берет его под перекрестный обстрел и отделяется от него по бродам Сиваша и моря и берется в перекрестный обстрел с берегов Северной Таврии; г) втянувшись в Перекопский перешеек, противник не сможет развернуть своих превосходных сил против Юшуня; д) в районе Армянск-Юшунь наши суда могут (по глубине моря) обстреливать побережье; е) проход в обход Юшуня севернее Армянска между озерами (трактир) (карта 10 верст — 1 дюйм) легко оборонять до самой Магозы; ж) Сиваши зимой и весной непроходимы; з) укреплений и связи почти нет, т. е. надо задержать врага до его устройства.

6) В тылу полная дезорганизация, недоверие к командованию и угроза восстания в пользу большевиков.

7) Из всего сказанного видно, что обстановка требует: а) задержать короткими ударами подход врага к Сивашам; б) вести маневренную войну, имея крупный резерв, и обороняться только

атаками; в) бросить Чонгарский полуостров и Перекопский перешеек и заморозить врага в этих местностях (отсутствие жилищ), бить его по частям, когда он оттуда дебуширует; г) фланги охранять флотом; д) тыл усмирить.

8) Поэтому я решил: а) наносить короткие удары в Северной Таврии; б) Чонгарский полуостров и Перекопский перешеек занимать только сторожевым охранением; в) главную позицию устроить по южному берегу Сиваша и строить групповые окопы, чтобы встретить врага контратакой, а севернее Юшуня еще фланговую позицию фронтом на запад (главный резерв — район Богемка—Воинка—Джанкой); г) иметь бо́льшую часть в резерве; д) никогда не позволять себя атаковать, а всегда атаковать разворачивающегося противника и по возможности во фланг; е) между Сивашами наблюдения; ж) построить жел. дорогу на Юшунь от Джанкоя и провести телеграфную связь вдоль Сиваша; з) бороться с беспорядками в тылу самыми крутыми мерами, не останавливаться ни перед чем и успокоить население.

9) Для свободы маневров устроить двойную базу на Джанкой и на Симферополь.

Глава IV

ПОДХОД КРАСНЫХ И НАЧАЛО ОСАДЫ КРЫМА

1. Мелитополь

Осмотр средств и состояния войск, обдумывание и решение вопроса потребовали от меня затраты двух суток, и только 7 января (1920 г.— *А. К.*) я попал в Мелитополь, промчавшись туда за ночь без остановки с недопустимой по железнодорожным правилам скоростью. Я уже получил сведения, что 4 января без боя был занят Мариуполь и красные двинулись на Бердянск. Хорош бы я был, если бы взял на себя, согласно приказу Деникина, оборону Северной Таврии. Мои войска были еще севернее Мелитополя, и только 7 января в этот город прибыл штаб замещавшего меня генерала Андгуладзе (начдив 13). Даже пехота, отходившая без всякого боя и не видевшая противника, была севернее, не говоря уже про конницу полковника Морозова. Хорошую скорость развила находящаяся правее меня армия Врангеля[11]. Вся обстановка показывала, что скоро надо ждать грозы.

Поэтому я приказал в Мелитополе не останавливаться, а погрузиться в имевшиеся пустые составы, забрав все паровозы; пехоте ехать в Крым и выгрузиться в Таганаше и Джанкое. Тут же мною был отдан

приказ о расположении войск для обороны. Он, к сожалению, у меня не сохранился и со многими другими документами находится в руках французской контрразведки в Константинополе.

Этим приказом Крымский фронт делился на три участка: 1) Арабатская стрелка — полковник Беглюк (потом его заменил полковник Гравицкий) — 1-й Кавказский стрелковый полк, 100 штыков; 2) Крым от Сиваша до Мурза-Каяш исключительно — генерал Андгуладзе — бригада 13-й дивизии; 3) Крым от хут. Мурза-Каяш включительно до Черного моря — генерал Васильченко — бригада 34-й дивизии (расположение д. Юшунь). Все остальные части, как имевшиеся, так и вновь сформированные, — в районе Джанкой — Богемка — Воинка. При нем же был выдан план обороны как основная идея кампании.

Было подтверждено и подчеркнуто, чтобы на Чонгарском полуострове и Перекопском перешейке войск не держать, а поставить там только охранение (на Чонгар около 50 человек, на Перекопе около 100 человек). Все остальное держать в домах около своей позиции, на которой должны были быть только часовые и пулеметы; части же выводить только для контратаки.

Такое расположение с охранением на 20 верст впереди было, конечно, несколько экстравагантно.

8 января Мелитополь был уже очищен, и часть пехоты уже прибыла на назначенные ей места. К 12 января пришла запоздавшая телеграмма от бригады 34-й дивизии, которая должна была с обозом грузиться в Николаеве. В телеграмме сообщалось, что транспортов не оказалось, и бригада походным порядком идет от Николаева на Херсон — Перекоп.

Переправа паромом у Херсона задерживается льдом. Красные заняли уже Ново-Алексеевку, и их колонна двигалась от Мелитополя к Перекопу.

Положение создавалось трагическое: неизвестно было, кто поспеет раньше, а точная численность красных войск не была известна; известно было только, что в районе против Северной Таврии находятся 3-я, 9-я, 46-я и Эстонская стрелковые дивизии, 8-я и 11-я кавалерийские дивизии и, возможно, 13-я кавалерийская. Все эти части хотя и растянулись, оторвались от обозов, но численностью были много больше добровольческих: в пехоте вместо 4—9 полков в дивизии — было от чего прийти в уныние.

2. Бой под Ново-Алексеевкой 13 января 1920 г.

Этими обстоятельствами был вызван бой под Ново-Алексеевкой, которую занимали красные. Желая задержать их движение, я двинул отряд в составе только что прибывшего в Крым Пинско-Волынского батальона (120 штыков), Сводно-чеченского полка (200 шашек), конвоя штакора 3 (100 шашек), всех исправных танков (3 средних) и всех исправных бронепоездов 3 (один с морскими орудиями) под командой начальника конвоя капитана Мезерницкого и сам выехал туда же.

Отряду было приказано от Салькова атаковать Ново-Алексеевку. Движение началось около 9 часов утра и вызвало волнение у красных. К 12 часам ст. Ново-Алексеевка была взята. Произведено было все это очень шумно: наступали танки и бронепоезда, скакала лава. К 13 часам обозначилось наступление красных, занимавших фронт Геническ — селение Ново-Алексеевка — Левашоево. Со стороны Рождественского и Ново-Михайловки тоже показались цепи. Все шло, как требовала обстановка. Красные обеспокоились и подтягивали силы. От Перекопа полковнику Морозову было приказано выдвинуться навстречу красным в направлении Аскания-Нова и задерживать их. Около 15 часов было получено донесение, что бригада 34-й дивизии подходит к Преображенке; от сердца отлегло. Ее форсированный марш удался, и она оказалась даже ближе, чем я предполагал.

Сальковскому отряду было приказано грузить танки и начать отход под прикрытием бронепоездов, что удалось без труда. Морозов прикрывал движение обозов и бригады до ее прихода на Перекоп — Юшунь.

Красные двигались медленно, и только к 21 января закончилось обложение ими перешейков. Назревал первый бой, который должен был иметь колоссальное моральное значение для белых в случае их победы, и окончательное занятие Крыма в случае победы красных.

Глава V

ПЕРВЫЙ БОЙ НА ПЕРЕКОПСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ 23—24 ЯНВАРЯ 1920 г.

Как я уже указывал, красные медленно приближались к Крыму. Я ожидал их атаки с 18 января, но они медлили. Разведка всех видов дала сведения, что подошли только 46-й стр. и 8-я кав. дивизия; стало легче, хотя и эти силы (около 8000) представляли серьезную опасность, так как к этому времени против них можно было подтянуть только около 3200 штыков и сабель, а состояние тыла требовало посылки отрядов для сбора разбежавшихся для грабежей частей врангелевской армии, иначе возможно было ожидать общего восстания.

Настроение войск сильно понизилось. Насколько я раньше мог ручаться за своих людей и все время чувствовать биение пульса командуемых мною войск, настолько сейчас я этого сказать не мог. В настроении их произошла перемена. Не терпя ни одного поражения за время нашей совместной службы, эти войска раньше шли куда угодно, сейчас же под влиянием общего развала и беглецов соседней армии генерала Врангеля они усомнились в успехе и в возможности удержаться в Крыму. Постоянные рассказы о предательстве старших начальников, бросавших свои части в трудную минуту на произвол судьбы, создавали орловщину в Крыму.

Правда, опубликованное в газетах мое заявление о том, что лично я останусь в Крыму, дало немного опоры падавшему настроению, но все же я не чувствовал спайки со своими войсками, которые, по-видимому, боялись, что их бросят на милость победителя. Приказ, изданный тогда мною, между прочим, гласил: «Вступил в командование войсками, защищающими Крым. Объявляю всем, что пока я командую войсками — из Крыма не уйду и ставлю защиту Крыма вопросом не только долга, но и чести».

И я жаждал боя возможно скорее: его удачный исход мог спасти положение и дать мне возможность бороться как с разложенным тылом, так и с назревавшей там орловщиной, против которой до боя я был бессилен.

Поэтому бой должен был быть разыгран с полным напряжением, в особенности с моей стороны,— надо

было эффектом победы произвести давление на общественную психологию всего военного и гражданского Крыма.

Я знал, что с лета 1919 г. Красная Армия сделала большие успехи в смысле военной подготовки и организованности, но я знал также, что она в данное время победоносно шла вперед, не встречая сопротивления со стороны белых. Такое положение всегда создает среди наступающей армии некоторую беспечность. Эту беспечность я и решил использовать.

По полученным сведениям стало известно, что по направлению к Перекопу сосредоточились три полка пехоты красных и два полка конницы, которые вели разведку явно боевого характера, т. е. с явным намерением атаковать, а остальные бригады 46-й дивизии стали одна против Чонгара, а другая уступом за правым флангом в сторону Херсона. Я же сосредоточил к Юшуню 34-ю пех. дивизию, к перешейку с трактиром — полк (самый крупный) 13-й дивизии в 250 штыков и [Донскую конную] бригаду Морозова в 1000 шашек.

На рассвете 23 января красные повели наступление на Перекоп. Стоявшие у вала 4 старых крепостных орудия стреляли, бывший в охранении Славянский полк (100 штыков) бежал. Все происходило, как я ожидал и как обыкновенно бывает при обороне во время гражданской войны. Уже к 12 часам снялись и артиллеристы, забрав замки от орудий. Красные заняли вал и втянулись в перешеек. Их попытка ворваться в перешеек с трактиром была отражена контратакой Виленского полка, который, опираясь на пулеметы, занимавшие групповые окопы с прерывчатой проволокой, свободно произвел этот удар, но дальше не пошел. Тогда красные, оставив против этого перешейка заслон, двинулись за Славянским полком на юг, заняли Армянск и направились к Юшуню. Это уже уверило меня в победе. В таком положении бой замер в темноте. Красным пришлось ночевать на морозе в 16° в открытом поле.

Вечером я получил телеграмму от Деникина, который, сильно обеспокоенный, уже предъявлял мне вексель, выданный мною заявлением, что защиту Крыма ставлю вопросом чести. Телеграмма гласила: «По сведениям от англичан, Перекоп взят красными, что вы думаете делать дальше в связи с поставленной вам задачей». В мой план, очевидно, никто не верил.

На это я ответил: «Взят не только Перекоп, но и Армянск. Завтра противник будет наказан». В тылу была полная паника. Все складывали вещи, в портовых городах шла усиленная посадка. О занятии Перекопа и Армянска было сообщено в газеты[12], губернатор Татищев непрестанно телеграфировал в штаб, запрашивая о состоянии дел.

На рассвете 24 января красные стали выходить с Перекопского перешейка и попали под фланговый огонь с Юшуньской позиции. Начался бой. 34-я дивизия перешла в контратаку. В то же время на 15 верст севернее Виленский полк атаковал заслон красных против трактира и ввиду его малочисленности быстро отбросил его. Ночевавшая у Мурза-Каяша конница Морозова следовала за ним. 1000 шашек разлилось по перешейку, двигаясь к югу, в то время как Виленский полк образовал заслон к северу.

В 13 часов я уже продиктовал донесение Деникину, что наступление красных ликвидировано, отход противника превратился в беспорядочное бегство, захваченные орудия поступили на вооружение артиллерии корпуса.

Пространство до Чаплинки было свободно — конница красных и бригада резерва в бою участия не принимали. Охранение белых заняло прежнее положение: все части пошли по квартирам. Всякое наступление вперед было запрещено Ставкой.

Эту главу я закончу комическим инцидентом. Часов в 22—23 я уже в салон-вагоне диктую приказ о демонстрации на Чонгаре; тут же переговариваюсь с Перекопом о мелочах расположения, указываю летчикам задачи на завтрашний день, а о тыле забыл (вот что значит только военный, не знающий политики). А губернатор-то звонил через каждые 5 минут. Конечно, Штакор [3] губернатору сообщил о фронте, но он, видимо, желал получить известия лично от меня. И вот в самый разгар диктовки, перебивая мою мысль, является адъютант, сотник Фрост, человек очень исполнительный, но мало думающий, и докладывает, что губернатор Татищев настоятельно просит сообщить о положении на фронте. Сознаюсь, я извелся — тут дело, а там продолжается паника — и резко отвечаю: «Что же, ты сам сказать ему не мог? Так передай, что вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов». А Фрост, по всегдашней своей исполнительности, так и передал. Что

было!.. Паника улеглась, но на меня посыпались жалобы и выговоры, тем более что лента передачи досталась репортерам. Даже Деникин прислал мне выговор, но это выражение стало ходячим по Крыму.

Этот бой послужил основой удержания Крыма мною и затянул гражданскую войну на целый год. Каюсь, но это так.

Глава VI

ПОЛОЖЕНИЕ ПОСЛЕ ПЕРВОГО БОЯ НА ПЕРЕКОПЕ

Естественно, после 24-го числа красные придвинулись к перешейку, но это не была атака (28 января). Несмотря на это, генерал Васильченко вопреки плану защиты Крыма держал все силы на Перекопе и вызывал все время туда и конницу Морозова. Поднялось сильное заболевание от простуды.

Начальником участка Мурза-Каяш—Перекопский перешеек включительно я назначил генерала Стокасимова — Васильченко заболел.

Красные за февраль серьезных попыток овладеть Крымом не делали. Правда, они вытеснили охранение с Чонгарского полуострова и морозили там свои части. Правда, 6, 7 февраля была атака на Перекоп и его занятие, но все это было не серьезно и ликвидировалось легко. В феврале же красные сделали два налета с Чонгарского полуострова — один на Тюп-Джанкой, другой — прямо вдоль железнодорожного полотна, достигший станции Таганаш.

В конце января и в начале февраля наступили 20-градусные морозы, и Сиваш вопреки уверениям статистиков сделал то, чего ему, как крайне соленому озеру, по штату не полагалось,— он замерз. Этот вопрос меня сильно беспокоил. Каждую ночь я приказывал провозить на лед Сиваша две подводы, связанные вместе общим весом в 45 пудов, и они стали проезжать по льду, как по сухому месту. Это мое действие было моими «друзьями» всех степеней освещено так: «После случайной победы Слащов допивается в своем штабе до того, что заставляет катать себя ночью по Сивашу в телегах, не давая спать солдатам». Когда это распространяли сторонники большевиков, я это понимал —

они-то отлично знали зачем я это делаю,— мы тогда были врагами. Но когда это говорили наши «беспросветные» (у генералов нет просвета на погонах), не понимая, что большая разница: вторгнутся ли красные в Крым через лед сразу с артиллерией или без нее,— это уже было признаком либо слишком большой злобы, либо глупости.

Но как бы то ни было, блажил ли пьяный Слащов, или просто был предусмотрителен командующий защитой Крыма, но в феврале мне стало ясно, что лед против Тюп-Джанкоя и западнее на две версты от железнодорожного моста способен пропустить артиллерию и на эти два пункта надо обратить внимание.

Тюп-Джанкой, как голый полуостров, выдвинутый вперед, обходимый по льду с Арабатской стрелки и не дававший в морозы возможности жить крупным частям, как моим, так и противника, меня мало беспокоил. Поэтому там стояли 4 крепостных орудия старого образца с пороховыми снарядами, стрелявшими на три версты (то же, что и на Перекопе).

Из войсковых частей я туда направил чеченцев, потому что, стоя, как конница, в тылу, они так грабили, что не было никакого сладу. Я их и законопатил на Тюп-Джанкой. Там жило только несколько татар, тоже мусульман и страшно бедных, так что некого было грабить. Для успокоения нервов генерала Ревишина, командовавшего горцами, я придал туда, правда скрепя сердце, потому что артиллерии было мало, еще 2 легких орудия.

Великолепные грабители в тылу[13], эти горцы налет красных в начале февраля на Тюп-Джанкой великолепно проспали, а потом столь же великолепно разбежались, бросив все шесть орудий. Красных было так мало, что двинутая мною контратака их даже не застала, а нашла только провалившиеся во льду орудия. Мне особенно было жалко двух легких: замки и панорамы были унесены красными и остались трупы орудий.

После этого и предыдущих грабежей мы с Ревишиным стали врагами. До боя он на все мои заявления о грабежах возражал, что грабежи не доказаны и что в бою горцы спасут все, причем ссылался на авторитеты, до Лермонтова включительно. Я же сам был на Кавказе и знаю, что они способны лихо грабить, а чуть что — бежать. Не имея никакой веры в горцев, я при своем приезде в Крым приказал их расформировать и отпра-

вить на Кавказ на пополнение своих частей, за что мне был нагоняй от Деникина (видно, по протекции Ревишина) с приказом держать их отдельной частью.

Вообще период защиты Крыма был для меня крайне неудачным с точки зрения службы Никогда в жизни я не получал столько выговоров — тут мне выговор и за тыл (передача Фроста), и за горцев, и за частную жизнь (возил подводы по Сивашу), и, наконец, за вмешательство не в свои дела, сказавшееся в желании ревизовать и контролировать мне не подчиненную крымскую контрразведку, в которой творилось много странного, за постановку задач флоту (личное желание командующего флотом Ненюкова) и, наконец, за то, что я одел всех людей своего корпуса и присоединившихся к нему частей, естественно исчерпав для этого содержимое складов. Выговор Деникина показал, что принципом Добровольческой армии было держать склады для оправдания наличия большого числа интендантов, а люди пускай мерзнут. Система эта привела к сдаче красным огромных складов Деникина. Я привожу все это как характеристику умиравшей армии, командование которой не обращало внимания на вопиющие грабежи Май-Маевского, Покровского, Шкуро, Мамонтова и прочих. Не помогая в военных операциях, оно находило возможность вмешиваться в личные вопросы не принимавших участия в грабежах начальников и держать при них никем не контролируемую контрразведку, творившую явные беззакония, грабежи, убийства и растрату денег и прикрывавшую все это «разведывательной» тайной, а в сущности набивавшую свои карманы.

Глава VII

ОРЛОВЩИНА, ЕЕ ПРИЧИНЫ И БОРЬБА С НЕЙ

Если кто видит в орловщине что-то вроде пролетарского движения или вообще сочувствия Советской власти, то я его сильно разочарую. Это было движение партии «И. И.» («испуганный интеллигент»). Доказательство этого читатель увидит на протяжении моего рассказа о ее зарождении и бесславной гибели.

Орловщина зародилась не в Крыму — там она, благодаря Орлову, получила только свое название. Ор-

ловщина была результатом поведения старшего командного состава белых и появилась в Крыму после бегства от Орла и с предыдущими эвакуациями весною 1919 г. из Одессы и из Севастополя; она питалась ожиданием таковых в будущем при поражении, подтверждением чего было поведение командующего войсками в Одессе (генерала Шиллинга.— *А. К.*) в 1920 г.

Здесь надо учитывать то обстоятельство, что высший комсостав в массе был не слишком крупного капитала; он разошелся с общим движением и, как полагается, в серьезную минуту спасал себя, предавая своих подчиненных. У орловцев не было особой платформы, они просто заявляли: «Генералы нас предают красным, они неспособны спасти положение. Долой их. Станем вместо них и поведем борьбу».

Я уже говорил о состоянии тыла белых и о той боязни красных, которая существовала. И вот капитан Орлов в Крыму возглавил группу, провозглашавшую борьбу с высшим комсоставом.

Капитан Орлов — кадровый офицер, неудачник, за время войны не подвинувшийся выше капитана, но со страшным самолюбием и самомнением. В тылу Добровольческой армии развилась мания формирования частей. Старый крымчак Орлов взялся за это. В момент моего прибытия в Крым он уже имел «мандат» на формирование части.

Читателю уже известно то недоверие, которое питало мелкое офицерство к высшему командному составу и, можно сказать, вполне основательно. Это офицерство встречало поддержку со стороны мелкобуржуазного элемента, естественно обеспокоенного переменой политики верхов Добровольческой армии в сторону крупного капитала. Это — основа движения; в дальнейшем же имело большое значение желание честолюбивого Орлова играть роль и взять власть в свои руки.

Орловщина была серьезным движением, с которым пришлось очень и очень считаться. Одесская эвакуация Шиллинга дала ей твердую почву. К новороссийской эвакуации Деникина я ее по долгу службы ликвидировал.

До боя 23—24 января я разговаривать не смел и не мог, после него и ряда неудачных набегов красных я потребовал формирования Орлова на фронт.

Вот тут и вышел скандал, которым воспользовались большевики. В день атаки красных на Тюп-Джанкой

Орлов совместно с князем Романовским, герцогом Лейхтенбергским, захватил Симферополь.

Не смея выступать против меня, капитан Орлов арестовал в Симферополе коменданта, губернатора и вообще лиц, о которых я писал Деникину, что они не соответствуют своей должности, потом же он прихватил случайно ехавшего от меня коменданта Севастопольской крепости и приехавших от Шиллинга ко мне начальника штаба войск Новороссии Чернавина и начальника гражданской части при Шиллинге Брянского.

Всем этим лицам было объявлено: «Вы арестованы по приказанию генерала Слащова». На это генерал Чернавин возразил: «Я сейчас еду от генерала Слащова и не допускаю с его стороны предательства; если бы было нужно, он бы сам меня арестовал». Чернавин был прав, тем не менее все были арестованы. Ко мне в «революционном» поезде приехал князь Романовский, член царствовавшего в России дома, и много говорил, но ничего не объяснил: понять его было совершенно невозможно. На рассвете телеграмма от Орлова: «Вы задерживаете князя, это не честно — он переговорщик». Я ответил: «Задерживать не собирался. Его высочество едет. Я еду в Симферополь». Кроме того, мною была послана телеграмма: «Если не освободите арестованных, то взыщу я» — следом телеграмма: «Бывшему отряду Орлова построиться на площади у вокзала для моего осмотра». Я приехал в Симферополь.

Орлов перед моим приездом вышел из Симферополя. С ним ушло около 150 человек. 400 человек построились на площади у симферопольского вокзала. Все арестованные были освобождены Орловым по предыдущей телеграмме, и генерал Чернавин встретил меня на вокзале.

Я не стану здесь повторять мою газетную переписку с Орловым[14], укажу только цель моих действий. Орловщина была движением младшего офицерства как результат недоверия к высшему командованию; случайно его возглавил Орлов, обуреваемый честолюбивыми мечтами стать командующим в Крыму. Столь же случайно представителем высшего командования в Крыму оказался я. Если бы я повел борьбу с орловщиной резко, посылая против нее воинские части, в особенности до 23—24 января, неизвестно, чем бы дело кончилось. Заняли ли бы Крым красные, овладел ли бы им Орлов, остался ли бы я, во всяком случае, даже при моей

победе в открытом бою орловщина не была бы изжита. Тут надо было фактами доказать идущим за Орловым массам, что я соответствую своей должности, а Орлов крадет деньги и его поведение на руку осаждающим Крым. Поэтому я выступил против Орлова только после победы на фронте и потом держался крайне сдержанно, даже помиловал его с условием отправки со всем отрядом на фронт. Проводя ряд амнистий и настаивая только на отправлении формирований Орлова на фронт, а потом и на денежной отчетности, я совершенно дискредитировал Орлова в глазах шедших за ним и уничтожил орловщину 12 марта без потерь для своих частей, с переходом его отряда на мою сторону. (Но это было позже, а пока надо было спасать положение.)

До 12 марта я держался крайне осторожно. Сам Орлов чувствовал непрочность своей позиции; этим и объясняется то, что прямо против меня он выступать долго не решался, а производил аресты моим именем, все время ссылаясь на то, что и «Слащов так думает»; поэтому после амнистии ему пришлось с отрядом выступить на фронт и стать в Воинке — тыл был мною спасен, но фронту грозила опасность. Надо было еще раз иметь «шумную» победу и раздавить Орлова; это произошло 8—12 марта под Юшунью. Пока же я выжидал. В то же время за помощь Орлову я отрешил от должности ялтинского начальника гарнизона генерала Зуева и вызвал к себе из Алушты полковника Протопопова. Это был старый офицер, убежденный монархист, имевший большие связи как с крымской крупной буржуазией, так и со Ставкой через казачество (сам казак). В момент орловщины он оказался на стороне Орлова (конечно, тайно снабжал его и посылал ему формирования). Мой вызов заставил его открыть карты и открыто не исполнить моего приказа и выехать к Орлову, но его же подчиненные по моему приказу его арестовали и привезли в Джанкой. Военно-полевой суд приговорил его к смертной казни.

Не донося Деникину, я утвердил приговор[15] и приказал привести его в исполнение и только потом донес о совершившемся факте. Буча поднялась страшная, но колеблющиеся элементы больше не колебались.

Резкость моих действий привела к безусловному выполнению моих приказов, что имело и вредные последствия. Этот вред заключался в следующем: после того

как все убедились в необходимости исполнения моего приказа на примере Протопопова, понесшего жестокую кару за ослушание, население решило, что если Слащов так взыскивает с верхов, то что же он сделает с «простыми смертными», совершенно не учитывая того, что карал я именно верхи. И вот после этого нашлись авантюристы, особенно из контрразведчиков, которые отдавали приказы моим именем, и все им подчинялись. Дело дошло до того, что мне пришлось объявить в газетах[16], что по закону от моего имени может отдавать приказ только мой начальник штаба; если же приезжает другое лицо, то оно должно иметь соответствующие письменные, за моею подписью и печатью, полномочия, но и то при малейшем подозрении прошу в любое время дня и ночи звонить в Джанкой, вызывая лично меня к аппарату. Этим объявлением хотя немного удалось обуздать авантюристов.

Глава VIII

ПОДГОТОВКА К ЮШУНЬСКОМУ БОЮ

Чувствую, что читатели, в особенности товарищи коммунисты, уже спрашивают меня: «За что же вы боролись, проявив такую энергию против Красной Армии, какова была ваша идеология, которая подбадривала вас в это тяжелое время?» На это я отвечу, что я тогда ни о чем не думал, я спасал жизнь, конечно не свою — я достаточно смотрел смерти в глаза (7 раз ранен), — а тех, кто мне доверился. Я честью своей поручился за удержание Крыма, т. е. приговорил сам себя к смертной казни на случай неудачи. Это я сделал для спасения доверившихся мне людей (я говорю о моих подчиненных).

Своему слову я не изменил — под этим углом зрения и прошу рассматривать события.

Одним словом, некогда было думать: как, что и почему. Надо было выполнять взятые на себя обязательства.

Эвакуацию благодаря поддержке командующего флотом адмирала Ненюкова я вел полным ходом и все время предлагал уезжать. После январского боя в опасность легкомысленное мещанство не верило, а вера в прочность фронта была вызвана, видимо, тем,

что я в оперативных сводках объявлял о частных неудачах, до потери орудий включительно, и это создало впечатление у толпы, что на фронте так прочно, что даже не скрывают мелких неудач.

Потери на фронте действительно были ничтожны; отсутствие живой силы в окопах во время атаки красных и массировка сил во время контратаки деморализующе действовали на противника, приводя к беспорядочной и безрезультатной стрельбе во время контратак белых. Благодаря тому что части все время сидели в тепле по деревням, заболеваемость сильно понизилась.

Все же надо было подумать о пополнении войск.

От Деникина я не получил ни одного человека комплектования, призвать из местного населения было почти некого — все было призвано раньше, а между тем оставить войска в первоначальной численности 3500 человек было невозможно, ведь надо было учесть и сыпной тиф, который первое время косил каждого пятого человека. Оставалось использовать дезертиров, осевших после разгрома армии Врангеля, и пленных красных, пользуясь тем, что 46-я [стрелковая] красная дивизия политически была не обработана.

Благодаря всему этому, несмотря на сыпной тиф, я смог к Юшуньскому бою довести численность фронта до 5500 штыков и сабель. Подчинившийся мне Орлов с отрядом в 500 штыков был тоже послан на фронт и поставлен в Воинке — люди его были мною обмундированы и удовлетворены денежным довольствием. Как я обещал, никаких репрессий относительно орловцев предпринято не было, и основная масса орловцев стала сочувствовать мне. С этим, конечно, не могли помириться Орлов, его правая рука поручик Дубинин, князь Бебутов и ближайшие офицеры — их честолюбивые мечты рушились, тем более что предстояло дать отчет в 10 миллионах рублей, захваченных в Симферополе, и 5 миллионах в Ялте; людям же отряда содержания выдано не было (они его получили от меня).

В отряде Орлова получилось раздвоение: общая масса мне симпатизировала, верхи с Орловым во главе были по отношению ко мне враждебны, но не смели этого высказать; атмосфера сгущалась — нарыв надо было вскрыть, и я ждал только удобного случая, которым должна была явиться денежная отчетность отряда. Орлов затягивал это дело.

На фронте тучи тоже сгущались: к Крыму подвозилась Эстонская [стрелковая] дивизия и тов. Геккер (командарм XIII) деятельно готовился к наступлению.

Меня занимал вопрос — разгадало ли красное командование мой план обороны или нет и какие операционные линии оно изберет при вторжении в Крым?

Во главе Перекопской группы стоял тов. Саблин, который, по моим сведениям, хворал, и его замещал тов. Павлов, герой орловского прорыва, бывший офицер лейб-гвардии Волынского полка. О нем у меня были сведения от капитана Мезерницкого (начальника моего конвоя), младшего товарища по полку Павлова. Сведения эти говорили мало хорошего для меня: «Павлов талантлив, очень энергичен, умеет действовать на массы и лично храбр — всегда впереди». Если к этому прибавить прежние победы Павлова, то становилось ясно, что предстоит тяжелая борьба.

Пока что я занялся разворачиванием и пополнением частей.

Из осевших в тылу чинов был сформирован сводный полк 9-й кав. дивизии в 400 шашек, сводно-гвардейский отряд в 150 штыков и шашек, конвой Штакора 3 был пополнен до 350 шашек и развернут в кав. полк, сформирован батальон немцев-колонистов, конно-арт. дивизион и гаубичный арт. дивизион из случайно попавших в тыл Крыма орудий Добровольческой армии. Но конница страдала отсутствием седел: были лошади, были люди, даже были ленчики, но не было сработанных седел, и конвой не мог вступить в бой. С большим трудом, но все же удалось разрешить этот вопрос: конвой сел на лошадей и к моменту февральского прорыва красных на Таганаш он уже действовал совместно с Виленским полком, о котором я уже говорил выше.

Все же Крыму грозила опасность. Концентрация красных войск не была тайной для подпольных организаций. Поражение Деникина на Кавказе и Шиллинга у Одессы окрыляло все антибелые элементы. Предстоящий бой рассматривался как конец защиты Крыма. Приближалось 27 февраля старого стиля с празднованием низвержения самодержавия, демонстрациями, шествиями, которые можно было использовать для выступления против меня. Готовилось новое наступление обиженного Орлова. Одним словом, вверенные мне части должны были быть атакованы со всех сторон.

Особой популярностью у севастопольских рабочих пользовался Пивоваров (эсер), он же проявил особенную деятельность против защиты Крыма. Я срочно приехал в Севастополь, захватил арестованного Пивоварова и увез в Джанкой. Сейчас же ко мне приехали делегации от рабочих комитетов с просьбой освободить Пивоварова. Мой ответ: «Пивоваров виновен в организации выступления против существующего строя; ясно, что существующая власть приговорит его к смертной казни. Но если рабочие комитеты обещают мне, что до 1 марта (старого стиля) не будет ни одного выступления, ни одной стачки, то я Пивоварова освобожу за свой страх и ответственность от всякого преследования; об этом поручительстве рабочих должно быть объявлено в газетах. Я даю честное слово о прощении всего Пивоварову, но и мне должно быть дано честное слово рабочих». Я указал 1 марта старого стиля потому, что за это время, по моим расчетам, должно было разразиться все: и бои на фронте, и выступления Орлова, и, наконец, демонстрации. В длительные же соглашения я никогда не верил и не верю. Соглашение состоялось с опубликованием в газетах — обе стороны честно выполнили принятые на себя обязательства — с этой стороны я Юшуньскую операцию обеспечил.

Относительно партии большевиков в Крыму в этот момент я могу сказать очень мало — она, видимо, не имела достаточных средств, потому что ограничилась одними прокламациями и не смогла объединить рабочих для выступления в помощь фронтовым атакам.

Глава IX

ЮШУНЬ 8—12 МАРТА

1. Ход операции

8 марта долгожданный бой начался — это, так сказать, было второе генеральное сражение Крымской кампании. Наступление вел тов. Павлов 46-й и Эстонской [стрелковыми] дивизиями и 8 кав. дивизией. Наступление на Перекопе сопровождалось демонстрацией с Чонгарского полуострова и на броде против Мурза-Каяш.

Бой начался по всему фронту сразу. Чувствовалось

умелое руководство — красные дрались, как регулярная армия.

За 8 марта я даже не мог составить себе отчета, где наносится главный удар. Всюду шли только передовыми частями; для меня было неясно, где резервы. К вечеру 8 марта красные втянулись в перешеек. Грязь была страшная, лед для провоза орудий стал непригоден.

Утром 9 марта был опрокинут мой заслон на перешейке с трактиром, и крупная колонна красных втянулась в него; остальное двинулось по перешейку на юг. Таким образом, Юшуньская позиция с места была поставлена под угрозу обхода по Мурза-Каяшским перешейкам.

Я стал сосредоточивать свои резервы у Воинки, решив, что главный удар наносится через Перекоп, а на Чонгаре и озерном пространстве — демонстрация. Погода была туманная, и летчики ничего донести не могли, видимость (воздушная) и то при рискованном снижении начала появляться лишь с 10 марта.

Одновременно я получил от Орлова телеграмму с вызывающе резким требованием прекратить всякое расследование по поводу истраченных им сумм и о подчинении ему войск, сосредоточиваемых вместе с ним в Воинке. Я его понял — вторая перчатка была брошена; не поднять перчатки красных, а теперь и Орлова, я не мог: я их поднял.

10-го утром красные достигли Юшуня и атаковали влезшую целиком в окопы (вопреки плану) бригаду 34-й дивизии, которая в полном беспорядке бежала на Воинку. Мурза-Каяш был тоже занят красными. Железнодорожный мост несколько раз был атакован с Чонгара.

В ответ на дерзкую телеграмму Орлова я приказал ему сдать отряд и явиться ко мне.

Всего к утру 11 марта через Перекопский перешеек в Крым дебушировало около 6000 красных, которые от Юшуня двинулись главной массой на Симферополь, достигнув реки Чатарлы, а около 2000 шт. двинулось вдоль строившейся железной дороги на Воинку — Джанкой. Три полка 46-й дивизии упорно шумели на Чонгаре. Мурза-Каяш был занят небольшим отрядом, около 500 человек красных, главным образом конных.

Мои силы располагались: на Арабатской стрелке — 1-й Кавказский стр. полк, около 100 штыков; от Тюп-

Джанкоя до района Мурза-Каяш — 2 полка 13-й пех. дивизии общей численностью около 400 штыков; на Симферопольском направлении — 5 казачьих разъездов по 5—7 человек, южнее р. Чатарлы, против Мурза-Каяш — чеченцы, 150 шашек, и часть конвоя.

В Воинке: бригады 13-й и 34-й пехотных дивизий, батальон юнкеров, Пинско-Волынский батальон, батальон немцев-колонистов, отряд Орлова, Донская бригада полковника Морозова, сводный гвардейский отряд, сводный полк 9-й кав. дивизии, часть конвойного полка — итого около 5000 штыков и шашек, при них 6 танков.

Тыл был совершенно оголен от войск.

Утром 11-го Орлов со своим отрядом двинулся на Симферополь, выйдя из состава сосредоточенной группы.

Измена его не нарушила моего плана. У меня все же оставался кулак почти в 4500 штыков и сабель, и я спокойно мог послать Выграну(начальнику этого резерва) приказ: «Юшунь взять и об исполнении донести».

К 12 часам красные уже отходили: их южной группе, не имевшей против себя противника, но зато обойденной во фланг и тыл, пришлось отходить в большом беспорядке с потерей большого числа пленных.

В 13 часов мною уже был отдан приказ: «Разбитый у Юшуня противник отходит в беспорядке к Перекопу. Орлов изменил и двинулся на Симферополь. Полковнику Морозову с Донской кавбригадой, арт. дивизионом преследовать красных до района Чаплинки, полковнику Выграну со сводным полком 9-й кав. дивизии и 9-м арт. дивизионом преследовать Орлова на Симферополь. Капитану Мезерницкому с конвоем погрузиться в Богемке и следовать по железной дороге через Джанкой на Сарабуз с задачей перехватить отряд Орлова. Остальным частям расположиться по квартирам в районе Богемка — Воинка — Юшунь по указанию генерала Стокасимова. Я еду с конвоем».

12 марта конница Морозова заняла Чаплинку.

Из приказа видно, что все преследование базировалось на коннице и артиллерии. Какой из указанных родов войск играл в преследовании главную роль — трудно сказать. Я смотрю так, что преследовать противника может и должна конница, но она не может вести упорного боя, и, следовательно, противник может ее задер-

жать, а то и вовсе не пустить дальше энергичным арьергардом, и вот задача артиллерии, свободно поспевающей за конной колонной,— сметать все и расчищать последней дорогу — это всегда давало мне хорошие результаты. В данном же случае преследование было ослаблено необходимостью ликвидировать Орлова. Я так подробно останавливаюсь на тактических вопросах потому, что считаю, что для военных это будет и интересно, и полезно. То, что я защитой Крыма принес вред,—это уже факт совершившийся, так надо теперь использовать этот факт с возможно большей пользой.

2. Управление в Юшуньском бою

Вопрос управления войсками в Юшуньском бою стоял очень остро.

Дело в том, что как раз к Юшуньскому бою железная дорога, подходившая уже к Воинке, невероятной слякотью была попорчена у Богемки и требовала нескольких дней для исправления. На подвозе это отразилось мало, потому что перед тем благодаря той же железной дороге в районе Воинка — Богемка были устроены склады, которые можно было свободно тратить до конца, зная, что через 4—5 дней подвоз будет восстановлен. Но вот с моим проездом было хуже.

По железной дороге нельзя, на автомобиле тем паче. Мое присутствие требовалось и в Воинке, и на Чонгаре, может быть, и в промежутке между ними, и в тылу на случай выступления Орлова. Когда положение поколеблено, особенно требуется личный пример и постоянное руководство, так как могут пасть духом и начальники.

Одного телеграфа было мало, надо было видеть бой и распоряжаться так, чтобы все чувствовали, что они на виду и не брошены. Джанкоя покинуть тоже было нельзя, потому что каждый запрос с фронта, оставшийся без ответа, мог возбудить слухи, что штаб уже снялся под влиянием неудачи на другом участке. Таким образом, сознавая необходимость личного примера, я за весь бой не покинул Джанкоя.

В помощь мне явились летчики: у меня было 6 летательных аппаратов. Но вылететь на них, чтобы опуститься в Воинке, тоже было невозможно, потому что спуск на размягченную почву должен был кончиться неудачей. Летчики летали непрестанно, донося мне о поло-

жении своих и неприятельских войск; соответственно этому я отдавал распоряжения, которые с аэроплана сбрасывались боевым участкам.

У войск создалось впечатление, что я сам нахожусь на одном из аппаратов. Благодаря летчикам картина боя и группировка красных стали мне ясны. Орлов был под непрестанным наблюдением. Летчики заменяли телеграф и телефон, всегда отстававший от войск, и все войска обороны Крыма были использованы в бою, конечно, за исключением танков, которые могли кружиться только около своей базы — грязь мешала их движению — и потому были использованы как форты у Воинки и держались между Орловым и остальными силами на случай, если тот ударит на них.

Глава X

ТЫЛ ВО ВРЕМЯ ЮШУНЬСКОГО БОЯ И ЛИКВИДАЦИЯ ОТРЯДА ОРЛОВА

К Юшуньскому бою уже были сменены неподходящие начальники до начальника гарнизона Симферополя и коменданта Севастопольской крепости включительно. Вылавливание банд было организовано, и они ликвидированы. Санитарная часть благодаря назначенному мною доктору Лукашевичу, человеку очень знающему и энергичному, стала на должную высоту. Пришлось прибегать к таким мерам, как реквизиция кроватей и ванн у населения для больных.

Обстановка на других фронтах складывалась безнадежной: на Кавказе бежали, Одесса эвакуировалась в кошмарной обстановке распада, доверие к старому командному составу терялось окончательно.

Готовясь к Юшуньскому бою, я уже мог принять все меры к эвакуации, суда для которой были наготове[17]. Ставка каждую минуту ждала падения Крыма.

На всякий случай я приказал начальнику гарнизона Симферополя полковнику Гильбиху заготовить припасы, главным образом боевые, чтобы иметь возможность перебросить их в район Карасу-Базар. При неудачном бое я предполагал отходить на Керчь и отправить только несколько поездов на Севастополь. Эвакуировавшиеся войска должны были занять Акмонайскую позицию, которую я оборонял, приняв в апреле 1919 г. 5-ю [пехот-

ную] дивизию, и после двух боев (27—30 апреля) спокойно удержал до июньского наступления. Сам же я с назначенными для того мною людьми (около 700 человек) хотел засесть в горах Карасу-Базар с тем, чтобы висеть на флангах и тыле обоих направлений (Керчи и Севастополя) и тем дать возможность спокойно произвести эвакуацию, после чего броситься на Перекоп и появиться на Украине, откуда люди отряда смогут спастись. Сам же я, конечно, должен был бы ликвидировать себя, согласно данному слову, что я из Крыма, пока командую, не уйду. Но для этого отряду нужен был запас боевых припасов и легко перевозимых консервов — позаботиться об этом и было поручено Гильбиху.

Заготовка шла быстро. Орлов, узнав о собранных для неизвестной цели в Симферополе припасах, получив мой приказ сдать отряд, двинулся на Симферополь.

Прямо объявить о своих намерениях он не решился. Людям своим он заявил, что генерал Слащов приказал двигаться на Симферополь, где начались беспорядки. Он был настолько военно безграмотен, что такой же приказ дал стоявшим около него танкам, но там сейчас же усомнились в том, чтобы я мог дать приказ танкам идти походным порядком на Симферополь, и донесли мне.

За Орловым была организована погоня сводным полком 9-й кав. дивизии (400 шашек) с 8 конными орудиями и 100 шашками конвоя, с моим поездом и 2 бронепоездами, взятыми из Таганаша. Летчики следили за движением Орлова. На фронте уже была победа.

12 марта Чаплинка уже была занята разъездами Морозова. В тылу об этом знали.

Орлов, конечно, со своим отрядом в 500 штыков не мог рассчитывать на успех, тем более что своих же людей он должен был обманывать заявлениями, что делает все по моему приказу.

В районе Сарабуз отряд Орлова был настигнут 9-м конным полком, а от Сарабуз подошел конвой. Людям Орлова стал ясен обман. Сомнений не могло быть: с одной стороны, за ними гонятся с фронта, с другой — они не могли не узнать моего Георгиевского флага. Орловцы не стали стрелять. Тогда офицеры Орлова застрелили 8 человек и бросились сами к пулеметам, но были схвачены своими же людьми. Орлов, находившийся сзади вместе с Дубининым, вскочил на лошадь и скрылся в сумерках. Орловские офицеры во главе с

кн. Бебутовым в числе 16 человек были приведены ко мне. Военно-полевой суд приговорил их к смертной казни, приговор был той же ночью мною утвержден. Ни в конвое, ни в 9-м полку потерь не было. Солдаты отряда Орлова поступили на пополнение фронтовых частей. Орлов еще пробовал выпускать прокламации в горах, но ему больше не верили. Он политически умер. Вскоре был казнен и Дубинин — орловщина была уничтожена, но расцветала врангелевщина.

Глава XI

РОЛЬ ФЛОТА И АРАБАТСКОГО ОТРЯДА ПОЛКОВНИКА ГРАВИЦКОГО В ЗАЩИТЕ КРЫМА

При описании происшедших боев я совершенно не касался роли флота и полковника Гравицкого на Арабатской стрелке и чувствую, что читатель уже спрашивает меня, какую роль играли они в описываемых мною военных событиях.

Их роль была очень незаметная, очень невыгодная, о них почти не говорили; и действительно, в боевых действиях они почти не принимали участия. И все же их незаметная служба была крайне тяжелой, и если бы их не было, то и без того безвыходное положение крымских защитников сделалось бы окончательно отчаянным. Можно сказать определенно, что красные не нападали на Крым с моря и Арабатской стрелки потому, что там был крымский флот и отряд полковника Гравицкого.

Помочь в крымских боях флот ничем не мог. Глубина моря у берегов не позволяла ему подойти к Перекопскому перешейку. Если бы он стал стрелять, то его снаряды достигали бы до берега на пределе, и только у Геническа вооруженные коммерческие суда и канонерки стрелять могли, но только по Арабатской стрелке, а до крымского берега, конечно, не достигали. Кроме того, началось замерзание морей, и суда окончательно были приговорены к бездействию у берегов. Но их господство на море делало десант красных в Крым с тылу невозможным.

Командующий морским отрядом капитан 1-го ранга Машуков пошел даже на то (по личной инициативе), что заморозил во льду канонерскую лодку «Терец», сде-

лав из нее неподвижный флот на фланге Арабатского отряда. Жить этому отряду на Арабатской стрелке было негде, и он страшно страдал от холода, связь была почти исключительно по радио. Итак, флот и Арабатский отряд обеспечивали защитников Крыма от обхода.

Флот, кроме того, все время был готов для эвакуирования; правда, он от этой задачи отрывался, но это была вина не его, а обстоятельств. Крым два раза оставался без флота, потому что Машукова приходилось бросать для эвакуации Одессы и Новороссийска.

Глава XII

ВРАНГЕЛЕВЩИНА

Главу X я недаром закончил фразой: «Орловщина была ликвидирована, но расцветала врангелевщина». Действительно, то положение, которое занимал относительно меня Орлов, по отношению Деникина занимал Врангель. Оба базировались на желании продолжать борьбу с Советской властью для спасения жизни, на недоверии к высшему командованию, вызванному общим поражением, предательством в тяжелую минуту и личным честолюбием.

Вся разница была в том, что Орлов осекся, да еще вдобавок был уличен в воровстве у своих солдат, и отряд Орлова перешел на мою сторону и потому Врангель победил.

Врангель интриговал против Деникина еще тогда, когда Добровольческая армия была в хорошем состоянии. Уже под Царицыном он доказывал, что Деникин никуда не годится, и тогда еще нанятые им люди и газеты рекламировали его на всех перекрестках, выдумывая несуществующие доблести и заставляя толпу невольно этому верить; в этом отношении с ним конкурировал только Шкуро, но тот плавал мельче и мечтал только о кубанском атаманстве.

Деникин терпел долго, но после поражений в Донецком бассейне Врангель был устранен от должности. Врангель остался не у дел и ведал подготовкой новороссийской эвакуации, добиваясь назначения командиром кубанской, но эту должность у него перебил Шкуро.

Врангель обиделся, сел на пароход «Александр Михайлович» и уехал в Крым.

Этот пароход он просто присвоил и продолжал жить на нем. В Крыму он переписывался с Орловым, но Орлов бесславно кончил.

Врангель стал добиваться должности главноначальствующего Новороссией (Одесса, Северная Таврия) и Крыма. В это время произошла одесская эвакуация при самых кошмарных условиях. Все было брошено, масса людей и имущества, кроме имущества командующего войсками и главноначальствующего Новороссии генерала Шиллинга и его присных. Шиллинг, человек очень добрый и слабохарактерный, заслужил общую ненависть, его в буквальном смысле слова видеть не могли, и он приехал в Крым, где тоже числился главноначальствующим.

И вот тут началось для меня трудное время. С Шиллингом было ладить легко — он не вмешивался совершенно в дела фронта, но его хотел свалить Врангель, чтобы занять его место, и интриговал вовсю. Дело дошло до того, что я каждую минуту ждал приказа от Шиллинга арестовать Врангеля, а от Врангеля — арестовать Шиллинга (войск ни у того, ни у другого не было).

Деникин колебался, не зная, уступить ли Врангелю и отчислить Шиллинга либо открыто объявить Врангеля мятежником. Все это мешало обороне Крыма.

Хотя красные после Юшуньского боя и держались пассивно, но можно было ожидать прибытия их подкреплений, а фронт под влиянием темных слухов о борьбе за власть среди начальства, естественно, начинал волноваться и чувствовать себя неуверенным.

Еще в бытность свою на Кавказе, видя неудачи Добровольческой армии, Врангель заинтересовался Крымом. По его настоянию и протекции начальника контрразведки Ставки Семинского в Крым был прислан его офицер, полковник Нога, в качестве информатора с инструкцией следить за мною.

Полковник Нога беспрепятственно с моей стороны занялся своим делом, но, к глубокому сожалению Ставки, и в частности Врангеля, не нашел подтверждения распущенных про меня слухов.

Несмотря на свою контрразведывательную деятельность, он оказался честным человеком и послал Семинскому пространное донесение, которое позже случайно попало ко мне в руки. Это донесение № 6 от 12 марта старого стиля полностью опубликовано в константинопольской брошюре моих документов (см. настоящее из-

дание.— *А. К.*). Нога в своем донесении подчеркивает мою энергию и распорядительность по обороне Крыма и заканчивает свое донесение кратким резюме: «Общий вывод: Слащовым держится фронт и тыл, фронт будет держаться до тех пор, пока он единолично будет стоять во главе войск» и т. д. Это донесение, конечно, не понравилось наверху, слежка за мною была поручена чиновнику Шарову, начальнику корпусной контрразведки, не подчиненной мне. Во время врангелевского командования Нога был исключен со службы.

Ставка металась из стороны в сторону. Деникин вызвал Шиллинга к себе и назначил вместо него генерала Покровского, известного своими грабежами и славившегося как наемный убийца. Крым заволновался. Первый дебют Покровского начался с пьяной оргии с громогласным скандалом.

Я послал Деникину телеграмму, что за оборону Крыма я поручился своею честью и слово свое сдержал, но, если главноначальствующим Крыма будет Покровский, защищать Крыма не могу и прошу об увольнении меня от должности.

Покровский был отозван, и Шиллинг возвращен. Неопределенная игра Шиллинга и Врангеля при попустительстве Деникина продолжалась. Ко мне стало приезжать духовенство с епископом Вениамином и сенаторы во главе с Глинкой. Общий ход разговора был тот, что Деникин дискредитирован, что он морально разбит и должен уйти, а его место должен занять Врангель. Мой корпус, единственный сохранивший боеспособность, должен поддержать Врангеля, которого желает «народ». Я на это ответил, что не буду мешать назначению Врангеля, но он должен быть назначен Деникиным.

В это время обстановка в тылу сложилась совсем тревожно. Врангель в Севастополе группировал около себя больных и раненых офицеров, агитируя против Шиллинга. По какому-то очередному делу я ночью был в Севастополе у Шиллинга, и в эту же ночь в 3 часа ко мне заехал Врангель.

Разговор шел все на ту же тему, что и с духовенством и сенаторами; я подтвердил свои слова и указал, что Врангель должен быть назначен Деникиным. Наутро я опять был в Джанкое — боевая обстановка не позволяла мне оставаться в тылу.

Но вот я узнал, что Врангель окончательно решил арестовать Шиллинга. Тогда я в предупреждение скан-

дала, в который Деникин никак не мог решиться вмешаться, отправил к Врангелю полковника Петровского с напоминанием, что я — солдат и ничего антидисциплинарного не сделаю, а что если Врангель выступит самовольно, то я поступлю по долгу службы. Врангель, увидев, что его карта бита, сейчас же сыграл назад и заявил Петровскому, что все это клевета и что он ничего подобного делать не собирался и вполне в своих взглядах солидарен со мною; то же было повторено при личном свидании.

Но тыл волновался: имя Шиллинга было неприемлемо для эвакуировавшихся из Одессы — на нем, как говорится, вешали собак.

Ко мне в Джанкой приехал помощник Шиллинга по гражданской части Брянский и заявил мне, что Шиллинг не только дискредитирован с военной точки зрения, но и берет взятки, награбил в Одессе и теперь скупает бриллианты, которые прячет у себя в гостиной под паркетом; что у него есть неопровержимые этому доказательства и что я должен пригласить Шиллинга в Джанкой, задержать его там и на дому у него сделать обыск и представить найденные улики. Общество же сильно волнуется оставлением Шиллинга у власти, который хотя в военные дела и не вмешивается и объявил в газетах о поручении мне всей власти на фронте, но все же тыл держит в своих руках. Тогда я спросил Брянского, повторит ли он свои обвинения Шиллингу в лицо при мне. Он на это мне ответил утвердительно.

Затем я пригласил Шиллинга в Джанкой по важному делу. На перроне встретил его, как полагалось, почетным караулом, а потом, попросив разрешение говорить частным образом, доложил ему, какие на него возводят обвинения, и сказал ему: «Может быть, ты пройдешь со мной в вагон Брянского, чтобы он предъявил тебе их сам?»

Шиллинг был страшно смущен, не менее был смущен и Брянский и отделывался общими фразами. Тогда я предложил им переговорить друг с другом наедине и вышел.

Через несколько времени Шиллинг зашел ко мне проститься. На прощание я его спросил: «Ну, до чего вы договорились? Ведь меня толкали на обыск у тебя, от которого я, конечно, отказался». «Да, да, я приму меры», — был ответ, и Шиллинг, прицепив к своему поезду вагон Брянского, уехал.

Прошло три дня. Брянский оставался помощником Шиллинга. Тогда я запросил Шиллинга шифрованной телеграммой, что же он предполагает делать ввиду предъявленного ему Брянским ужасного обвинения. Шиллинг на это ответил, что он сразу не разобрался в важности дела, а после моей телеграммы арестовал Брянского, ввиду болезни последнего домашним арестом и передал его дело следователю.

Дело тянулось, но при вступлении через две недели Врангеля в командование Брянский был освобожден и отпущен за границу.

Тогда стало ясно, что во всем этом темном деле Врангель принимал активное участие вместе с Брянским, а Шиллинг по своей глупости выполнял пассивную роль игрушки[18].

Перед самой новороссийской эвакуацией Деникин удалил Врангеля со службы и предписал ему покинуть Крым. Врангель медлил, но, не найдя поддержки своим мятежным планам, принужден был подчиниться. На прощание я сказал Врангелю, что не советую ему ехать дальше Константинополя, потому что сведения о Деникине самые плачевные и потому его (Врангеля) назначение ввиду общего настроения верхов должно состояться. Врангель подтвердил сказанные им раньше слова, что если он будет главнокомандующим, то даже в случае неустойки на фронте он обеспечит спасение и устройство в будущем чинов своей армии. Видимо, ему страшно хотелось власти и он мнил себя администратором и гражданским правителем, что очень трудно ожидать от военного, отдавшегося всецело своему делу. Должен сказать откровенно, что тогда я об этом не задумывался и лишь инстинктивно отмежевывался лично от всяких гражданских дел, в которых чувствовал себя нетвердо.

Еще до приказа об исключении Врангеля со службы последний обратился к Деникину с резким письмом, полным упреков за сделанные ошибки, за личное честолюбие и самомнение, принесшее вред общему делу, и за несправедливое отношение к нему, Врангелю. Это письмо Врангель размножил во множестве экземпляров и распространил в войсках. Конечно, такое антидисциплинарное действие не могло быть терпимо, переполнило чашу терпения и сломило нерешительность Деникина.

Он ответил Врангелю очень кратким письмом с указанием на его личное честолюбие и возмутительные

действия и дал приказ об исключении Врангеля со службы.

Время шло. Началась кошмарная новороссийская эвакуация, при которой Деникин бросил свою армию на произвол судьбы и на милость победителя.

Сам он совершенно пал духом и ни к чему не годился; имя его произносилось с проклятиями...

Слои населения, сочувствовавшие Добровольческой армии, открыто говорили, так же как и армия, о необходимости его замены, причем выдвигались два заместителя — Врангель и я. Впутываться во всю эту историю гражданского управления я не считал себя способным. С «союзниками» я был на ножах. Врангелевщина продолжалась бы, разлагая фронт, и я решительно отверг всякую мысль стать во главе движения, в особенности при моем личном внутреннем расколе и необходимости ладить с союзниками, которые помогать будут не даром.

Подняли вопрос о заключении мира с красными; до этого мира удержать фронт я считал себя способным, но возиться с тылом — нет.

Учитывая все это, я послал Врангелю с графом Гендриковым извещение, что дальше ему ехать нельзя, а что надо быть готовым принять командование.

Лиц, не веривших Врангелю за его предыдущие поражения и интриги, я успокаивал тем, что постараюсь остаться ведать фронтом, предложив Врангелю себя как начальника штаба. Элементы, не верившие Врангелю, успокаивались: я сам, уже колеблющийся, сделал еще раз шаг на поддержку белых и во вред красным — каюсь, но что делать?! Половинчатых решений я никогда не признавал.

Глава XIII

КОНЕЦ КОМАНДОВАНИЯ ДЕНИКИНА. ВСТУПЛЕНИЕ В КОМАНДОВАНИЕ ВРАНГЕЛЯ

Перед новороссийской эвакуацией ко мне прибыл тесть Деникина, генерал-майор, фамилии его не помню (А. А. Иванов.— *А. К.*), и стал зондировать почву, может ли Деникин приехать в Крым. Я сразу не понял того, что он опасался моего соперничества. Он начал очень издалека о том, следует ли главкому быть на Кавказе или в Крыму. Я ответил, что, конечно, в Крыму, и обещал

доложить главкому план эвакуации армии в Крым. Затем он меня спросил, не угрожает ли что-нибудь главкому в Крыму. На это я ответил, что за шальную пулю террориста я отвечать не могу, потому что сам ее ожидаю и никто от нее не гарантирован, но, во всяком случае, тут спокойнее, чем на Кавказе; за все же остальное я ручаюсь.

Вот краткая суть длинного и путаного разговора с тестем Деникина. С этим он и уехал.

А Добровольческая армия отходила. Видя беспорядочный отход и зная неподготовленность эвакуации, я сейчас же после Юшуньского боя и разговора с тестем Деникина, т. е. около 15 марта, отправил Деникину доклад с предложением отводить главную часть сил, особенно конницу, на Таманский полуостров.

Вместе с тем я обратился с просьбой разрешить мне занять последний по устью Кубани своими войсками.

После юшуньского разгрома я брался удержать Крым, даже выделив часть своих войск на Тамань, куда намеревался послать 1500 человек. В помощь защитникам Тамани, конечно, должны были быть выделены и сохранившие стройность части Добровольческой армии.

Деникин на этот доклад, хотя была расписка в его получении, и на ряд моих повторных запросов даже и не ответил. Что это было? Боязнь меня, как возможного узурпатора, или что-нибудь другое, не знаю!— но изза этого погибли тысячи людей. Только в момент новороссийской эвакуации, когда на Тамани не было никого, т. е. через $2^1/_2$ недели, я получил от Романовского телеграмму: «Главком разрешил Таманский полуостров занять, если вы считаете нужным», Я на это мог только ответить: «Думаю, что надобность миновала».

Совершилась новороссийская эвакуация, подробности которой достаточно описаны и о которой я писать не стану. Банды обезумевших и проклинающих Деникина и все командование белых прибыли в Крым, и в это время в Севастополе, по докладу начальника контрразведки Севастополя и морской, должно было состояться выступление сочувствовавших красным элементов.

Арестовано было 14 «главарей» и им предъявлено обвинение в заговоре против «государственной» власти, улики все были налицо: «главари» захвачены были при помощи провокатора в указанный момент с поличным. После указанного ареста все судьи и лицо, которое должно было утвердить приговор, комендант Севасто-

польской крепости генерал-лейтенант Турбин, получили смертный приговор на случай осуждения арестованных. Начальник контрразведки страшно волновался: рушится с освобождением последних не только вся тайная агентура, но и выступление состоится, а на фронте подкрепления красным подвозились; надо было мне либо расписаться в несостоятельности и предать всех своих подчиненных, либо по вызову явиться в Севастополь.

Я прибыл туда[19] и приказал погрузить обвиняемых в мой поезд, чтобы судить на фронте. Контрразведка советовала мне сделать это тайно, но я на это ответил, что мое правило: сведения о смертных приговорах, утвержденных мною, распространять для общего сведения — и что на смертную казнь я смотрю как на устрашение живых, чтобы не мешали работе. Ни одного тайного приговора к смертной казни никогда я своей подписью не утверждал. Так было сделано и в данном случае.

Следует отметить, что ни одна рабочая организация, как это делалось раньше, не обратилась с заступничеством за приговоренных. Единственно, кто это сделал, и то после казни,— это Мельников, «премьер-министр» Деникина, разговор с которым мною был опубликован в газетах.

Деникин прибыл в Феодосию около 29 марта. Я ожидал, что он вызовет меня, желая ознакомиться с положением на фронте, но вызова не последовало. А вместо этого я получил телеграмму, в которой объявлялось об уходе Деникина и назначении совещания из представителей от корпусов для выбора нового главнокомандующего. Я ответил на это, что выборное начало в моей голове не укладывается и что заместитель должен быть назначен им самим. Одновременно я просил разрешения приехать к нему в Феодосию. Надо же было мне поговорить с Деникиным раньше, чем решиться вызывать Врангеля (посылка Гендрикова, см. выше). Деникин ответил мне приказом ехать на совещание. Совещание состоялось 3 апреля, и в это время красные предприняли набег на Перекоп, но, потеряв 2 орудия, перешли на Чаплинку.

Поздно вечером 3 апреля я прибыл на совещание и, наотрез отказавшись голосовать, уехал на фронт. Выборы были сорваны. На вопрос Драгомирова, кто же мог бы быть назначен Деникиным, ответил: «Думаю, что Врангель».

5 апреля 1920 г. Врангель вступил в командование Вооруженными силами юга России. Деникина я так и не видел, и это, пожалуй, к лучшему: я его помню заблуждающимся, но честным и энергичным человеком; видеть же нравственно павшего человека, неспособного признать своих ошибок и предавшего в своем бегстве доверившихся ему людей, не стоило. Так гибла вера и в правильность идеи, за которую боролись, а в данном случае и в руководителя движения, в его честность и энергию. Облик нового руководителя уже выяснился; настроение падало, и углублялась подготовка смены идеалов. (Сменовеховство.)

Состояние войск, прибывших в Крым из Новороссии, было поистине ужасно: это была не армия, а банда. Орудия и обозы были брошены. Ружья и часть пулеметов сохранил еще Добровольческий корпус, в который была сведена Добровольческая армия, под командой Кутепова. Донцы и кубанцы в большинстве и этого не имели.

Боялись сгружаться с парохода, ежеминутно ожидали падения Крыма.

Все беглецы были размещены в тылу, и на Крымский корпус, и в частности на меня, Врангелем была возложена защита Крыма.

Красные перебрасывали свои части с Кавказа на Крымский фронт.

От тыла я на этот раз окончательно освободился. Уже перед тем, с приездом Шиллинга, я от ведения им отошел, но не совсем, потому что Шиллинг, чувствуя себя дискредитированным, присылал мне на подпись более важные свои приказы и мне невольно приходилось вникать в тыловую жизнь. Получалась оригинальная картина, о чем сообщали даже газеты: приказ главнокомандующего, под которым стояла его подпись, скреплялся подписью командира Крымского корпуса (3-й корпус во время защиты Крыма был переименован Деникиным в Крымский).

Тыловой деятельностью у меня не было ни призвания, ни времени заниматься, поэтому и в бытность мою единым представителем военной власти в Крыму она была мною возложена на начальника штаба корпуса полковника Дубяго, который большую часть времени и проводил в Симферополе; я же появлялся в особо важных случаях, как это было с орловщиной и т. п. Теперь в Крыму оказалось слишком много штабов: что

ни город, то штаб, и даже начальники гарнизонов отошли на второй план, подчинившись временным старшим начальникам.

Надо сознаться, что беженцы начали мстить в Крыму левым элементам за свои унижения в Новороссийске. Особое рвение в этом отношении проявлял корпус Кутепова, штаб-квартира которого была в Симферополе. Поставленный мною там начальник гарнизона полковник Гильбих за свою «мягкость» был быстро отчислен, равно как и другие назначенные мною во время орловщины начальники. Я ведал исключительно фронтом с 1 апреля 1920 г.

На мирные переговоры с красными были большие надежды, но исключительно платонические. Дело вперед не подвигалось. Епископ Вениамин собирался организовать крестный ход для движения в расположение красных, но в храбрость этого пастыря плохо верилось.

Красные же, как я уже сказал выше, концентрировали войска.

Особенно меня беспокоил Чонгарский полуостров, где красные стояли вплотную к Крыму и теплая погода позволяла им жить на полуострове под открытым небом и спокойно подвозить и сосредоточивать войска.

Относительно идеологии белых в это время приходится сказать мало определенного. В головах как-то все перемешалось, кошмар кавказского и одесского поражений стоял перед глазами и давил настроение. Не верилось в лучшее будущее. Надо было как-нибудь добиться мира, чтобы спасти эту толпу обезумевших людей, тех же, которые слишком дискредитировали себя в глазах красных, куда-нибудь эвакуировать. Следовательно, нужно было обеспечить оборону Крыма и первым долгом занять Чонгарский полуостров, чтобы образовать из него охранительный буфер.

С другой стороны, говорить громко о мире с красными было нельзя. Как только стали говорить о возможности мира после «воцарения» Врангеля, фронт стал разлагаться. Начались частью грабежи, частью даже перебежки к красным (перебежало до 70 человек), и службу стали нести спустя рукава. В связи с усилением красных сил на фронте создавалась определенная угроза их вторжения в Крым благодаря разложению частей. Положение стало настолько серьезным, что мне пришлось обратиться к Врангелю с докладом, что надо вести переговоры тайно, а войскам пока объявить, что

борьба продолжается, иначе большевики, узнав о разложении в крымских войсках, ни на какой мир не согласятся, а просто возьмут Крым силой. Мой доклад был принят. Врангель, дав приказ о продолжении борьбы, обещал мне вести переговоры о мире, но тайно.

Глава XIV

ВСТРЕЧНЫЕ БОИ
22 и 29 АПРЕЛЯ 1920 г.

Как я уже говорил выше, подвоз красными новых частей и наступившая теплая погода, дававшая возможность концентрировать войска на Чонгаре, создавали угрозу Таганашскому и Тюп-Джанкойскому участкам Крыма, что сильно меня беспокоило. Поэтому я решил предупредить красных, атаковать их до их сосредоточения, и занятием Чонгарского полуострова опять создать буфер между Северной Таврией и Крымом. Кроме того, ввиду мирных переговоров я рассчитывал убедить этим красное командование в том, что белые вовсе не слабы и что лучше оставить их в покое.

Что это есть война классовая и что Советская Россия не может согласиться на буржуазный нарост на своем юге, тогда я не понимал, а пример существовавшей в то время меньшевистской Грузии утверждал меня в моих заблуждениях. Главная задача была — добиться спасения и урегулирования вопроса о рядовой толпе белых, бывших в Крыму.

Как бы то ни было, толкаемый своей политической безграмотностью и военными соображениями, я решил атаковать сам.

В ночь на 22 апреля было приступлено к починке железнодорожного моста через Сиваш. Больших сил ввиду беспокойного положения на Перекопе я сосредоточить не мог и ограничился выдвижением на позицию бригады 13-й дивизии (около 500 штыков) и батальона юнкеров (около 120 штыков) с 8-м кав. полком (бывший конвой, около 300 шашек) в резерве. Кроме того, были подтянуты 4 бронепоезда, один из которых имел дальнобойные 8-дюймовые морские орудия.

На берегу Сиваша имелись построенные мною еще зимой небольшие ветки-тупики, чтобы бронепоезда могли маневрировать, а не только стоять друг другу в за-

тылок. Таким образом я обеспечил за собой превосходство в артиллерии. Починка железнодорожного моста, находившегося посредине почти 2-верстной гати, за ночь закончена не была. Красные держались активно и со своей стороны делали попытки проникнуть на гать.

Борьба бригады 13-й дивизии с красными закончилась тем, что после обоюдных неудач продвижений гать с железнодорожным мостом осталась нейтральной и цепи борющихся сторон залегли по берегу Сиваша.

Одновременно красные делали попытки проникнуть на Тюп-Джанкойский полуостров, но эти попытки я игнорировал, решив, что, если одержу верх вдоль железной дороги, противник сам будет вынужден очистить Тюп-Джанкой.

Таким образом, ряд встречных столкновений на местности, не дававшей возможности развернуться и нажать на чувствительные места противника, не дал успеха ни той, ни другой стороне. Количество сил играло мало роли, потому что их негде было развернуть. Благодаря наличию у белых морских орудий бронепоезда красных держались в отдалении и перевес артиллерии был на стороне белых, но одним этим бой не решался. Время стало клониться к вечеру, когда красные, видимо, получили сильные подкрепления артиллерией, потому что развили сильный и меткий артиллерийский огонь по легким бронепоездам, среди которых стоял и мой поезд: полетели стекла. Не менее сильному обстрелу подверглись и цепи. Приказав бронепоездам сосредоточить огонь по цепи красных, я послал адъютанта, штабс-ротмистра Шебеко и ординарца Нечволодова (свою жену) к цепям передать приказ двинуться на гать. Не прошло и десяти минут, как пришло донесение, что штабс-ротмистр Шебеко убит, а ординарец Нечволодов ранен, цепи 13-й дивизии под сосредоточенным огнем красных подаются назад и очистили местность около гати. Цепи красных спускались к гати.

Получалась угроза самому Крыму; починенный белыми мост должен был достаться в руки красных. Правда, в резерве были юнкера и 8-й кав. полк, на которых только можно было рассчитывать в случае, если красные ворвутся на южный берег Крыма, так как неудача белых должна была деморализовать 13-ю дивизию, получавшую пополнения исключительно из пленных красноармейцев 46-й стрелковой дивизии, бригада которой сейчас форсировала гать. Надо было прибегнуть к по-

следнему средству, всегда выручавшему до сих пор, это средство — личный пример начальника.

Поэтому я отдал приказ юнкерам построиться в колонне по отделениям и двинул ее на гать с мостом. Артиллерия красных стала стрелять беспорядочно: ни один снаряд не падал на гать, многие шрапнели падали на удар, давая камуфлеты (т. е. взрывались в земле — *А. К.*),— очевидно, орудийная прислуга второпях не устанавливала дистанционных трубок.

Ружейный огонь был не менее беспорядочен; несмотря на почти 2-верстное расстояние, пули летали через головы.

Батальон втянулся на гать; сначала отдельные люди красных, а потом и вся их цепь стала отбегать назад, артиллерия смолкла — видимо, взялась в передки,— сзади неслось «ура» бригады 13-й дивизии, нестройными толпами сбегавшей на гать, а юнкера шли с музыкой (оркестр).

Я невольно подумал, что достаточно было бы одного пулемета и одного орудия у красных, но в недрожащих руках, чтобы смести все это, но такова сила нервного шока, который всегда возможен во всяком бою. Ошеломить можно кого угодно.

К сумеркам 22 апреля части бригады 13-й дивизии достигли и закрепились у ст. Сиваш. Юнкера за описанную атаку не потеряли ни одного человека. Станция Джумбулук была занята в последующие дни.

В тылу между тем шла интенсивная реорганизация частей, и ввиду концентрации красных сил против Крыма Врангель решил постепенно выдвигать на фронт наиболее боеспособные части 1-го армейского корпуса Кутепова. Приказом его Добровольческий корпус был переименован в 1-й, а Крымский — во 2-й; кроме того, сколачивался еще 3-й корпус, Писарева; конница была сведена в конный корпус Барбовича. Донцы пока составляли один корпус, а кубанцы — одну дивизию, но были без лошадей, кроме Морозова (донцы). При 1-м и 2-м корпусах было по одному кав. полку; в 3-й корпус, Писарева, входила Чеченская дивизия генерала Ревишина.

В первую голову на фронте должны были появиться Алексеевский полк и Дроздовская дивизия генерала Витковского[20], но выдвижение это было сделано крайне оригинальным способом, а именно десантной операцией Алексеевского полка к деревне Кирилловка, откуда он

вышел на железную дорогу. Мой второй корпус об этом десанте предупрежден не был и продолжал находиться на Чонгаре. Это привело к почти полному уничтожению высаженного десанта Алексеевского полка. Аналогичная история произошла с десантом Дроздовской дивизии у Хорлы — она принуждена была драться одна с превосходными силами красных, а 2-й корпус находился в полном неведении, что творится к западу и северу от Перекопа.

Дроздовская дивизия, правда, пробилась к Перекопу, но понесла потери около 350 человек и несколько орудий. Я же сам в это время был на Чонгаре, где пришлось подпирать бригаду 13-й дивизии, оставившую под давлением красных занятую перед тем станцию Джумбулук. Положение было восстановлено, но было бы много важнее мне быть на Перекопе и своим наступлением помочь Дроздовской дивизии.

Оказалось, что Врангель через агентурную разведку узнал, что красные предполагают нанести удар на Перекоп 30 апреля, и с целью расстроить их план направил Дроздовскую дивизию в Хорлы, чтобы она вышла во фланг атакующим Перекоп красным. Мой же корпус по плану обороны Перекопа не удерживал и старался заманить красных под удар из перешейка с трактиром или даже под Юшунь. На этот же раз благодаря десанту у Хорлы красные были отбиты даже перекопским охранением, но для помощи дроздовцам силы на Перекопском перешейке не было, и они должны были пробиваться почти исключительно своими силами.

Была ли это небрежность Ставки, или в этом сказывалось полное неумение Врангеля управлять частями на широком фронте, сказать не берусь, но, судя по последующим боям, вернее последнее предположение.

Во всяком случае, прорыв красных в Крым был отбит, но с значительно большими потерями, чем это было необходимо.

Таким образом, апрельские попытки красных прорваться в Крым успехом не увенчались. 2-й корпус, кроме этого, занял Чонгарский полуостров и выдвинул охранение на Сальковский перешеек.

Глава XV

ПЕРИОД ДО НАСТУПЛЕНИЯ ВРАНГЕЛЯ В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ

Наступило затишье; массы надеялись на мир. Врангель усиленно скрывал все перипетии этого вопроса, не отвечая даже на прямо поставленные вопросы. Наконец, стало известно, что англичане с красными не договорились и предлагают Врангелю предпринять самостоятельные шаги. Французы указывали на безнадежность этого предприятия; они дали понять Врангелю, что ему надо сначала показать силу своей армии и тогда красные пойдут на уступки. В этом духе Врангель и вел пропаганду не только среди солдат, но и среди лиц высшего комсостава, по крайней мере мне, командиру корпуса, ничего большего о закулисной игре известно не было. Выставлялось, что красные сбросят нас в море, а за границей нас никто не примет, если мы не будем бороться; если же мы захватим Северную Таврию, то Украина и Дон готовы восстать, и т. п. Конечно, все уснащалось невероятными рассказами о зверствах большевиков и восстаниях во всех концах России. Создавалась картина, что бороться нужно если не ради идеи, то во имя безвыходного положения, во имя спасения от зверств, ожидавших побежденного.

Тогда я почти ни во что не верил. Если меня спросят, за что я боролся и каково было мое настроение, я чистосердечно отвечу, что не знаю. Это было время, когда я переходил от отчаяния к надеждам, когда неоднократно решал все бросить и уйти, но сейчас же приходили соратники и начинали говорить о малодушии, о том, что нельзя бросать армию в тяжелый момент, что это — предательство своих. Возникал также вопрос, куда же ехать и на что жить за границей, которая, конечно, от беглеца отвернется, а может быть, и вышлет.

Не скрою, что в моем сознании иногда мелькали мысли о том, что не большинство ли русского народа на стороне большевиков,— ведь невозможно же, что они и теперь торжествуют благодаря лишь немцам, китайцам и т. п., и не предали ли мы родину союзникам. Но эти мысли я как-то трусливо сам отгонял от себя и противопоставлял им слухи о восстаниях внутри России и т. п.

Это было ужасное время, когда я не мог сказать твердо и прямо своим подчиненным, за что я борюсь.

29 мая я подал в отставку. Врангель взял мой рапорт и прочел мне целую нотацию о том, что уходить с поста теперь нельзя, что это есть удар в спину армии, что с моим именем в Крыму слишком много связано и мой уход гибельно отразится на настроении; приписка же в рапорте о нежелании командовать и о согласии быть рядовым есть фраза — это не поднимет настроения войск, а, наоборот, подчеркнет, что наверху неладно. Высказав мне эти соображения, Врангель разорвал мой рапорт.

Я принужден был остаться и продолжать нравственно метаться, не имея права высказывать своих сомнений и не зная, на чем остановиться. Подчеркиваю: с сущностью борьбы классов я не был знаком и продолжал наивно мечтать о воле и пользе всего внеклассового общества, где ни один класс не эксплуатирует других. Это было не колебание, но политическая безграмотность.

В тылу между тем разыгрывалась история «Донского вестника», в связи с которой были привлечены к ответственности генералы Сидорин и Келчевский по обвинению в разложении донцов эсеровской пропагандой самостийности Дона. Подробностей этого дела, находясь на фронте, я не знал, но для меня было ясно, что в суде идет невероятная подтасовка и личность Врангеля выявлялась с очень некрасивой стороны[21].

Закон о земле, разработанный Глинкой, никого, конечно, удовлетворить не мог. Вопрос о церковных землях татар разрешен не был.

Все это вызывало скопление зеленых в горах и их страшный рост — сочувствие населения вызывали их смелость и неуловимость. Прибывшая из Новороссийска армия утратила всякие идеалы и занималась грабежами — жалобы поступали со всех сторон.

Уже позже, в Мелитополе, Врангель собирал по этому поводу командиров корпусов и, несмотря на всю его нелюбовь и недоверие ко мне, ему пришлось поставить на вид, что на все корпуса, кроме 2-го (Крымского), поступают постоянные жалобы населения за грабежи.

И это верно. С грабежами требовалась суровая борьба и, конечно, пример начальника. А где же ему бороться, если у самого «рыльце в пушку»?

Во время защиты Крыма, еще в начале февраля, произошел грабеж, который по всем данным могли совершить только казаки конвоя Штакора 3, и сам началь-

ник конвоя капитан Мезерницкий указывал, что это казаки и что, пока их не обуздают, он своими мерами бороться не может. Это были все Георгиевские кавалеры, мои старые соратники по Кубани. Виновный не находился, и казаки его не выдавали. Тогда я не остановился перед расформированием всего конвоя и высылкой его из Крыма на Кубань на пополнение кубанских частей. Новый конвой, вскоре развернутый в 8-й кав. полк, был сформирован из крымчаков. Другие командиры корпусов этого не делали, а бездеятельность старших относительно преступлений поощряет новые.

Отсутствие определенной, ясно выраженной идеи и борьба только за свое существование, естественно, усиливали эти грабежи. Это было только логическое следствие развития основного лозунга борьбы и недоверия к командному составу.

Каждый член Новороссийской и Одесской армий, раз испытав ужасы эвакуации, хотел обеспечить себя на будущее и надеялся своевременно улизнуть. Высший командный состав показывал ему в этом отношении пример, и хотя главных героев предыдущих грабежей вроде Покровского, Шкуро, Мамонтова и т. п. уже в армии не было (они, кроме умершего Мамонтова, благополучно жили на награбленные деньги за границей), но оставшиеся шли по их стопам и своими действиями показывали пример подчиненным, а об упорной борьбе с грабежами лиц, у которых у самих рыльце было в пушку, конечно, не могло быть и речи.

Таким образом, ВСЮР быстро и определенно перешли на роль наемников иностранного капитала, готовые пойти туда, куда пошлет их хозяин. Если некоторые слепцы вроде меня ясно этого еще не понимали, то это не мешало факту оставаться фактом и событиям идти своим чередом, вовлекая в свой водоворот и этих слепцов, пока они, не желая идти по этому пути, не зная другого, не были самими событиями выброшены за борт несимпатичной им жизни.

Как я уже указал выше, переговоры о мире оставались безрезультатными и на Крым надвигался голод. Был задуман общий переход в наступление в Северную Таврию, так сказать, экскурсия за хлебом. Мною было указано Врангелю, что легче всего этот вопрос дебуширования из Крыма может быть решен десантной операцией целого корпуса с движением на железнодорожную магистраль (рейд) и на базы красных в Мелитополе.

Выполнение этой операции было возложено на меня, причем я поставил условием, чтобы разработка плана велась исключительно мною, а я посвящу в нее только самого Врангеля, потому что лицам его штаба вследствие болтливости некоторых (Шатилова и Коновалова) и неумения работать я совершенно не доверяю.

Дальнейшие события показали правоту моей точки зрения: это была единственная операция, место назначения которой осталось тайной для красного командования; десантные же операции на Кубань и Дон стали известны красным задолго до их начала.

Мой план сводился к прорыву эскадры с десантом корпуса через Керченский пролив и движению ее в Азовское море. Чтобы затушевать место назначения эскадры, пунктом посадки я выбрал Феодосию, откуда десант мог быть высажен и в Новороссийск. Движение через Керченский пролив, где фарватер проходит в $1^1/_2$ верстах от берега красных, эскадры в 32 вымпела считалось делом невозможным, тем более что течение идет из Азовского моря, а идти мимо противника надо с застопоренными машинами, но вычисления показывали, что, взяв разгон, опасное место можно пройти по инерции.

Феодосия выгодна еще тем, что от нее самые тихоходные суда могли к вечеру сосредоточиться у Керченского пролива и взять разгон для его прохода.

В дальнейшем я предполагал высадиться на песчаной косе, что у д. Кирилловка, и внедрить весь корпус в коридор, образуемый двумя полузаливами и полуозерами, двигаясь в направлении на ст. Акимовка, где прервать питание красных, стоящих против Крыма, и быстро захватить их базу — Мелитополь. Операция делалась очень возможной еще и потому, что красное командование не эшелонировало свои силы в глубину, а держало свои резервы близко к фронту и мое движение на Акимовку выходило в тыл даже фронтовым резервам.

Мой план был Врангелем утвержден, и 20 мая мой корпус был сменен с позиции и поехал по железной дороге в Феодосию. Такое передвижение войск, конечно, не осталось незамеченным и вызвало разговоры. Я лично в разговорах нарочно сбивал лиц своего штаба о месте десанта, намекая за обедом на разные пункты Кавказского и Одесского побережья. Когда ко мне заходили корреспонденты с расспросами и спрашивали, будет ли

десант, я ошеломлял их ответом — да, будет, с указанием района между Батумом и Одессой. Таким образом, все говорили о десанте (да этого и скрыть было нельзя), но никто не знал, где он будет.

5 июня 1920 г. суда снялись из Феодосии и с запечатанными конвертами вышли в открытое море, держа курс на юг. Там были вскрыты пакеты № 1. К ночи эскадра прошла мимо Керчи, где должны были присоединиться к ней боевые суда прикрытия, которые по моему настоянию были выведены в море накануне в обыденное крейсерство по Азовскому морю, что не должно было возбудить ничьего подозрения; остальные боевые суда в других портах готовились к выходу для прикрытия десанта (но для десанта не предназначались, т. е. демонстрировали, сами не зная того). В Азовском море подлежало вскрыть пакеты № 2.

Перед самым переходом в наступление в Северную Таврию и во время хода этого наступления в тылу произошел инцидент, сам по себе ничтожный, но характерный для Крыма и белой армии, которой сам Врангель показал пример борьбы за власть и ее захват.

Подробности дела мне неизвестны, потому что я слишком далеко стоял от тыла, разрабатывал сложную операцию и уехал для ее производства, но, во всяком случае, суть заключалась в следующем.

Один из далеких отпрысков царствовавшего дома — князь Романовский, герцог Лейхтенбергский, пасынок великого князя Николая Николаевича, уже, как читатель помнит, замешанный раньше в орловской истории, задумал по примеру Врангеля произвести «государственный переворот». Он собрал вокруг себя, как это делал при Шиллинге Врангель, молодых тыловых офицеров из раненых и больных фронтовиков и моряков и, говорят, пользовался сочувствием экипажей целого ряда судов (сам Лейхтенбергский — моряк). Заговорщики хотели арестовать Врангеля, принудить его к «отречению», и князь Романовский должен был быть провозглашен «блюстителем царского престола». Главнокомандующим русской армией по их спискам должен был быть провозглашен я, а Шатилов чуть ли не военным министром. Кроме того, на разные должности были назначены лица совершенно противоположных мнений. Все это, а в особенности включение в список Шатилова показывало, что они ни с кем не сговорились, а просто назначали по личным симпатиям. Дело кончилось арес-

том заговорщиков, причем у адъютанта Романовского был найден свитский аксельбант: видимо, он мечтал быть флигель-адъютантом; Романовский был выслан за границу, а остальные — на фронт. Суда Врангелю назначать не хотелось: ведь сам он в подобном же деле был замешан.

В заключение этой главы для большей ясности последующих событий я хочу немного остановиться на кратких характеристиках лиц врангелевского командного состава, игравших более видную роль в армии. Характеристика самого Врангеля, я думаю, будет ясна из самого изложения событий.

Первое время по «воцарении» Врангеля во главе его штаба стоял генерал-квартирмейстер штаба Деникина генерал Махров. Эта личность очень краткосрочно промелькнула на горизонте и оставила по себе лишь след нравственной неопрятности и невероятной, чтобы не сказать — преступной, болтливости; сам он был эсеровского направления, и лица, политически ему симпатичные, были в курсе оперативных дел штаба. Лично он очень дружил с генерал-квартирмейстером Коноваловым. Еще до перехода в наступление в Северную Таврию он был отчислен от должности.

Его заместителем явился помощник Врангеля генерал Шатилов — это был человек, крайне легкомысленный в военных вопросах, очень беспечный относительно противника, смотревший на войну с точки зрения «шапками закидаем», когда на фронте было хорошо, и впадавший в невероятную панику при малейшей опасности. Вообще же он обращал мало внимания на военное дело, а больше занимался нефтяными бумагами и пополнением своих материальных средств «благодарностями» лиц, ведших какие-либо денежные дела с Вооруженными силами юга России. Это делалось вполне открыто и не составляло ни для кого тайны, так что я совершенно спокойно могу об этом писать, не боясь упрека, что я так аттестую «Павлушу», как его называли, за то, что он занял место наштаглава (начальник штаба главнокомандующего.— *А. К.*).

Из предыдущих действий Врангеля было вполне ясно, что единственным талантливым при нем человеком был генерал Юзефович (его начальник штаба у Царицына); он заменял Врангеля, когда тот был болен сыпным тифом, и, в сущности, продолжал командовать и потом. Но с ним Врангель разошелся. Мое имя проти-

вопоставляли имени Врангеля лица, не любившие его. Врангелю предстояло заняться внутренними делами и переговорами с союзниками и красными о заключении мира. Ясно, что при таких условиях отдать все свое время защите последнего клочка территории, где укрывались белые, он не мог. Поэтому, как читатель помнит, я предложил Врангелю одновременно с вызовом его из Константинополя себя в начальники штаба, именно главным образом под давлением лиц, враждебных Врангелю. Он обошел это молчанием, и я больше об этом не поднимал вопроса; против Шатилова неприязни у меня не было никакой — лично я его даже не знал. Но в дальнейшем выявилось то, что я указал выше.

Генерал-квартирмейстер штаба был Коновалов. Перед тем он служил у Боровского в Крымско-Азовской армии, играл первую скрипку в его штабе, все распоряжения которого приводили к тяжелым переживаниям и к сдаче весною 1919 г. Северной Таврии и Крыма. Как раз я в это время познакомился с ним, так как я прибыл в Крым на должность комбрига 5 и вступил во временное командование этой дивизией на Акманайской позиции (Керченский полуостров), которую Коновалов приговорил к сдаче.

Все же Акманайская позиция была удержана до перехода в наступление.

Боровского сменил Шиллинг, который перед тем не мог равнодушно говорить о Коновалове; теперь же почему-то они стали друзьями. Коновалов от имени Шиллинга отдавал самые нелепые с военной точки зрения приказания, разводящие войска веером и грозившие полным поражением. Я отказывался их исполнять и вызывал к аппарату лично Шиллинга, после чего инцидент улаживался и мне предоставлялась свобода действий.

По странной случайности все секретные сведения, проходившие через генерал-квартирмейстера, становились известными противнику, так что я во время борьбы с Петлюрой вынужден был заявить Шиллингу, что прошу ставить мне только задачу, а я ее сам выполню, а если давать указания, то не через Коновалова.

Во взятках и грабежах Коновалова не упрекали, но денег у него всегда было много. Он же являлся участником и главным руководителем безграмотного с военной точки зрения отхода на Одессу Шиллинга в конце 1919 г., преступной одесской эвакуации и интернирования части войска в Польше. То же самое происходило и

при Врангеле. И только уже в ноябре месяце часть его переписки была перехвачена мичманом Алексеевым на пароходе «Возрождение», но захват этого парохода красными в Феодосии (момент эвакуации Врангеля) затушевал это дело. Коновалов немедленно уехал из армии и отлично зажил за границей. Сам ни одной строевой частью не командовал.

Во главе 1-го (Добровольческого) корпуса стоял Кутепов, строевой офицер, не бравший с момента производства книги в руки, так что мог недурно командовать ротой но не больше. Это был типичный представитель «строевого офицера» в скверном смысле этого слова, великолепно замечавший, если где-нибудь не застегнута пуговица или перевернулся ремень, умевший равнять, муштровать часть и производить сомкнутое учение, но совершенно ничего не понимавший в области командования войсками, их стратегического и тактического использования и сохранения войск в бою. Все это дополнялось крайним честолюбием, эгоизмом, бессмысленной жестокостью и способностью к интригам. При уходе Деникина Кутепов мечтал его заместить, но, увидев, что ничьей поддержки не встретит, старался удержать Деникина у власти хотя на время, чтобы забылся новороссийский кошмар, в котором он играл немаловажную роль. Отношения его с донцами были из рук вон плохи, потому что в Новороссийске он вышвырнул донцов с судов и бросил их на произвол судьбы, нагрузив на суда свои обозы. Это подсудное дело осталось без последствий. Естественно, что я, возмущенный им, открыто высказывал это Врангелю; в войсках его не любили.

Начальником штаба 1-го корпуса был генерал Достовалов — человек недалекий, страшно теряющийся, хвастливый и пронырливый, друг Коновалова; возместить в управлении войсками недостатки комкора он не мог.

Начальник Дроздовской дивизии — генерал Витковский, принявший 2-й корпус после моей отставки в августе месяце, был сколок с Кутепова и так же мало, как и он, смыслил в военном деле; я их обоих называл хорошими фельдфебелями.

Начальник штаба у Витковского, перешедший потом на штаб 2-го корпуса,— полковник Бредов (брат генерала Бредова, отошедшего в Польшу при разгроме одесских войск), мой товарищ по Финляндскому полку, на 3 года старше меня и в полку и по академии, человек

очень недалекий, как говорят, «зубрила», строя никогда не знал, войны — тоже, потому что уже в 1915 г. угодил в плен, где и просидел до 1919 г., тоже совершенно не был способен заменить своего начальника.

Командир конного корпуса Барбович — человек очень симпатичный, но мало знающий. Лично храбрый и хорошо бы командовал эскадроном и даже полком, но дальше никуда не годился. К этой характеристике совершенно подходил и командир 3-го корпуса Писарев.

Атаманом Донского войска был Богаевский, очень милый собеседник, хороший кабинетный работник, но без всякого знания строя и без всякой воли. Возмутительный процесс Сидорина не встретил с его стороны отпора только благодаря его слабохарактерности. Вообще «милый человек» и никуда не годный атаман.

Абрамова и Калинина знаю очень мало. Во всяком случае, Абрамов со всеми соглашался, ни с кем не спорил и всегда соглашался с начальством. Калинин и Морозов были очень энергичными офицерами и продуктивными работниками, хотя и с большой хитрецой.

Относительно кубанских атаманов сказать ничего не могу: они сменялись, как перчатки, и играли ничтожную роль.

Так же незаметна была роль терского войска.

Начальником моего штаба после ухода в апреле на бригаду Дубяго был полковник Фролов, человек честный и знающий. Он во время защиты Крыма был преподавателем тактики в Константиновском военном училище и с вызовом училища на фронт предложил свои услуги для работы в штабе, где и ведал оперативным отделением, образовавшимся поневоле, так как хотя корпус не был отдельным, но фактически им стал и офицеры Генштаба училища заполнили нештатно недостающие должности. Ввиду постоянных поездок Дубяго в тыл по гражданским делам и его длительного там пребывания он его заменял во все время обороны.

Глава XVI

НАСТУПЛЕНИЕ В СЕВЕРНУЮ ТАВРИЮ

Наступление в Северную Таврию было назначено на 8 июня, т. е. на сутки позже начала моего десанта, так как имелось в виду, что на переброску целого корпуса с тылами, хотя бы и маленького состава, потребуется много времени. Всего должно было быть высажено на берег до 10 тысяч человек (конечно, считая и обозных всех видов). Ведь первое время корпусу надо было рассчитывать только на себя, и только занятие железной дороги, лежавшей в 70 верстах от места десанта, и ее исправление после отхода противника давали возможность получать довольствие из Крыма сухим путем. При слабой технике ВСЮР эта десантная операция с отрезанным у Керченского пролива тылом являлась, конечно, операцией крайне рискованной даже с точки зрения устройства базы, уже не говоря про сторону военную; все рисковало быть сброшенным в море.

Предвидя, что с наступлением придется иметь дело с населением вновь занятых районов, и желая хоть немного уменьшить возможность грабежей, я настоял на введении института начальников гражданских частей при корпусах. Я основывался на том, что, производя незаконные реквизиции у населения, войсковые начальники не давали населению ничего и все недочеты потом, даже в случае их обнаружения, объяснялись боевой обстановкой — невозможностью вести гладко и военные операции, и гражданскую часть. Поэтому я настаивал на учреждении начальников гражданских частей при корпусах с целым штатом агентов, рассылаемых к дивизиям и полкам, на обязанности которых и лежало организовать все гражданское управление до перехода района в ведение правительства. В их функции, конечно, входили и реквизиции всех видов, и их оплата, и узаконение. Таким образом, у военных властей не было отговорки, что они не грабили, а только недосмотрели, делая свое прямое дело. Надо сказать, что этот институт привился только в моем корпусе и начальник гражданской части Михайлов был все время при мне, а его подчиненные — при частях; в других же корпусах начальников гражданских частей держали в тылу и их

агентов к частям не пускали. Зато во 2-м (Крымском) корпусе грабежи были как исключение, а в других корпусах, как правило. С моим уходом в августе месяце в отставку этот институт был упразднен.

Как я указал в предыдущей главе, 5 июня суда с десантом вышли из Феодосии. Движение было очень медленно вследствие плохого состояния котлов и вследствие того, что у каждого транспорта была на буксире баржа. С большим трудом ночью суда с десантом, потушив огни и застопорив машины, проходили против течения в $1^1/_2$ верстах от таманского берега. 6 июня вся эскадра собралась вне видимости берегов в Азовском море, где уже были вскрыты пакеты № 2 и стало известно, что десант будет у Кирилловки, куда и двинулась эскадра.

Шторм затянул высадку до 8 июня, причем артиллерию приходилось вылавливать из воды. Лошадей совершенно укачало, и они едва двигались. В первую голову я высадил конную бригаду генерала Шифнер-Маркевича в составе 8-го кавалерийского полка полковника Мезерницкого и Кубанской бригады с конной батареей, сформированной при 8-м кав. полку. Эти силы, переночевав в Кирилловке, 8-го смогли двинуться в направлении на ст. Акимовку, и вслед за ними можно было послать только одну бригаду пехоты на повозках (около 1500 шт.); больше подвод не было. Артиллерия задержалась с выгрузкой, лошади не шли, а надо было торопиться, потому что в данном случае только неожиданность нападения была хороша. И я бросил высаживающиеся войска и поехал с авангардом.

К вечеру красные задержали конницу у д. Родионовка, но были сбиты, и на плечах отступавших была занята Родионовка; пленные оказались местных и всяких комендантских команд. Из тыловых учреждений с невероятным трудом и двойной сменой лошадей я тащил с собой только радио.

Части 3-го корпуса Писарева заняли Ново-Алексеевку, а 1-й Кутепова — Чаплинку.

Моя разведка доносила, что противником подвозятся силы на ст. Акимовка и двинута пехота (какая — неизвестно) из Мелитополя вдоль р. Молочной на Родионовку. Я под вечер осмотрел местность у р. Молочной, убедился в ее непригодности для действия крупных сил, оставил на переправах батальон и на рассвете 9-го двинулся на Акимовку. В районе Владимировки цепи крас-

ных отбросили конницу Шифнер-Маркевича, его стрелковые эскадроны тоже ничего не могли поделать, посланная мною пехота тоже залегла. К 12 часам мой авангард лежал, уткнувшись носом в землю.

8-й кав. полк я собрал к себе в резерв. За вечер 8-го красные на фронте 1-го и 3-го корпусов были крайне активны. Кутепов еле удержал Чаплинку. У Писарева ночью атакована была Чеченская дивизия и со штабом и самим Ревишиным попала в плен. Ново-Алексеевка была потеряна, успех красных грозил распространиться на 1-й корпус Кутепова.

Я решил произвести новую атаку, не дожидаясь подхода главных сил, и опять обставить ее музыкой и личным присутствием.

К 14 часам красные сдали под атакой 8-го кав. полка д. Владимировка; бедным трубачам пришлось расположиться между красными и белыми, чтобы иметь возможность играть; потом, конечно, они следовали сзади шагом. Командир 8-го полка полковник Мезерницкий занял окопы; оттуда потянулась колонна пленных, остальные бежали. Пленные были исключительно мелитопольского гарнизона и маршевых пополнений.

Но дальнейшая дорога на Акимовку была преграждена вновь прибывшими частями и, главное, бронепоездами, там же поднималась «колбаса», корректировавшая меткий огонь артиллерии этих поездов. Опять произошла заминка.

Чувствовалось, что у красных крупных сил нет, но сосредоточены бронепоезда, к одному из которых привязан аэростат, и это давало им возможность сильно вредить белым, у которых силы тоже были ничтожны, а артиллерии всего 4 орудия. Эти 4 орудия подверглись особой обработке с красных бронепоездов, которые благодаря своей «колбасе» видели все, сами оставаясь невидимыми для белых. Все это привело к тому, что к 16 часам белые цепи опять лежали, а из 4 орудий было подбито в короткий срок 3. Сняться с места батарея не имела никакой возможности — и замолчала. Пришлось приехать самому на батарею и приказать оставшемуся орудию стрелять прямо и исключительно по «колбасе». Конечно, это была трудная задача, потому что красные бронепоезда двигались и засыпали место расположения артеллерии своими снарядами. Случайно третий же снаряд единственного орудия разорвался прямо в злополучной «колбасе», которая при общем «ура» фронта

быстро стала падать; было видно, как из корзины отделились две точки на парашютах. Немедленно начатая атака с охватом северного фланга заставила красных очистить ст. Акимовка.

Моральный успех с падением «колбасы» определенно перешел на сторону моего авангарда, и красные сопротивлялись слабо. Несмотря на сильную перепалку этого дня, потери были ничтожны; так действуют морально разжиженные группы передовых частей и сосредоточенные удары крупных резервов.

С падением Акимовки красные против 3-го корпуса сопротивляться не могли и начали отход в направлении на Каховку. Моими частями было отрезано и захвачено почти в полной исправности 3 бронепоезда.

Предстояло наступление на Мелитополь, но оно не должно было представить больших трудностей, потому что дух левого (восточного) фланга Красной Армии был безусловно подорван и питание нарушено. Сопротивление теперь ими оказывалось 1-му корпусу Кутепова, который, потеряв Чаплинку, занял ее опять, но дальше продвинуться не мог.

10 июня с подходом к Родионовке частей главных сил они были направлены прямо через р. Молочную на Мелитополь: бригада 34-й дивизии и 8-й кав. полк — через Акимовку на Серогозы, чтобы заставить красных, расположенных против Кутепова, отойти, а остальная конница, пешие эскадроны 8-го кав. полка и кубанцы Шифнер-Маркевича — вдоль железной дороги на Мелитополь.

У Степановки в это время шли бои маленького моего заслона (около 100 штыков) с силами красных, брошенными от Мелитополя, но эта демонстрация красных была крайне неудачна, потому что эти силы не могли рассчитывать на успех ввиду наличия флота, обстреливавшего Степановку и косу по направлению к Кирилловке фланговым огнем своих орудий. Это давление не могло оказать никакого влияния на мое наступление, тем более что я уже выходил на железную дорогу, и только раздробляло силы красных.

Надо отметить, что за все время десантной операции, до взятия моим корпусом Серогоз и Мелитополя, управления Врангелем не было никакого; все делалось по моему почину, и, несмотря на наличие радио и аэропланов, приказов и содействия от Врангеля не поступало. Прилетевший 9-го в Ефремовку на аэроплане Коно-

валов передал только те панические сведения о неудачах 1-го и 3-го корпусов, о которых я говорил выше, и — никаких указаний. В этом бою опять сказалось неумение его и его штаба вести операцию на широком фронте.

На Мелитопольском направлении красные не могли оказать серьезного сопротивления — их левый (восточный) фланг пострадал благодаря обходу с тыла и только часть его успела отойти к северу. Главные же массы XIII Красной Армии отходили на Каховку, потеряв свою мелитопольскую базу. Отряд, двигавшийся на Серогозы, захватывал хозяйственные части стоявших на фронте частей. Под давлением этих событий принуждены были начать отход и красные части, действовавшие на Перекопском направлении, — все потянулись на Каховку.

Главные силы корпуса заняли Мелитополь почти со всеми складами красных, которые те не успели вывезти. Но при занятии ст. Мелитополь был обнаружен подвоз красных сил на ст. Федоровку. Начались упорные бои, причем красные действовали со стороны Ново-Николаевки в направлении на ст. Тащенак, а со стороны Федоровки — на станцию и город Мелитополь. Фронт корпуса принял подковообразную форму. Несмотря на все мои старания, ряд встречных ударов привел мои части на всех направлениях к оборонительному положению, которое не кончилось катастрофой только благодаря подъему духа войск, вызванному предыдущими крупными успехами и мелкими потерями. Действительно, вся десантная операция вместе с боем под Акимовкой и взятием Мелитополя обошлась корпусу в 40 с небольшим человек убитыми и ранеными. Таким образом поддерживалась вера моих частей и меня в окончательный успех боя.

Пришлось срочно вызвать 8-й кав. полк и бригаду 34-й дивизии из Серогоз, назначив им движение на Ново-Николаевку. Этот маневр не позволил красным занять ст. Тащенак, 3-й корпус действовал крайне медленно и никак не поспевал на помощь. Между тем упорное введение свежих частей красными грозило сломить сопротивление корпуса, который вел оборону Мелитополя уже более 3 дней. Наконец, удалось добиться от Врангеля назначения Дроздовской дивизии, сменившей мои части в Серогозах для движения из Серогоз на ст. Федоровка. Это движение решило участь боя: красные поспешно ста-

ли отходить на Большой Токмак. Участь Северной Таврии была решена.

Части Врангеля расположились следующим образом: на Мариупольском направлении — донцы, на Пологском — 2-й (Крымский) армейский, на направлении Александровском — 3-й армейский, на Каховском и Херсонском — 1-й (Добровольческий) армейский корпуса; Дроздовская дивизия была у ст. Федоровка. В районе Серогоз стоял конный корпус Барбовича. Частям приказано было производить мобилизацию населения и тут же ставить мобилизованных в строй — конечно, способ комплектования довольно странный, причем для 2-го корпуса был отведен район исключительно в боевой полосе.

Кроме того, приказано продвигаться в направлении на Пологи. Под давлением моих частей пал Большой Токмак. Тут же произошел довольно оригинальный разговор с Врангелем после его замечания о грабежах, в которых обвиняли все корпуса, кроме 2-го, о чем я говорил выше. Я заговорил с ним о боевых наградах чинов своего корпуса. Этот разговор он прервал словами: «Ну, что говорить о наградах! Ведь у вас потери ничтожны; вот у 1-го и 3-го корпусов большие потери, а о вашем корпусе и говорить не приходится». Мне оставалось только ответить, что свой командный состав за большие потери в частях я караю, а если большие потери являются не случайным, а постоянным явлением, то отчисляю лиц командного состава от должности за неумение водить войска в бой. Победа должна достигаться «малой кровью», для этого мы и получаем военное образование.

Этот оригинальный, чтобы не сказать — преступный, взгляд на большие потери частей как на доказательство их доблести, глубоко укоренился у нас еще в старой армии. С таким взглядом необходимо бороться, и постоянные (подчеркиваю, что не случайные, которые всегда возможны, в особенности при современной технике) большие потери должны свидетельствовать о неумении начальника водить войска, т. е. о его непригодности к занимаемой должности. Чем выше занимает должность начальник, тем ему, конечно, труднее оберегать свои войска от потерь, но все же в этом направлении он влиять может соответствующей основным принципам военного искусства группировкой своих сил и воспитанием своих подчиненных командиров.

Таким образом, армия Врангеля, не имея достаточно ресурсов для пополнения, веерообразно расходилась по Северной Таврии в убеждении, что потери есть доказательство доблестного и заслуживающего награды боя.

Чего хотел достигнуть Врангель своим веерообразным расположением, какова была основная идея плана его операции, я понять не могу. Расположение войск веером одинаково не годилось ни для наступления, ни для обороны, ни для давления на противника с целью заключения мира.

На правом берегу Днепра происходит восстание кулаков, для подавления которого красным приходилось выделять войска. Восставшие целыми рядами занимали днепровские плавни и просили у Врангеля помощи.

Врангель ее не дал — чем он руководствовался? Остается предположить, что он начал какие-то секретные переговоры с поляками или получил от своих хозяев-французов директиву не вступать в назначенную полякам Украину.

Если я был безграмотен политически, то в некоторых военных знаниях мне отказать было нельзя, и я настойчиво указывал Врангелю, что нам нечего делать в Донецком бассейне, а если мы боремся за идею родины, то должны идти туда, где население недовольно красной властью и поднимает против нее восстание. Но Врангель старался затянуть вопрос, а в это время началась атака Жлобы.

Мой корпус, сильно растаявший от болезней, насчитывал в это время около 4000 штыков и 300 сабель (бригада Шифнера-Маркевича вышла из его состава) и находился на Пологском направлении к востоку от Большого Токмака. Удар Жлобы пришелся южнее моего участка; он быстрым маршем направился на Мелитополь, части донцов его задержать не могли. План, задуманный красным командованием, мог привести при умелом его выполнении к крушению всего белого фронта, в особенности принимая во внимание растерянность, проявленную Ставкой в этот момент.

Растянутое положение армии Врангеля ставило все его корпуса в тяжелое положение и при желании отойти к перешейкам заставило бы их бежать вперегонки с красными, только те наступали бы, а белые бежали. Произошло бы как раз то, что заставило меня в конце

1919 г. отказаться от защиты Северной Таврии, о чем я писал в 1-й главе.

Определив прорыв красной конницы, нечего было и думать об отступлении, а надо было наличными силами ударить по пехоте красных, чтобы не дать ей возможности развить успех конницы.

Несмотря на ясность этого положения, Ставка послала против Жлобы только 11 аэропланов с целью расстроить и задержать его движение, а мне приказала спешно отходить на Мелитополь. С этим меня вызвал по аппарату генерал-квартирмейстер Ставки Коновалов. Он информировал меня об обстановке и спросил, что я думаю делать. «Ну, что же,— ответил я,— буду продолжать движение на Пологи».— «Но ведь Жлоба займет Мелитополь и отрежет вам тыл».— «Но ведь бежать пехоте наперегонки с конницей нет смысла, лучше не дать поддержать красным конницу своей пехотой. Жлоба — на Мелитополь, а я — на Пологи. Мелитополь нам надо прикрыть частями резерва Кутепова, а за Жлобой послать конницу — в первую голову донцов, которые имеют перед собой незначительные силы противника и находятся ближе всего к Жлобе. Кроме того, я направляю все свои бронепоезда (4) на Токмакский путь и подкреплю их пехотой из 13-й дивизии и таким образом забаррикадирую Жлобу с севера. Токмакская железная дорога проходит по очень высоким насыпям, и коннице там будет действовать трудно». Все же Коновалов настаивал на моем отходе и с этим пошел будить Врангеля (было еще 6 часов утра по переставленным на 2 часа вперед часам).

Единственный раз, кажется, Врангель не послушался Коновалова и согласился со мною, приказав продолжать операцию. Остальное доделал сам Жлоба.

Вместо того чтобы стремительно идти на Мелитополь, где стоял и поезд Врангеля, и там прервать и всякую связь между разбросанными частями белых, он остановился (видимо, дал дневку); потом стал двигаться крайне медленно и при первом нажиме со стороны донцов, которые были двинуты под командой генерала Калинина в количестве двух дивизий, повернул к ним. Охранением он пренебрегал совершенно, что привело к неожиданному для него и белых подходу дивизии Морозова (бывшего в Крыму) ему в тыл (с востока).

От Мелитополя его потеснила Дроздовская дивизия, которая благодаря его медлительности успела прибыть;

с юга теснил Калинин, с востока прошел Морозов. Тогда Жлоба бросился к северу и наткнулся на высокие насыпи Токмакской железной дороги с 4 бронепоездами и частями 13-й пех. дивизии. Только около 1000 сабель со Жлобой вернулось к красным. Донцы получили около 5000 коней с седлами — длинные колонны пленных потянулись на Мелитополь. 34-я дивизия ликвидировала попытки красных помочь своему конному корпусу.

Так закончилась эта блестяще задуманная и плохо выполненная операция красных, которая при успехе и настойчивости могла привести к полному разгрому Врангеля. Во всяком случае, Ставку эта операция напугала до полной растерянности. По примеру прежних боев управления не было никакого: части шли сами по себе, разыскивая Жлобу; неспособность последнего и энергия Калинина и Морозова привели к гибели почти всего корпуса.

Мои трения с Врангелем продолжались, дело дошло до упрека с моей стороны, что, кажется, мы начинаем плясать под дудку французов, а подняли мы восстание против Советской власти, как против власти, поставленной немцами. Чем немцы хуже французов? Врангель промолчал и стал уверять, что наше движение на Донецкий бассейн приближает нас к Дону, который к нам присоединится. С тем, что на Дону нет ни оружия, ни людей, способных драться, что часть донцов у нас, а другая выведена красными по мобилизации, он не соглашался. Во всяком случае, мой корпус был снят с этого направления и переброшен на Днепр (от района Никополя до устья Днепра). На Александровско-Пологском фронте стал корпус Кутепова. Мне же была подчинена Горская (Туземная) бригада, стоявшая от Водяное — Знаменка до Лепетихи. Это было 16 июля 1920 г.

Глава XVII

ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНЫХ НА ФРОНТЕ КАХОВКА—АЛЕШКИ. 7—15 АВГУСТА 1920 г.

Моему корпусу, расположенному на Днепре, предстояла трудная задача прикрывать Северную Таврию на фронте 200 верст, и если прибавить, что мне же приходилось отвечать и за участок Туземной бригады, то надо прибавить еще 70 верст.

В корпусе в это время, за неполучением ни одного солдата пополнения, было около 3500 штыков, и в 8-м кав. полку — 425 шашек; кроме того, в Туземной бригаде было около 1500 шашек. Участки были разбиты между дивизиями: от Большой Лепетихи до Британы исключительно — бригада 13-й; от Британы включительно до устья — бригада 34-й дивизии; общий резерв: бригада 13-й дивизии—Дмитриевка; бригада 34-й дивизии — Большие Маячки, 8-й кав. полк — Чаплинка, Штакор — Чаплинка (хут. Балтазаровка). Расположение Туземной бригады я не менял, и хотя сил этой бригады и было много для пассивного участка, но их боеспособность требовала такого расположения; кроме того, я не хотел смешивать свои части с этими грабителями[22].

Вначале положение было сравнительно спокойно: на правом берегу Днепра шли восстания, плавни были полны партизанами.

Я стал снабжать их оружием и разработал план переброситься на правый берег Днепра и занять местность между Бугом и Днепром до параллели Вознесенска. Дело в том, что красные спешно подвозили войска,— читатель уже знает, как я скептически относился к обороне Северной Таврии,— между тем если воспользоваться недовольством хуторян красными, переброситься на правый берег Днепра, вооружить повстанцев и занять линию Николаев — Херсон — Береславль, то силы корпуса утроились бы.

Ландауский район у Вознесенска стал бы бурлить в свою очередь и обеспечил бы корпус от нападения красных. Кроме того, корпус приблизился бы к махновскому району, который непосредственно пришелся бы в тылу XIII Красной Армии и не дал бы ей возможности

наступать. Подкреплений для такой операции мне не требовалось — нужен был только прорыв флота мимо Очакова, который вполне возможен и был проделан уже капитаном 1-го ранга Бубновым в августе 1919 г. Надо было во что бы то ни стало предупредить сосредоточение красных, иначе всему предприятию грозила возможность крушения. Я указывал Врангелю, что это поможет мирным переговорам. Врангель мне ответил, что он никаких мирных переговоров не ведет и вести не собирается и что французы, признавшие нас de jure, против этого. Операции же должны развиваться в сторону, прежде определенную, т. е. в сторону Дона и Кубани. Мне же рекомендуется меньше заниматься политикой, а пополнить свой корпус беженцами из Украины и мобилизацией местного населения.

На это я ответил, что повстанцев очень трудно оторвать от их хуторов для борьбы за неизвестные им цели. Мне самому борьба становится неясной, раз мы предаем сочувствующие нам элементы и идем куда-то по указке французов и все время пляшем под их дудку. Я должен еще раз напомнить о целях нашей борьбы против Советской власти (мой разговор с Врангелем перед сменой с Пологского направления). Пополнить свой корпус мобилизацией местного населения не могу, потому что оно было мобилизовано 1-м корпусом. Поэтому прошу прислать мне комплектования из других районов, потому что у меня всего 3500 штыков, тогда как в 1-м корпусе около 30 000. На это я получил телеграмму за подписью Коновалова, что главком повторяет свою просьбу не вмешиваться в политику и не посылать подобных телеграмм, в особенности в незашифрованном виде. В последнем замечании главком был прав; я, продиктовав телеграмму, не знал, что дежурный адъютант не отнес ее в штаб для зашифровки, а прямо снес на телеграф. Но остальное меня поразило. Правда, раньше чинам армии говорили, что борьба продолжается, приходилось это говорить и мне, но все же переговоры с англичанами были, и Врангель собирался сам вести их с большевиками. Тут же уже не было сомнений, что безыдейная борьба продолжается под командой лиц, не заслуживающих никакого доверия, и, главное, под диктовку иностранцев, т. е. французов, которые теперь вместо немцев желают овладеть «отечеством». Кто же мы тогда? На этот вопрос не хотелось отвечать даже самому себе.

Был конец июля; я собирался было подать в отставку, но на фронте назревал бой, в результате которого вся белая армия могла быть сброшена в море или отрезана от перешейков. Штаб Деникина понял не сразу, а Врангель теперь никак понять не хотел, что прорыв в Северную Таврию грозит гибелью всей армии. И я решил подать рапорт об отставке после боя, а теперь донес Врангелю, что после окончания назревающего боя прошу разрешения приехать к нему для доклада по очень важному вопросу. Ответа не было, и думать о чем-нибудь другом, кроме фронта, не приходилось.

Против моего участка красные собрали (Красная артиллерия. 1922. № 1) 15-ю стрелковую, Латвийскую, 51-ю и 52-ю стрелковые дивизии. Как известно, тогдашние красные дивизии были девятиполкового состава и, кроме того, имели не менее полка конницы. Слабее всех числом были Латвийская и 52-я дивизия, но и у них полки были 300-штыкового состава, т. е. вроде моих, но зато полков было 18, а с 15-й и 51-й дивизиями — 36, а у меня их было 8. 15-я дивизия была очень крупного состава и насчитывала более 10 000 штыков, но состояла из малообученных людей. 51-я дивизия занимала среднее место между 15-й и 52-й дивизиями. Всего насчитывалось у красных от 20 до 25 тысяч штыков (сведения эти потом подтвердились) с 80—120 орудиями, из которых много, приблизительно 20—30, было тяжелых; были указания на наличие больших бронесил (но потом в бою пришлось видеть только 5 машин), у меня же был всего один пулеметный автоброневик. Как потом подтвердилось, красные действительно сосредоточили Латвийскую, 15-ю, 51-ю, 52-ю дивизии в указанном выше составе при 100 орудиях, из которых $^{1}/_{4}$ были тяжелые — с 5-м, 15-м, 22-м, 24-м бронеотрядами. Конницы было от 1000 до 2000 шашек.

Всему этому я мог противопоставить 13-ю и 34-ю пех. дивизии четырехполкового состава, всего около 3500 штыков, 8-й кав. полк с Туземной бригадой — около 2000 шашек при 38 легких, 4 конных и 2 тяжелых орудиях и одном автоброневике. Ясно было, что этими силами на такой местности, как Северная Таврия, справиться с красными было невозможно.

В тыл, в район Перекопа, подвозилось около 3000 человек Бредовского отряда, прибывавшего из Польши, но они, во-первых, еще не прибыли полностью, во-вторых, были совершенно деморализованы и могли принять

участие только в бегстве — обстановка в действительности не позволила ввести их в бой. С тылу же должны были прибыть комплектования из пленных красных, захваченных в предыдущих боях, всего около 3000, но они еще только выступали и к бою не прибыли. У Серогоз по моей просьбе должен был стоять конный корпус генерала Барбовича, около 6000 шашек и 1000 штыков пеших эскадронов. Это был резерв главкома, и на него я питал надежды.

Местность предстоящего боя была в кратких чертах следующая: район с запада и севера прикрывался р. Днепром, имеющим много плавней и притоков. Левый берег Днепра ровен, как стол, покрыт отдельными деревнями и хуторами. Участок Каховка — Чаплинка, Большие Маячки — Корсунский Монастырь удобопроходим всюду. Район Казачьи Лагери — Алешки и Голая Пристань — Чалбасы перемешан песками и болотами, затрудняющими движение крупных масс. Правый, красный берег командует над белым, левым своей высотой, в особенности в районе Каховки, совершенно закрывая то, что делается там, и позволяя наблюдать цепям красных все, что делается у белых даже в глубоких тылах. Таким образом, артиллерия красных будет иметь ряд великолепных позиций и наблюдательных пунктов, белые же — никаких. У Каховки, Корсунского Монастыря, Казачьих Лагерей, Алешек берег красных отхватывает полукругом, позволяя развить перекрестный огонь артиллерии и, следовательно, отогнать охраняющие части и произвести переправу. К северу от Каховки местность у Днепра с большими плавнями и массою протоков не сулила успеха переправе крупных сил.

Таким образом, условия местности указывают на более вероятную и успешную переправу красных у Каховки и Британы — Корсунский Монастырь. На остальном участке можно было ожидать главным образом демонстративных переправ.

Кроме того, участок севернее Каховки не выводил быстро в опасные для белых направления, а из района Казачьи Лагеря — Алешки движение должно было быть затруднено песками и болотами; конечно, все эти соображения надо было все время корректировать разведкой летчиков о сосредоточии красных сил. Таким образом, я пришел к заключению, что вероятнейшим операционным направлением красных будет из района Каховка — Корсунский Монастырь в направлении на Пе-

рекоп с заслоном против Мелитополя или с заслоном против Перекопа на Сальково. Остальные направления, как я уже сказал, длительны, и если красные изберут их, то я всегда буду иметь время перегруппировать свои силы; пока же стал ждать оттуда только демонстрации, проверяя свои предположения летчиками.

Мною был составлен следующий план защиты днепровского района, представленный Врангелю 21 июля — 3 августа 1920 г., № 732 с.

План защиты днепровского района

1) Противник превосходит в 6—7 раз своей пехотой, вдвое легкой артиллерией, имеет тяжелую и автомашины и равен в коннице.

2) Берег противника выше нашего, и мы стоим на низкой открытой равнине, так что условия местности на его стороне и в смысле расположения, и в смысле наблюдательных пунктов. Места, удобные для переправ: Каховка, Корсунский Монастырь, Казачьи Лагери, Алешки. От первых двух пунктов грунт благоприятствует движению к Сивашам, от двух последних песок и болото делают его длительным. Группировка противника должна проверяться летчиками.

3) Защита нами переправ не сулит никаких успехов, но зато огромные потери: артиллерия наша будет забита и вряд ли даже сможет сняться с позиций. Бороться с артиллерией противника благодаря высоте его берега и отсутствию тяжелой артиллерии у нас мы не можем.

4) Перетаскивание тарт и всех технических средств на наш берег для противника затруднительно: отойдя на 10—15 верст от берега к нам, он хотя по местности окажется в равных с нами условиях, но питание его затруднится.

5) Стоять против переправ у нас не хватает сил — мы всюду будем слабы; следовательно, главным силам надо отойти.

6) Одними силами корпуса справиться почти невозможно, и поэтому я прошу у Вашего высокопревосходительства подчинения мне корпуса генерала Барбовича. На случай вашего согласия я решил:

а) Держать на фронте даже не охранение, а отдельные посты наблюдения, посылая все время летчиков для определения сосредоточения сил противника и части удальцов отрядами около 100 штыков под командой лично мне известных офицеров для поимки контрольных пленных.

б) Главные силы под напором противника отводятся на Чаплинку через Черную Долину и Большие Маячки, все время демонстрируя упорное сопротивление, но ближе 1000 шагов не сцепляясь. За всеми остальными направлениями только наблюдать и задерживать там противника мелкими частями.

в) Если противник пойдет в направлении на Сальково, его атакует Барбович от Серогоз, а я от Чаплинки, даже если он поставит заслон (летчики мне донесут о его движении). Если он пойдет на Перекоп, что я считаю менее вероятным, так как думаю, что он погонится за живой силой нашей армии, а Перекоп он всегда успеет занять от Алешек, то его атакует в тыл Барбович от Серогоз, а я с фронта от Чаплинки. На первый случай на Пере-

копе надо держать находящиеся там части и подвести по желдороге с тылу.

г) Для свободы моего маневра прошу о немедленном возврате мне моей автогрузовой колонны в 24 машины для установления запасной линии питания: Сальково—Громовка—Аскания-Нова—Черная Долина.

Прошу срочного ответа.

Приложение: Описание местности и состава корпуса и противника.

Для передачи этого плана был снаряжен личный адъютант сотник Карнаков на штабном автомобиле, назначенном в мое личное распоряжение, чтобы не дожидаться поезда в Юшуне.

Он прибыл в Севастополь ночью, пакет «Секретно. В собственные руки главкому» через Генштаба полковника Шкеленко был передан Врангелю. На рассвете 4 августа я получил телеграмму за подписью Шкеленко: «№ 732 с — главком утвердил». Прошло 4-е число, и утром 5-го я получил телеграмму за подписью Карнакова (моего адъютанта): «Автомобиль задержан в Севастополе штабом главкома за непроизводительную трату бензина по переезду из Чаплинки в Севастополь». Я немедленно вызвал к аппарату Шатилова, его не было, подошел Коновалов. Я ему передал телеграмму о задержке автомобиля. Он мне ответил, что это сделано по его распоряжению, потому что тратить бензин, столь дорогой, по таким пустякам не стоит, так как, по его мнению, красные вовсе не собираются наступать на Днепре. Что мне оставалось делать? Я передал следующую телеграмму в собственные руки главкома: «Главкому: автомобиль, отвозивший вам № 732 с, задержан в тылу вашим генквартом. Если я что-нибудь делаю неправильно, то прошу взыскать с меня, а не лишать личным распоряжением вашего штаба чинов моего корпуса необходимейшего средства связи. Слащов». Очень быстро я получил телеграмму от Карнакова, что он выехал. Я рисую всю эту картину с планом обороны Днепра для выяснения всех трений, которые произошли потом. Автомобиль только-только вернулся к началу боев, в начало которых Ставка в лице Коновалова не верила.

План № 732 с после телеграммы Шкеленко о его утверждении также секретно через адъютантов был разослан в дивизии и командиру 8-го кав. полка; в Туземную бригаду он не посылался: во-первых, потому, что ее направления это мало касалось, во-вторых, потому, что на нее мало можно было рассчитывать, в-третьих,

потому, что начальника ее штаба я не знал, в-четвертых, потому, что личной инициативы от нее нечего было ожидать, и, в-пятых, ввиду всего сказанного она знанием плана не могла принести пользы его развитию, а небрежным к тайне отношением вред принести могла. Ей было только указано иметь в виду возможность выделения до 4 сотен в резерв в район Дмитриевка. Командиром 8-го полка был полковник Мезерницкий, бывший начальник моего конвоя, работавший со мной еще на Кубани, человек крайне энергичный, лично храбрый и исполнительный; если он взялся за определенную задачу, можно было быть спокойным, что он ее выполнит в назначенном духе. Он также хорошо работал штабс-капитаном на Кавказе, есаулом (капитаном), начальником конвоя и командиром кав. полка во время Врангеля, хотя волнения и сомнения у него возбуждались те же, что у меня. Мы с ним много говорили и одновременно ушли со службы. Начальником 34-й дивизии был генерал-лейтенант Теплов, человек пожилой, которого я знал еще с мирного времени. Он был генерал-майором, когда я еще был поручиком, и командовал с 1912 г. Финляндским полком, из которого я ушел в академию Генштаба. Переубеждать его в чем-нибудь было бы уже поздно, но в его исполнительности моих предначертаний, несмотря на мои 34 года, можно было быть уверенным. Его же лет был генерал Андгуладзе, начальник 13-й дивизии, командовавший дивизией еще в старой армии, человек, не хватавший звезд с неба, но упорный, храбрый и честный,— ни предательства, ни паники, ни интриг от этих людей ожидать в тот момент было нельзя, а исполнительности и веры в благоприятный исход — полностью. Это крайне важно, в особенности в серьезные моменты. В большинстве случаев разбит раньше всего бывает начальник, и дело его — всех сохранить от нравственного поражения.

Теперь я прошу читателя стать на мое место. Ему известно, как покачнулась моя идеология, он знает, как я не верил в лиц, стоявших во главе белых,— судьба послала мне еще испытание. В войсках появилась дезинтерия, и я тоже заболел ею. Что могло выручить в этом случае? Только сознание долга не перед идеей, не перед родиной, а перед постом, который занимаешь, и связанной с этим ответственностью за жизни, вверенные в данную минуту. Вот почему я не ушел в данный момент.

Согласно плану операции, на боевых участках сосредоточены бригады 13-й дивизии в Черной Долине, имея на своем участке лишь посты, но с поддержкой отдельных орудий, и 34-й дивизии в Больших Маячках в том же порядке, выбросив в район Алешек 134-й Феодосийский полк численностью около 300 штыков с 4 орудиями, назначенный для демонстрирования на этом направлении; таким образом, почти все боеспособные силы были собраны на участке Черная Долина — Большие Маячки, имея впереди отдельные орудийные взводы и части, отдельный отряд у Алешек, 8-й кав. полк в Чаплинке. Туземной бригаде было приказано передвинуть 3 сотни в Дмитриевку, остальные ее части оставались на назначенном им фронте.

Вопреки мнению Ставки, в ночь с 6 на 7 августа красные одновременно начали переправу у Каховки, Корсунского Монастыря и Алешек. Задача красным частям была формулирована приказом по XIII Красной Армии (узнал уже позже) следующим образом: «Форсирование Днепра, разгром живой силы противника, оказание поддержки левобережной группе, закрытие проходов противнику обратно в Крым».

Воздушной разведкой выяснилось наутро, что наибольшее скопление красных и сосредоточение плавучих средств — у Корсунского Монастыря (15-я стрелковая дивизия). Около 14 часов закончилось исправление моста у Каховки, к 17 часам переправилось до 2000 человек красной пехоты с артиллерией и броневиками и началось наступление на фронте Любимовка — Терны, к 18 часам Терны уже были заняты красными.

Настроение белых было неважно, я сам к тому же еще хворал.

Красные двигались крайне осторожно, видимо опасаясь западни, подобной бывшим раньше в Крыму, и дали моему корпусу сконцентрироваться в районе Чаплинки, несмотря на то что части и их начальники нервничали и управление несколько раз вырывалось у меня из рук. К 11 августа план наступления красных выяснился во всех подробностях и конница Барбовича должна была произвести свой маневр.

Момент не был полностью использован: благодаря крайней неосмотрительности белых конница Барбовича выступила днем и заблаговременно была обнаружена красными аэропланами. Колонны красных спешно хлынули назад к переправам, а конница Барбовича с разре-

шения Врангеля еще оставалась на отдыхе 12 часов. Конница Барбовича Врангелем мне подчинена не была, несмотря на утверждение моего плана, и только после ее первых неудачных действий к моменту ее подхода к чаплинской дороге он подчинил мне ее на два дня. Благодаря всему этому ближайшая к коннице Барбовича Каховская группа красных (52-я и Латышская дивизии), кроме одной 1-й Латышской бригады, форсированным маршем успела уйти из-под удара в Каховку, и весь удар белых обрушился на 1-ю Латышскую бригаду и на 15-ю стрелковую дивизию, в особенности на последнюю. Наступательный порыв красных был окончательно сломлен и не воскресал до октября месяца.

За 11—12 августа красные очистили, частью после боя, а частью и без него, всю занятую площадь на левом берегу Днепра, кроме Каховского плацдарма. Попытка 2-го корпуса овладеть этими укреплениями кончилась неудачей, и я категорически отказался от атак по причинам, мною указанным выше (устройство берега и возможность для красных овладеть Каховкой в любой момент). Врангель же вопреки утвержденному им самим плану категорически требовал взятия Каховского плацдарма. Я на это ответил, что посылать своих людей на убой не намерен. Врангель обратился ко мне с резкой телеграммой, воспользовавшись которой я ответил рапортом об отставке (с 15 августа 1920 г.). Врангель замолчал и не давал ответа. Тогда утром 17 августа я опять обратился к нему по прямому проводу с указанием, что командовать корпусом не останусь. Наконец вечером 17-го, получив разрешение выехать в Севастополь, я немедленно уехал с фронта.

Глава XVIII

КРЫМСКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА

Чтобы более резко охарактеризовать период умирания белой армии еще при Деникине, а потом при Врангеле, надо сказать несколько слов о контрразведке. Очерк этот будет крайне неполный, потому что доступа во все тайники этого учреждения я не имел и потому могу нарисовать картину только отдельных эпизодов и главным образом деятельности контрразведки, состоявшей при 3-м (потом Крымском и 2-м) корпусе.

С моим прибытием в Крым туда же был прислан полковник Астраханцев, который был главным представителем контрразведки в Крыму; через него ко мне в Джанкой от штаба войск Новороссии (Шиллинга) был прислан чиновник Шаров с целым штатом служащих в качестве контрразведчика при корпусе. Сначала он подчинялся штабу главнокомандующего через полковника Астраханцева, а потом прямо Ставке. Ни начальнику моего штаба, ни даже мне он в подчинение не входил, и мы могли поручать ему только высылку определенных агентов к противнику и получать от него информацию о состоянии тыла. Этим его роль ограничивалась, пока в штабе корпуса находился официальный представитель штаба главнокомандующего полковник Нога. После того как последний послал свое донесение за № 6 от 12/25 марта, о котором я говорил выше, и был от должности отозван, секретная слежка за мной перешла к чиновнику Шарову; конечно, об этом я узнал только потом.

Кроме того, в Крыму была еще морская контрразведка. Кажется, в ней было больше порядка, но так как круг ее деятельности обнимал только приморские города, находившиеся далеко в тылу, то я о ней очень мало знал. Я узнал ее начальника только во время «севастопольского дела 14-ти», о котором говорилось выше. Вся сухопутная организация была в связи и подчинена полковнику Кирпичникову, находившемуся при Шиллинге, и через него начальнику контрразведки Ставки. Полковник Кирпичников, личность крайне темная, так же темно был убит за каким-то темным делом темными личностями из белых же. Полковник Астраханцев, личность тоже достаточно темная, в момент одесской эвакуации уехал из Крыма с казенными деньгами будто бы в Новороссийск с докладом, а на самом деле, скупив валюту, бежал за границу. Из всей милой компании оставался Шаров, который продолжал быть в фаворе и даже получил столь высокие полномочия, как слежка за начальником обороны Крыма.

Очень скоро про джанкойскую контрразведку пошли слухи о провокациях, вымогательствах, исчезновении людей и просто грабежах. Не зная всей тонкости этого аппарата, я назначил ревизию шаровского учреждения. Но Шаров категорически против этого запротестовал, заявляя, что он корпусу не подчинен, а ревизия выдаст много важных секретов, которые он никому, кроме свое-

го начальства (Ставка), открыть не может. В подтверждение его слов я получил из Ставки телеграмму с указанием не вмешиваться не в свои дела. Видимо, Шаров успел связаться по прямому проводу с кем-либо из ставочной контрразведки и Деникину сунули на подпись телеграмму. Не думаю, чтобы он сделал это сознательно.

В ответ на это я подал рапорт о подчинении Шарова мне; ответа не последовало. На телеграмму же последовал ответ, что содержание корпусных контрразведчиков будет слишком дорого. Выходило так, будто я просил учреждения лишней контрразведки, но суть вопроса заключалась в том, что Ставка считала необходимым содержать при корпусе контрразведку, не подчиненную ему. Кроме того, мне было указано, что если я шаровской контрразведкой недоволен, то должен сообщить его начальству. Я так и поступил. Ответ полковника Астраханцева гласил, что по сделанному им расследованию все слухи о злоупотреблениях оказались ложными и что, видимо, злоумышленники, сочувствующие красным, стараются оклеветать такого энергичного работника, как чиновник Шаров, чтобы отделаться от него.

Так личной ревизии я добиться не мог. Разрешено мне было только проверить суммы, отпускаемые штабом корпуса на посылку агентов в расположение красных. Мой начальник штаба Дубяго произвел по моему приказу эту ревизию, но что тут можно было проверить? По наряду корпуса отправлены №№ такие-то, им выдано столько-то в такой-то валюте, такие-то вернулись и дали в штаб такие-то сведения, а такие-то, «видимо, погибли у красных», а докажите — не подставные ли это лица. Такая ревизия, конечно, никакого результата дать не могла, и Шаров оказался чист.

В политические же дела Шарова ревизия корпуса доступа не имела. Корпус мог поручить ему работу, но что и как делается — составляло тайну чинов контрразведки, и сообщали они только то, что находили нужным.

Уже во время Врангеля Шаров пришел в штаб и предлагал купить у него кольцо — цена была баснословно дешевой, но и на эту сумму денег не нашлось. Тогда Шаров еще сбавил цену — видно было, что он обязательно хочет продать это кольцо. Это мне показалось крайне подозрительным — точно краденое продает; так я об этом и заявил в штабе. Кольцо никем куплено не было.

Незадолго до десантной операции Шаров, сильно напившись, бродил по станции Джанкой и дебоширил. Адъютант штаба корпуса капитан Калинин стал его урезонивать и сказал ему, что доложит мне, на это Шаров стал кричать: «Что мне ваш Слащов, я сам назначен за ним следить и сумею его скрутить». За это Калинин так ударил Шарова, что тот полетел под вагон. Случай принял огласку. Я донес об этом в Ставку и просил хоть теперь по этому случаю его убрать. Но Шарову все же удалось уехать в десантную операцию, и только после моего разговора в Мелитополе с Врангелем он был отозван с должности.

Дальнейшие события совершенно отвлекли мое внимание от Шарова. Только уже в Чаплинке я получил от Ставки запрос относительно моего мнения о Шарове. Я ответил, что это личность очень подозрительная и, по моему мнению, «мерзавец». Оказалось, что Шаров был наконец привлечен к ответственности за свои действия в Джанкое; поводом послужило то обстоятельство, что одна родственница Протопопова признала кольцо, бывшее у него, за кольцо казненного полковника Протопопова. Как я потом узнал, это было как раз то кольцо, которое Шаров усиленно навязывал мне или кому-нибудь из моих личных адъютантов.

Какая была бы радость для Врангеля и для всех моих остальных «друзей», если бы это кольцо оказалось у меня или у кого-нибудь из моих приближенных, но этой радости не суждено было осуществиться. Я вернусь к этому делу в следующей главе; тут же только отмечу: хорош был выбор контрразведчиков, из которых один убит по грязному делу своими, другой убегает за границу с казенными деньгами, а третий уличается в присвоении вещей казненного и потом сознается в ряде других преступлений по грабежам, вымогательству и убийству. И это тот, который получил столь важное и секретное поручение, как следить за начальником обороны Крыма! Умирающий строй всегда пользуется такими гадинами. Шарова же хотели использовать еще раз, и поэтому ему было дозволено жить в тюрьме на свой счет и имущество его не было тронуто.

Глава XIX

ПЕРИОД ПОРАЖЕНИЙ И КАРТИНЫ ТЫЛА

Как я указал в главе XVII, я выехал с фронта в Севастополь вечером 17 августа, т. е. только на третий день после своего телеграфного рапорта об отставке. Ехать мне пришлось три дня. В тылу было уже известно о моем уходе, и буржуазные слои населения, связывавшие свою судьбу с судьбой белой армии, заволновались. Волнение их было вызвано, конечно, не расположением ко мне, а страхом перед красными. Я играл роль «мавра», который еще не сделал своего дела, и потому мой уход был преждевременным.

Толпа остается толпой и судит по фактам. Новороссийскую и одесскую эвакуации помнили многие, удержание Крыма помнили все, и, естественно, толпа городского мещанства и примыкавшего к ней более состоятельного купечества и испуганная интеллигенция совершенно не верили в военные способности разбитых красными военачальников. Врангель не внушал им особенного доверия, как военачальник, так как принадлежал к новороссийским «пораженцам» и беженцам, и внутреннее его управление никого не удовлетворяло.

К Врангелю посыпались телеграммы и делегации. Ему пришлось уверить всех, что в отставку он меня не отпускает, а что я просто нездоров ввиду страшного переутомления и очень скоро вернусь на фронт. Тут же им был утвержден проект поднесенной мне теми же слоями населения добавочной фамилии — Крымский. Таким образом, мой приезд застал Врангеля уже продумавшим всю обстановку и составившим план действий: «рескрипты» на мое имя уже были готовы и лежали у него на столе. Привожу их тут оба.

Приказ
Главнокомандующего Русской армией
№ 3505. Севастополь. 6/19 авг. 1920 г.

В настоящей братоубийственной войне среди позора и ужаса измены, среди трусости и корыстолюбия особенно дороги должны быть для каждого русского человека имена честных и стойких русских людей, которые отдали жизнь и здоровье за счастье Родины. Среди таких имен займет почетное место в истории освобождения России от красного ига имя генерала Слащова.

С горстью героев он отстоял последнюю пядь русской земли — Крым, дав возможность оправиться русским орлам для продолже-

ния борьбы за счастье Родины. России отдал генерал Слащов свои силы и здоровье и ныне вынужден на время отойти на покой.

Я верю, что, оправившись, генерал Слащов вновь поведет войска к победе, дабы связать навеки имя генерала Слащова с славной страницей настоящей великой борьбы. Дорогому сердцу русских воинов — генералу Слащову именоваться впредь Слащов-Крымский.

Главнокомандующий генерал Врангель

Приказ Главнокомандующего Русской армией
№ 3506. г. Севастополь. 6/19 августа 1920 г.

В изъятие из общих правил зачисляю генерал-лейтенанта Слащова-Крымского в мое распоряжение с сохранением содержания по должности командира корпуса.

Главком ген. Врангель

С места мне было заявлено, что о моей отставке речи быть не может. Моя резкость в телеграммах ему и некоторая «странность» во взглядах на отношение союзников официально объяснялись только моим переутомлением и расстроенными нервами: я должен лечиться и потом опять приняться за дело. Все мои уверения, что я нахожусь в здравом уме и твердой памяти, не приводили ни к чему. Мне даже было предложено ехать за границу лечиться, но я на это ответил, что «правительство при постоянно падающем рубле платить за меня не сможет и я считаю это для себя неприемлемым, а у меня самого средств на такое лечение нет». Мы расстались враждебно, но с любезной улыбкой со стороны Врангеля.

Я знакомился с тылом, и во мне укрепилось кошмарное состояние внутреннего раздвоения и противоречий, продолжавшееся до самого падения Крыма, способное свести человека с ума. Действительно, если всякие «организации» давили на Врангеля, то они же давили на меня, доказывая неуместность вызванных мною трений, могущих повлечь за собой развал армии, торжество большевиков, падение Крыма и т. п. Одним словом, я находился в состоянии внутреннего разделения, переходя от отчаяния к надежде. Правда, налицо были французы, наличие которых противоречило идее «отечества», которой я руководствовался. Но все-таки колебания то в ту, то в другую сторону были, и выхода никакого я не видел. Опасность, и жестокая опасность, со стороны красных была несомненная.

Врангель между тем, мило мне улыбаясь и оказывая высшие знаки внимания публично, деятельно занялся

вопросом дискредитирования меня в глазах всех как с точки зрения чести, так и с точки зрения военной.

Чтобы дискредитировать меня с точки зрения чести, было выдвинуто дело Шарова, который, как я уже сказал выше, жил в тюрьме очень хорошо и занимался писанием своих «исповедей», в которых искренне во всем сознавался, до убийства и ограбления казненных включительно, но заявлял, что это делал он не только с моего ведома, но и по моему приказанию. Дело приняло настолько серьезный оборот, что я получил записку от следователя по особо важным делам Гиршица о том, что я привлекаюсь в качестве обвиняемого по делу о злоупотреблениях чинов 2-го (бывш. Крымского) армейского корпуса. Официальным поводом к привлечению меня к следствию послужило дело Протопопова, председателем суда над которым был обер-офицер, а должен был быть штаб-офицер, и потому Протопопов считался казненным без суда, но и это не противоречило дисциплинарному уставу, так как открытая измена Протопопова была доказана. Конечно, мне казалось, что раньше, чем привлечь к ответственности, надо было бы хотя допросить, но дело генерала Сидорина минувшей весной показало, что от врангелевских судов можно было ожидать чего угодно. Поэтому я решил быть начеку и действовать строго законно, но решительно. На вызов на допрос к следователю я ответил, что по закону полагается определенных лиц допрашивать на дому, поэтому прошу сообщить мне час, когда он ко мне явится. Это сразу немного озадачило Гиршица и сбило немного спеси. При допросе я спросил, в чем, собственно, меня обвиняют. Оказалось, в превышении власти; кроме того, следователь спросил меня, не имел ли я с Шаровым каких-нибудь денежных дел. В качестве улики выдвигалась «исповедь Шарова», в которой указывалось, что не сам я грабил, а в пьяном виде подписывал бумаги со смертными приговорами. На естественный мой вопрос, где же эти бумаги, мне был дан ответ, что они утеряны.

Дело становилось ясным: обвинить меня в грабежах с корыстной целью было слишком трудно, так как жил я крайне скромно и никогда не имел денег, хотя раньше обладал средствами, и не в пример прочим белым «знаменитостям» в заграничных банках на мое имя вкладов не было. Следовательно, сознательный грабеж с моей стороны был слишком неправдоподобен, но оставалась надежда забросать меня грязью, как пьяницу и оконча-

тельно ненормального человека, а моя ненормальность была Врангелю нужна для объяснения моих «странных взглядов».

На заявление об утере бумаг я заметил, что все смертные приговоры, утвержденные мною, опубликованы в газетах и были в двух экземплярах: один хранился в штабе корпуса со всем делом подсудимого, а второй направлялся в контрразведку, приводившую приговор в исполнение.

Все эти дела тотчас же из штаба корпуса были доставлены в полном порядке. Среди них оказались и дела бышей 4-й сводной дивизии, которой я перед тем командовал на Украине и из которой был развернут 3-й (Крымский, затем 2-й) арм. корпус. По ним числилось: дело 11-ти в Вознесенске, дело 61-го в Николаеве, дело 1-го (скупщика казенного имущества) в Джанкое, дело полковника Протопопова, дело 16-ти офицеров орловщины, дело 14-ти в Севастополе и дело поручика Дубинина. Все это было налицо, о законности предъявленных обвинений спорить не приходилось, точно так же, как и о моей обязанности, как представителя белых, утвердить эти приговоры. Нашлось также и севастопольское дело Пивоварова (описано в главе о подготовке к Юшуньской операции) с моей резолюцией: «Освободить и дело прекратить под личной моей ответственностью и по честному слову, данному мне рабочими организациями»; это было незаконно, но оправдывалось обстановкой. Явился вопрос: почему у Шарова дела пропали, ведь я у него обыска не делал, где же он мог их потерять? Это оставалось неясным.

После этого я говорил с Врангелем на тему, что включение моего дела в дело Шарова есть натяжка, и незаконная; дело не может называться делом чинов 2-го корпуса, потому что Шаров был чином Ставки и штаба войск Новороссии, т. е. попросту контрразведки при Крымском корпусе. Ввиду того что я не доверяю секретному судопроизводству, я требую вести дело гласно, с опубликованием в газете.

На это Врангель мне заявил, что публикация вредна для меня же и вообще нежелательна, что я напрасно так отзываюсь о судопроизводстве, что оно стоит выше подозрений и что мне нечего бояться секретного его хода. На это я возразил, что слишком хорошо помню дело Сидорина, чтобы доверять следователю (дело Сидорина вел тот же Гиршиц), и потому при секретном его производ-

стве могу ожидать всего, до подтасовок и подлогов включительно. Поэтому я настаиваю на своем требовании, в противном случае спущу следователя с лестницы, тем более что он позволил себе учреждать за мной тайный надзор, прося моего адъютанта сообщить о моих выездах. Я уже говорил об этом с генералом Трухачевым, который объяснил это недоразумение (Трухачев был дежурный генерал, замещавший начальника штаба главнокомандующего). Тем не менее я предупреждаю, что если в этом деле не будут действовать честно и открыто, то я пойду на какой угодно скандал. Мое условие — гласность.

Вскоре я получил записку от Гиршица, что мое дело выделено из дела Шарова. Через день Гиршиц заходит ко мне и очень скромно говорит, что я обвиняюсь не в превышении, а в бездействии власти, так как я не проверял деятельности Шарова; об основном деле надо мною — незаконном составе суда над Протопоповым — не было ни слова. Я тогда обратил внимание следователя на мои телеграммы о разрешении мне ревизовать Шарова и подчинить его мне и на отказ Ставки; если кто бездействовал, так это главное командование. После этого разговора я Гиршица не видел и о деле не слышал.

События фронта отвлекли теперь мое внимание. Там тоже Врангель хотел меня дискредитировать. Я уже говорил, что отказался брать Каховку, так как видел в этом совершенно безнадежное предприятие. Потерять людей в этом деле нужно было массу, а даже в случае успеха красные в любой момент могут опять занять Каховку, так как артиллерия красных вне досягаемости за Днепром на высоте и охватывает указанный пункт полукругом; как читатель помнит, брать Каховку я предлагал, заняв линию Николаев—Вознесение—Бериславль, т. е. с северного берега Днепра. Это, как известно, было поводом к моей отставке. Теперь Врангелю хотелось доказать всем, что оставление Каховки за красными есть дело моей неспособности и что ее возьмет легко и свободно мой заместитель генерал Витковский со своим начальником штаба полковником Бредовым. Для этого (одновременно с моим уходом) на фронт 2-го корпуса были посланы комплектования, доведшие состав корпуса до 7000 штыков. Эти комплектования были посланы настолько срочно, что я встретил их уже по пути моего проезда в Севастополь. Силы, стоявшие и

посылавшиеся на Перекоп, о которых я говорил в главе XVII, так там и оставались и образовали 6-ю и 7-ю [пехотные] дивизии 4-го [армейского] корпуса Скалона, а это были люди, вновь посланные на пополнение корпуса Витковского. Кроме этого, было прислано 11 аэропланов и 7 танков. Все это сколачивалось и готовилось к атаке. Красные после неудачи первого наступления держались пассивно. И вот на 5 сентября была назначена атака Каховки.

Атака Каховского плацдарма вообще была делом трудным, но при наличии 7 танков и аэропланов Каховку взять было, конечно, возможно; оставался, конечно, открытым вопрос, можно ли было там долго удержаться.

Но в данном случае атака была организована в корне неправильно.

Каховский плацдарм по-прежнему занимала группа Саблина. На рассвете 5 сентября 7 танков белых ворвались в окопы и стали ломать проволоку. Но они были пущены одни. Основное условие, что всякая бронемашина, а в особенности танк,— это есть подвижной форт, могущий действовать только в непосредственной связи с пехотой или конницей, не было соблюдено. Танки вошли в Каховку, а пехота 2-го корпуса лежала далеко сзади. Красные отхлынули и открыли огонь своей артиллерией. Танки стали подбиваться, а попробовавшая продвинуться вперед пехота белых была уже встречена, кроме артиллерии, и пулеметами красных. Потеряв огромное количество людей (около 3000) и 6 танков, корпус Витковского отхлынул назад. Дух был совершенно подорван, вера в командование утрачена; 2/3 командиров полков ушли из армии, а за ними масса строевых офицеров. Даже по заявлению Врангеля, корпус Витковского не представлял уже боевой ценности. 8-й кав. полк пришлось расформировать, большинство его офицеров во главе с командиром полка Мезерницким (бывший начальник конвоя) оставили службу так же, как и пехотные, под разными предлогами и «за болезнью» зачислялись в резерв. Так кончилось ничем не оправдываемое, кроме личных счетов, наступление Врангеля на Каховку.

Дело Шарова тоже срывалось; его не только нельзя было раздуть в позорную для меня историю, но 2 сентября состоялось заседание Ялтинской городской думы, протокол которой был прислан в Севастополь Врангелю

и мне вскоре после рокового «каховского дня» и «следовательской истории».

Постановление думы было очень пространно и витиевато, описывало и подчеркивало достоинства Врангеля и мои, говорило о лихоимстве и преступлениях высших чинов административного управления, уничтоженного мною, и заканчивалось избранием меня почетным гражданином г. Ялта.

Постановление это было составлено в очень дружелюбном тоне по отношению к Врангелю и подчеркивало, что Врангель сам оценил мои заслуги. Но именно поэтому это был сильный удар для Врангеля: было ясно, что гласный суд немыслим без дискредитирования его самого и мое оправдание за полным отсутствием какого-либо доказанного обвинения несомненно. Тайно же тоже вести дело нельзя без моего гласного ареста, потому что иначе я не подчинюсь тайному судилищу; таким образом, Врангелю пришлось бросить это дело. Шаров перестал сознаваться, но в благодарность за его «службу» его не притесняли и затягивали дело. Только в 1921 г., уже в Константинополе, оно слушалось, и Врангель амнистировал своего верного контрразведчика.

Говорят, неудачи не приходят поодиночке. И тут, в этот период поражений, они сыпались одна за другой.

Параллельно с каховской неудачей потерпела крушение операция кубанская, и опять по вине неорганизованности.

Об этой операции говорили все и знали все заранее, называли пункты высадки. А начштаглав (начальник штаба главнокомандующего) генерал Шатилов занимался продажей нефтяных бумаг, которые благодаря слухам о десанте вздувались в цене.

Одновременно с этим шли нелады Врангеля с кубанским атаманом Иванесом и назначение новых атаманов отделов, которые должны были ехать с десантом. Одновременно оказались налицо неотрешенные старые и вновь назначенные.

Операция была поручена генералу Улагаю, человеку безусловно честному, но без широкого военного образования. Он был избран как популярный кубанский генерал, кажется единственный из «известностей», не запятнавших себя грабежом. У Врангеля, конечно, были с ним нелады, и поэтому к нему был назначен генерал Драценко начальником штаба с особыми полномочиями, позволявшими ему игнорировать своего начальника, так

что от Улагая оставалась только «фирма». Этот Драценко был всем известен как специалист по поражениям. Каждый бой он обставлял крайне научно, много о нем говорил и до, и после дела, но неизменно его проигрывал. Это был типичный представитель врангелевских приближенных. Я тогда очень удивлялся, что такой честный человек, как Улагай, взялся при таких условиях командовать армией. Для того чтобы довершить картину неправильной постановки дела и еще больше связать десант, в Керчь был посажен уже известный нам генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего генерал Коновалов и распоряжался оттуда именем главкома.

Подробностей этой операции я не знаю, потому что Врангелем эта «победа» усиленно замалчивалась. Десант произошел на Таманском полуострове. Красные совершенно правильно, не давая главного боя у побережья, оттянули десант в глубь Кубани и нажали на фланги и тыл. Все побежало, причем лучшие части, как юнкера, погибали, спасая бегущую толпу. Вместе с десантом бежала и небольшая часть населения, примкнувшая к нему. Вообще, население встретило десант довольно-таки осторожно, в особенности после его первых шагов, когда опять начали отнимать подводы, лошадей и хлеб и взыскивать за службу у красных. Но примкнувший элемент все же был, благодаря чему десант вернулся в увеличенном, несмотря на большие потери, составе. Врангель изображал его, конечно, как набег и победу, но всем было ясно, что это было поражение, и поражение тяжелое, а Врангель сам подробности старательно замалчивал. Донской десант полковника Назарова тоже был неудачен — восставших было слишком мало, и десант не вернулся.

На Украине Врангель не предпринимал ничего, и фронт его армий продолжал оставаться полукругом, заставляя бояться катастрофы. Красные постепенно подавляли восстания.

Доклады по украинскому вопросу и об улучшении быта военнослужащих, составленные по приказу Врангеля, лежали без движения. (Для этой цели при мне состоял Генштаба генерал Киленин, который, в сущности, и ведал этими вопросами). Получались доклады, параллельные с ведавшим этим делом официально генералом Килениным, т. е. опять отсутствие организации.

В тылу в это время образовался целый фронт зеленых, среди которых, конечно, было много красных. Зеле-

ных насчитывалось до десяти тысяч человек. Они совершали набеги на разные города и благодаря сочувствию населения были неуловимы. Против них из Симферополя действовала целая армия во главе с генералом Носовичем, о его способностях я ничего сказать не могу, они ни в чем не проявились. Сочувствие населения вызывалось недовольством белой властью, которая, ничего не давая населению, требовала от него вечных повинностей. Вопрос о церковных (вакуфных) землях татар разрешен не был, мобилизация ложилась тяжелым бременем на население; дезертиры становились зелеными, население, конечно, их кормило, сообщало все сведения и, если нужно, укрывало, а укрытий в горах района Карасу-Базар—Бахчисарай—Ялтинское побережье было достаточно. Вожаками движения часто являлись красные во главе с Мокроусовым. Зеленые просуществовали вплоть до падения Крыма.

В тылу в это время шла вакханалия наживы должностных лиц во главе с Кривошеиным. Он открыто брал взятки и занимался поставками на армию (конечно, через подставных лиц).

Я поселился в Ливадии, далеко от всей этой грязи, но и там не мог отделаться от давления заинтересованных групп, старавшихся выдвинуть меня на фронт. Единственным счастливым обстоятельством, не позволявшим мне снова принять участие в этой драме, было наличие французов. Когда все мои доводы разбивались о предъявленные обвинения в индифферентности к святой идее «отечества», я выдвигал свой аргумент — «французы». Меня уверяли, что это ложь, что главнокомандующий вовсе не слушает их; тогда я соглашался переговорить с главнокомандующим. Повторялась сказка про журавля и цаплю; то Врангель обращался ко мне, то я говорил с Врангелем о фронте и моем участии, но каждый раз я затрагивал вопрос о французах. Между тем я продолжал переживать период внутреннего раздвоения, о котором говорил выше, а процесс внутреннего перелома всегда бывает крайне болезненным.

Мне теперь, когда я оглядываюсь назад, кажется очень смешным мое возмущение вмешательством в гражданскую войну французов: да разве Врангель мог поступить иначе, разве можно было вести эту классовую борьбу без поддержки иностранного капитала? Но тогда, к сожалению, о классовой борьбе я не имел благодаря буржуазным шорам ясного представления.

А Врангель был последователен: «назвался груздем, полезай в кузов», стал наемником — и делай, что хочет твой хозяин, а хозяин был против заключения мира, и Врангель подчинялся французам, а его приближенные наживались и сознательно проводили политику своего класса. Каждый сидел на определенном стуле. Я же, носясь с идеей «отечества» и не понимая сущности происходившей борьбы, уселся сразу между всеми стульями.

В сентябре месяце на Днепровском фронте опять стали собираться тучи. Красные сосредоточивали силы, подвозя комплектования частям и доводя их до штатного состава. В районе Апостолова обучалась и сколачивалась 2-я Конная армия. В одной из бесед со мною Врангель (или Шатилов, точно не помню) спросил меня (мое мнение) о Каховском направлении. Я ответил, что красные хотят повторить подобие своей августовской операции через Каховку на Перекоп и Сальково.

Занятием Каховки красные ясно выдали свой план, и можно смело утверждать, что по окончании сосредоточения они поведут решительное наступление, стараясь отрезать Кутепова от перешейков; наличие конницы еще более подтверждало это. «Какие же средства борьбы?» — спросили меня. — «По моему мнению, их два: первое, которому я не сочувствую, — это переправа на правый берег Днепра у Херсона (с прорывом туда мелких судов флота) и Александровска с тем, чтобы, заняв район Синельниково—Апостолово—Николаев, угрожать Екатеринославу, а Каховскую группу взять в клещи от Александровска и Херсона и передать в наши руки правый берег Днепра, поднимая одновременно восстания. Но я полагаю, что этот план запоздал — времени у вас для его производства не хватит, да 2-й корпус теперь стал настолько небоеспособным, что задачи овладения низовьем Днепра не выполнит, а восстания уже там ликвидированы. Поэтому второй способ, который бы я применил, — это оставить в Северной Таврии только конные группы, всю же массу войск отвести в Крым, расположить по квартирам и начать переговоры, для подкрепления которых высадить часть слишком многочисленных для Крыма войск в Одессе или в устье Буга и устроить там плацдарм. Если это сделать и вести защиту Крыма, как я ее вел в прошлом году, красные в Крым не войдут и сговорятся с нами о нашей будущности». На это мне ответили: «Ну, ваши нервы еще расстроены, вам всюду мерещатся опасности, которых нет». «Дай

бог, чтобы было так, — ответил я, — только помните одно: кто обороняет Северную Таврию, не имея очень глубоких крупных резервов для действия по внутренним операционным линиям, всегда будет разбит. Ваши армии стоят растянутыми по фронту в несколько сот верст, и прорыв противника в одном месте приведет его к перешейкам раньше других ваших частей, которые должны будут бежать вперегонки, спасая свою жизнь, это я говорил еще в прошлом году Деникину, а теперь повторяю вам». — «Ну, у вас было мало войск, а у нас их, слава Богу, достаточно». Этим и закончился приведенный характерный разговор.

Врангель старательно распространял слухи о моих расстроенных нервах, и в «обществе» стали упорно говорить о моей ненормальности; почву для этого давало и то, что, как я указал выше, настроение мое было действительно ужасно и я жил затворником, почти нигде не появляясь.

После разговора со мною Врангель предпринял Александровскую операцию.

Глава XX

РАЗГРОМ АРМИИ ВРАНГЕЛЯ И КОНЕЦ БЕЛОГО КРЫМА

В конце сентября месяца Врангель сосредоточивает почти все силы Кутепова (развернувшего в 1-ю армию 1-й, 3-й армейские корпуса и корпус Барбовича) в направлении Александровска, берет Александровск и затем Синельниково. Создав таким образом зону перед Александровском, переправляется через Днепр южнее Кичкас и предпринимает операцию наподобие той, которую я ему рекомендовал в июле только без обеспечения со стороны Екатеринослава и без занятия Николаева-Вознесенска и наступления оттуда, т. е. что-то куцее, точно страница, вырванная из книги, и, как все неполное, обреченное на неудачу.

Наступление идет удачно, захватываются пленные, пулеметы, орудия. В районе Балино на Покровское начинается вторая переправа белых в поддержку Александровска. Встретивший меня на улице генерал Артифексов (генерал для поручений при Врангеле) сказал мне: «Ну, что же? Вопреки вашим уверениям, как види-

те, мы побеждаем». Мне пришлось с ним согласиться, но вместе с тем я заметил: «Ведь я в тылу, а вы знаете мое мнение о тыле; очень рад, если я ошибся, но боюсь, что я в данном случае окажусь правым». Артифексов замахал руками и, весело посвистывая, пошел своей дорогой.

Между тем войска Кутепова наступали от Александровска прямо на запад во фланг и тыл Каховской группе. Атакой красной конницы (всего одной бригадой) в первую голову были разбиты белые у Покровского, а потом уже всей 2-й Конной армией в районе Шолохова красная конница прорвала фронт Кутепова, смяла конницу Барбовича и заставила 3-й корпус бежать к переправам, бросая пулеметы и орудия. 14 октября было разгромом войск Кутепова, самых боеспособных в то время частей Врангеля.

Все это, конечно, не было опубликовано в тылу. Я опять был в Ливадии, когда ко мне явились «украинские и татарские организации» с воплями и стенаниями о спасении «родины» и гибели «отечества».

Это время было опять минутой слабости. Меня убедили написать Врангелю письмо с указанием об удручающем впечатлении неудач на фронте. Ожидая неудач от такого командования и такого ведения дел, я все же был поражен. Принужден сознаться в отсутствии определенного мнения у меня самого в тот момент. Врангель ответил мне очень милым письмом, но с уверением, что на фронте все идет великолепно.

Тыл волновался, обвиняя меня в дезертирстве и в том, что я умышленно пользуюсь «французским вопросом», чтобы не ехать на фронт. Доходило до того, что мне это говорили в лицо (конечно, люди, знавшие меня, в виде дружеского укора).

Красные между тем развивали наступление на Таганрогском направлении: 8000 штыков и 2000 шашек — группа начдива; 9-я стрелковая дивизия — 4000 штыков и 5000 шашек; Никопольская группа — 10 500 штыков и 9500 шашек; Каховская группа — 22 500 штыков и 3000 шашек; тут же была 1-я Конная армия в составе 6—7 тысяч шашек. В районе Александровска — резерв около 6000 штыков и 500 шашек. Итого 51 тысяча штыков и 27 тыс. шашек. Группировка сил явно указывала главный удар в сторону Перекопа. Наличие крупных масс конницы позволяло одновременно делать налет и на тыл Сальковского направления.

Врангель этому противопоставлял около 50 000 штыков и около 25 000 шашек, растянутых по фронту главным образом в северо-восточном и восточном направлениях.

Находясь в положении необходимости вести борьбу по внутренним операционным линиям, он, растянув войска всюду, не оставил себе крупного резерва, а части Кутепова, кроме того, только что были разбиты на правом берегу Днепра. Управление Врангелем было потеряно.

У Каховки был смят растянувшийся по побережью, желая прикрыть все, 2-й корпус Витковского и побежал к Перекопу, где имелся еще 4-й корпус Скалона, составлявший со 2-м корпусом и кубанцами 2-ю армию генерала Драценко (героя кубанского поражения белых).

Красные, преследуя пехотой 2-ю армию, бросили свою конницу от Каховки на Сальково — на тылы 1-й армии Кутепова и Донской армии Абрамова. И их войска должны были бежать вперегонки, пробиваясь к Сальковскому перешейку. Произошло то, о чем я предупреждал.

Подробностей этого бегства я не знаю, потому что в тылу все усиленно скрывалось, так что могу передать только рассказы обозных беженцев и кое-какие отрывочные сведения из Ставки. Суть дела заключалась в том, что академически правильно задуманный красными маневр Врангель позволил провести в жизнь как добросовестный и хорошо выученный обозначенный противник.

Несмотря на то что план красного командования или его возможность были ясны еще в августе месяце благодаря упорному удерживанию и устройству Каховского плацдарма, Врангель, желавший все прикрыть в Северной Таврии, резерва, как я уже сказал, не оставил. Тов. Буденный блестяще использовал положение и врубился в обозы белых в районе Ново-Алексеевка. Правда, пробившиеся с севера части донцов и Кутепова проложили себе дорогу назад, но ради этого должны были спешно уйти с фронта, да и конница для длительного удержания чего-нибудь не годится. Одним словом, конная операция красных была блестяща. Но красная пехота и вообще все части, преследовавшие белых, должны были бы поторопиться, тогда не ушел бы никто из армии Се-

верной Таврии. Тут же разгром был главным образом моральный и обозный.

Интересный инцидент произошел при встрече моей с Врангелем, когда я, будучи вызван в Ставку и не застав ее в Севастополе, был отправлен в Джанкой. При моем входе он метался по салону своего вагона. Еле успев поздороваться, он потащил меня к карте, и произошел приблизительно следующий разговор. Врангель: «Вы знаете, Буденный здесь (палец ткнулся в Ново-Алексеевку).

Я. — Сколько?

В. — 6—7 тысяч.

Я. — Откуда он, с неба или Каховки?

В. — Шутки неуместны: конечно, с Каховки.

Я. — Значит, мои расстроенные нервы оказались правы. К сожалению, они расстроились еще больше. Вы хотите знать мнение расстроенных нервов. Если да, они просят изложения обстановки.

В. — Кутепов по радио из Петровского о частях своих не говорит, думаю, при концентрическом отступлении к Салькову сосредоточились. Ново-Алексеевка занята противником неизвестной силы, но конницей. На Кутепова и донцов с севера и востока не наседают. Дроценко в Перекопе, его силы собрались к нему, настроение плохое. Красные заняли Чаплинку. Что вы думаете?

Я. — Есть ли у вас кто-нибудь в Сальково?

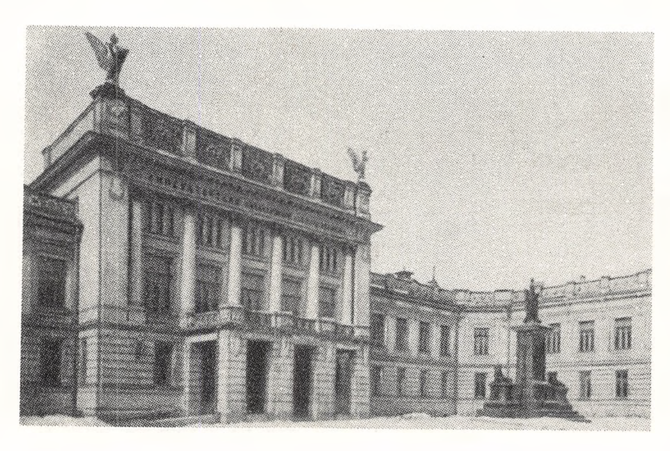
В. — Там Достовалов (начальник штаба Кутепова) с 2000 штыков Кутепова, и я ему с тыла собрал около 1500 штыков.

Я. — Дайте взвесить... Мои расстроенные нервы говорят мне, что это есть момент необходимости присутствия старшего начальника. Я бы отдал приказ: Достовалову атаковать Ново-Алексеевку, Кутепову об этом радио и атака в направлении Сальково — одновременно. Буденный принужден будет отойти, ему остается лазейка к северо-востоку, надо ему ее дать, мы слишком слабы, чтобы не толкать его на спасение своих частей, иначе он будет серьезно драться. Собрать донцов (конных) и Барбовича, и с Кутеповым и вами во главе — на Чаплинку во фланг и тыл Каховской группе красных. Ведь это будет около 20 000 шашек. Вот общий план. Мелочи: надо узнать, куда отойдет Буденный, куда поставит заслон. Но Крым пока что будет спасен, потом можно

Штабс-капитан лейб-гвардии Финляндского полка
Я. А. Слащов
(1913 г.)
Хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР

Я. А. Слащов (в среднем ряду второй справа) в альбоме императорской Николаевской Военной академии (выпуск 1911 г.)

Здание императорской Николаевской Военной академии в С.-Петербурге (до августа 1909 г. — Николаевская академия Генерального штаба). Справа — памятник «питомцам академии, павшим при исполнении служебного долга»; открыт в сентябре 1909 г. (не сохранился)

Я. А. Слащов (третий справа) на полевой поездке офицеров Генерального штаба в Варшавском военном округе (1913 г.)

Пажеский его императорского величества корпус (литография середины XIX в.), в котором в 1912—1914 гг. преподавал тактику Я. А. Слащов

КОМАНДИРЪ
Лейбъ-Гвардіи
МОСКОВСКАГО
полка.

По части строевой.

20 Ноябр. 1917 г.

№ 2442

На телефонограмму

Начальнику Штаба 2 Гвардейской пехотной дивизии

Штабъ 2й Гв. пѣх. дивизіи
23 ОКТ 1917
Вх. № 4854

Представляю при сем копию послужного списка на убитого Временно командующего полком Генерал-Майора

Приложение: копия послужного списка.

Командующий полком Полковник Слащов

Вр. и. д. Полкового Адъютанта Подпоручик Артемьев

Служебное донесение, подписанное Я. А. Слащовым

Новочеркасск (фотография начала века)

Георгиевское знамя лейб-гвардии Финляндского полка.
Хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР

М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов (верхний ряд), С. Л. Марков, М. Г. Дроздовский (нижний ряд), именами которых были названы соединения, части и подразделения Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России и Русской армии в Крыму

А. И. Деникин, П. Н. Врангель (верхний ряд),
А. С. Лукомский, А. М. Драгомиров (нижний ряд)

Слева направо — А. В. Кривошеин, П. Н. Врангель, П. Н. Шатилов.
Крым, 1920 г.

Н. Н. Шиллинг, А. П. Кутепов (верхний ряд),
И. Г. Барбович, Д. П. Драценко (нижний ряд)

Командование Донской армии: командующий В. И. Сидорин (пятый слева), начальник штаба А. К. Келчевский (второй слева), генерал-квартирмейстер В. А. Тараканов (седьмой слева), начальник разведывательного отделения (десятый слева). Евпатория, 1920 г.

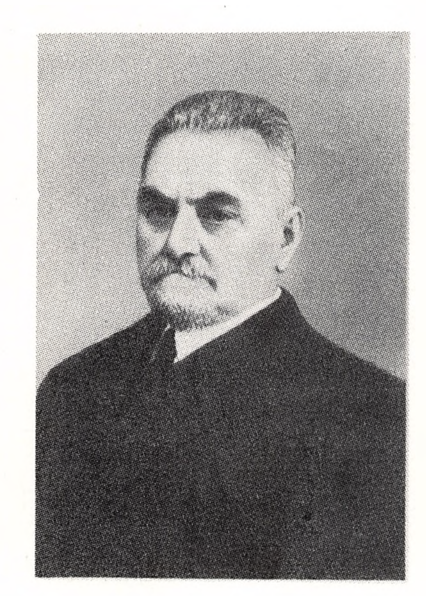

Б. И. Казанович, В. З. Май-Маевский (верхний ряд),
А. П. Богаевский, И. Г. Эрдели (нижний ряд)

С. Г. Улагай, А. А. Боровский (верхний ряд),
П. Х. Попов, П. К. Писарев (нижний ряд)

В. В. Беляев, Г. Б. Андгуладзе (верхний ряд),
В. М. Ткачев, К. Л. Капнин (нижний ряд)

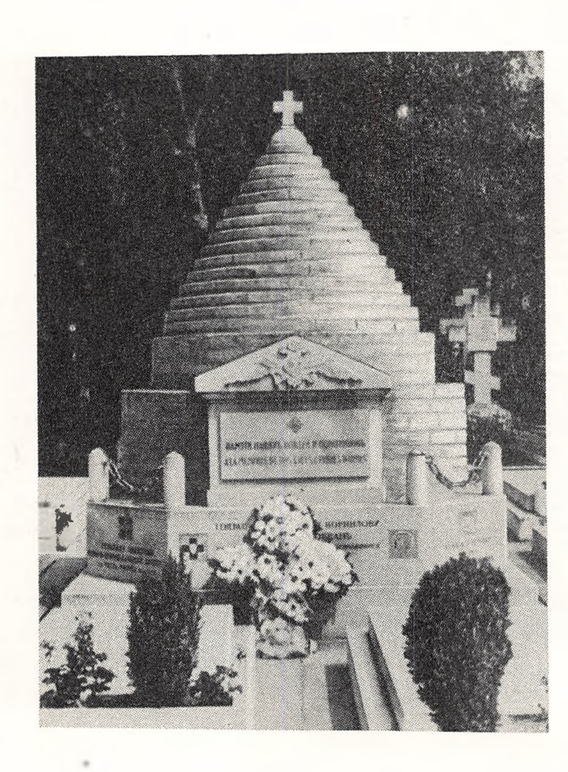

Н. В. Плевицкая, знаменитая певица, жена Н. В. Скоблина,
Н. В. Скоблин (верхний ряд),
В. Л. Покровский, А. Г. Шкуро (нижний ряд)

Кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Православная церковь
во имя Успения Пресвятой Богородицы
(архитектор Альберт Александрович Бенуа)

Кладбище
Сен-Женевьев-де-Буа.
Памятник участникам
"белого движения"

будет проводить мой план его защиты и замирения с красными.

В. — Да, вы правы, я с вами согласен. Это будет красивая операция. Надо будет приказать собирать все донесения и приказы: важно для истории. Я сейчас переговорю с Павлушей (Шатилов)».

На том мы расстались. Я вернулся в Севастополь и был страшно удивлен, узнав, что главком тоже вернулся туда же. Кутепов пробился назад вместе с Абрамовым. А Врангель предпринять операцию и выехать впереди войск не рискнул. Белые были загнаны за перешейки и расположились в окопах, оплетенных проволокой и расположенных прямолинейно один за другим в расстоянии 1—2 верст без всяких приспособлений для жилья. Морозы наступили до 16 градусов. Была обстановка, подобная началу 1920 г., только войск насчитывалось 60 тысяч человек (строевых частей, приехавших в Константинополь, а сколько еще было брошено в Крыму). Что испытали эти несчастные, загнанные люди, не знавшие, за что они дерутся, трудно описать. Если это испытывали люди, подобные мне, это им поделом: они действовали сознательно и боролись за определенные идеи, но те, эта масса солдат и офицерства, в особенности последняя, которая сама часто была из прежних солдат, т. е. тех же крестьян, они-то при чем? Вот это вопрос, который заставлял меня очертя голову бросаться впереди цепей при первой обороне Крыма и который заставлял меня так долго колебаться уже тогда, когда я ушел после Каховского боя в отставку. Отлично сознаю, какой вред я этим принес, сознаю в особенности теперь, когда деятельно занялся своим политическим образованием, — но как было поступить иначе тогда? Одно скажу: от понятия чести никогда не отступался; то, что обещал, я сделал, и, уже отойдя от дела, я переживал за других ужасы, на которые их обрекли деятели белых, метался от одного решения к другому, то возмущаясь Врангелем и его присными, то готовый с ними помириться, лишь бы избежать катастрофы.

Окончательно растерявшийся Врангель для обороны перешейков решил сделать перегруппировку, т. е. на более доступное Перекопское направление направить более крупную армию Кутепова, а на Чонгарское посадить Драценко; по ходу же отступления Кутепов был на Чонгаре, а Драценко на Перекопе, и началась рокировка (хорошо она проходит только в шахматах). Для за-

щиты Крыма Врангель хотел использовать части, оставшиеся в Польше, и хотел туда сплавить меня, но этот его план сам собою отпал благодаря крушению Крыма.

В доказательство своей окончательной растерянности Врангель сам остался в тылу у судов, а Кутепова назначил защищать Крым и производить рокировку войск. Красные же не захотели изображать обозначенного противника и атаковали перешейки. Часть людей в это время сидела в окопах, часть ходила справа налево и слева направо, но под натиском красных все вместе побежали.

Были отдельные случаи упорного сопротивления, были отдельные случаи геройства, но со стороны низов; верхи и в этом участия не принимали, они «примыкали» к судам. Что было делать рядовым защитникам Крыма? Конечно, бежать возможно скорее к судам же, иначе их предадут на расправу победителям. Они были правы. Так они и поступили.

11 ноября я по приказанию Врангеля был на фронте, чтобы посмотреть и донести о его состоянии. Части находились в полном отступлении, т. е., вернее, это были не части, а отдельные небольшие группы; так, например, на Перекопском направлении к Симферополю отходили 228 человек и 28 орудий, остальное уже было около портов.

Красные совершенно не наседали, и отход в этом направлении происходил в условиях мирного времени.

Красная конница вслед за белой шла на Джанкой, откуда немедленно же выехал штаб Кутепова на Сарабуз. В частях же я узнал о приказе Врангеля, гласившем, что союзники белых к себе не принимают, за границей жить будет негде и не на что, поэтому, кто не боится красных, пускай остается. Это было на фронте. В тыл же, в Феодосию и в Ялту, пришла телеграмма за моей подписью, что прорыв красных мною ликвидирован и что я командую обороной Крыма и приказываю всем идти на фронт и сгружаться с судов. Автора телеграммы потом задержали: это оказался какой-то капитан, фамилии которого не помню. Свой поступок он объяснил желанием уменьшить панику и убеждением, что я выехал на фронт действительно для принятия командования. И в Феодосии, и в Ялте этому поверили и, помня первую защиту Крыма, сгрузились с судов: из-за этого произошла сильная путаница и потом многие остались, не успев вторично погрузиться.

Эвакуация протекала в кошмарной обстановке беспорядка и паники. Врангель первый показал пример этому, переехал из своего дома в гостиницу «Киста» у самой Графской пристани, чтобы иметь возможность быстро сесть на пароход, что он скоро и сделал, начав крейсировать по портам под видом поверки эвакуации. Поверки с судна, конечно, он никакой сделать не мог, но зато был в полной сохранности, к этому только он и стремился.

Когда я 13—14-го ехал обратно, то в тылу всюду были выступления в пользу красных, а мародеры и «люмпен-пролетариат» разносили магазины, желая просто поживиться. Я ехал как частное лицо, и поэтому на мое купе II класса никто не обращал внимания и я мог наблюдать картины бегства и разгул грабежа. В ту же ночь я сел на случайно подошедший ледокол «Илья Муромец», только что возвращенный французским правительством Врангелю и вернувшийся «к шапочному разбору».

Мой доклад по телеграфу Врангелю гласил, что фронта, в сущности, нет, что его телеграмма «спасайся, кто может», окончательно разложила его, а если нам уходить некуда, то нужно собрать войска у портов и сделать десант к Хорлам, чтобы прийти в Крым с другой стороны.

Для моей жены, правда, было отведено место на вспомогательном крейсере «Алмаз», который к моему приезду уже вышел в море, а для меня места на судах не оказалось, и я был помещен на «Илью Муромца» по личной инициативе морских офицеров.

Туда же я поместил брошенные остатки лейб-гвардии Финляндского полка с полковым знаменем[23], под которым служил часть германской войны, и выехал в Константинополь. Прибыв в Константинополь, я переехал на «Алмаз», туда же скоро приехал и Кутепов. Последний страшно возмущался Врангелем и заявил, что нам нужно как-нибудь на это реагировать. Мне пришлось ему сказать, что одинаково надо возмущаться и им самим, а мой взгляд, что армия больше, по моему, не существует.

Кутепов возмущался моими словами и все сваливал на Врангеля. Я ему на это ответил: «Конечно, его вина больше, чем твоя, но это мне совершенно безразлично: я все равно ухожу, отпустят меня или нет. Я даже рапорта подавать не буду, чтобы мне опять не делали

препон, а только подам заявление, что я из армии выбыл: мои 7 ранений (5 в германскую и 2 в гражданскую войну) дают мне на это право, об этом ты передай Врангелю». Тогда Кутепов заявил: «Раз ты совершенно разочаровался, то почему бы тебе не написать Врангелю о том, что ему надо уйти? Нужно только выставить кандидата, хотя бы меня, как старшего из остающихся».

— О, это я могу сделать с удовольствием, — ответил я, — твое имя настолько непопулярно, что еще скорее разложит армию, — и написал рапорт, который Кутепов сам повез Врангелю.

Я же съехал на берег, чтобы не находиться на «территории» Врангеля, и стал продумывать дальнейшую роль белой армии с точки зрения «отечества»; мои размышления привели меня к заключению, что она может явиться только наймитом иностранцев (конечно, кричать об этом громко было нельзя), и потому я занялся работой на разложение армии. Врангель предал меня суду «чести», который специально для этого учредил, но на этот суд меня не вызвали, так как что же могли инкриминировать частному лицу, желающему говорить правду про армию и ее цели? Суд приговорил меня заочно к исключению со службы, большего он сделать не мог. Это дало мне еще лишний козырь, и я мог выпустить брошюру «Требую суда общества и гласности». Правда, писал ее не я, а генерал Киленин, но в момент набора книги контрразведка так стала запугивать, что Киленин испугался. К тому же французская контрразведка изъяла всю переписку, касавшуюся роли французов в Крымской обороне. Все это привело к тому, что Киленин отказался поставить свое имя на брошюре, которая почти целиком состояла из моих документов. Тогда я, уже связанный получением задатка и неустойкой, должен был срочно поставить на книжке свою фамилию и попросить заменить слова «комкор» и «Слащов» словом «я».

Книжка получилась куцая, малопонятная, без надлежащего освещения и полноты описываемых событий, но все же она своей цели достигла. Ее печатание шло с трениями — выпал шрифт, но все-таки ее напечатали и 14 января 1921 г. она вышла в свет. За нахождение ее у кого-либо в Галлиполи (где была помещена армия Врангеля) жестоко карали, но она там распространялась. Мною руководила не жажда мести, а полное сознание, что эта заграничная армия может быть только

врагом России, а я стоял на платформе «отечества» и с этой, а еще не с классовой точки зрения видел в ней врага. Ко мне обращались украинцы (Моркатуновская организация)[24], я и им советовал вызвать от Врангеля украинцев и при помощи их устроил настоящую свару между двумя «правительствами». Идеей защиты вверившихся людей я уже связан не был. Следя дальше за армией и действиями Врангеля и Кутепова в Галлиполи, за переговорами с иностранцами о нападении на РСФСР еще в 1921 г., за посылкой туда людей для поднятия восстаний, я все более и более убеждался в преступности существования этой армии[25]. Мой разговор с заехавшим ко мне из английской контрразведки Генштаба капитаном Уокером по тому же поводу еще больше укрепил мое мнение, и разговор с лицом, приехавшим из Москвы, нашел во мне глубоко подготовленную почву для гласного разрыва с белыми и переезда в Советскую Россию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, какой можно сделать вывод, бросив взгляд назад на борьбу с белыми на юге России? Что двинуло первое время массы на борьбу с молодой, еще не окрепшей Советской властью? Питалось ли это движение лозунгом «отечество», сохранился ли этот последний лозунг прежней триединой формулы в сознании масс?

Я уже говорил, что им вдохновлялись только отдельные лица, отдельные беспочвенные идеалисты. Массы зажиточного крестьянства и казачества шли за ним только тогда, когда Советская власть затронула их экономические интересы, будучи вынужденной тяжелыми условиями строительства нового пролетарского государства к реквизиции излишков. И когда эти массы охладели к Добровольческой армии? Тогда, когда Добровольческая армия перестала защищать их интересы, а постепенно становилась защитницей интересов интернационального капитала. Борьба шла классовая, та борьба, которая теперь красной нитью пройдет через все войны.

Был ли Врангель неправ в своей политике танца под дудку французов? Нет, был неправ я в своих обвинениях: я не понимал тогда, что возмутителен был самый

факт борьбы, а не то, что Врангель, став наймитом, исполнял то, что ему прикажут. Конечно, если смотреть на Врангеля с точки зрения классовой борьбы и как на представителя интернациональной буржуазии, то он был прав. Массы же он обманывал старым лозунгом «отечества», до которого его хозяевам не было никакого дела, которые проводили свои классовые интересы, наживаясь, а главное, думая еще больше нажиться в России...

Средняя буржуазия, естественно, поддерживала совместно со служивой интеллигенцией Врангеля, боясь за свои имущественные интересы, но их давил иностранный капитал, и они тоже будировали, сдерживаемые только страхом перед красными. К счастью, Врангель сам оказался в военном смысле не талантливым и быстро сдал Крым, который при надлежащей обороне мог бы продержаться еще долго и служить предлогом для интервенции. О самой личности Врангеля — его тщеславии, себялюбии, жажде власти и беспринципности — я распространяться не буду, это, я думаю, достаточно ясно из изложения, да это и не имеет значения: не будь его, был бы другой, но обязательно беспринципный, потому что этого качества требовала служба французам.

Вот каков был Врангель с точки зрения политической. Если же мы взглянем на него с точки зрения военной, то увидим, что он в роли главкома оставался с понятиями эскадронного командира, не желающего лично вести в бой свои части. Мы видели при кратких описаниях операций, что с управлением войсками на широком фронте он совершенно справиться не мог. То же касается его ближайших сотрудников. Это были командиры рот и эскадронов, способные сколачивать и муштровать войска после новороссийского бегства, способные смотреть за каким-нибудь тринчиком (незначительная принадлежность кавалерийского снаряжения.— *А. К.*), но совершенно неспособные вести войска в бой в стратегическом масштабе и совершенно не учитывавшие психологии войск. Этим и объясняется столь скоропалительное падение Крыма и изгнание Врангеля, превзошедшие все самые смелые надежды красных: ведь сам тов. Троцкий при начавшемся наступлении на Крым говорил, что предстоит очень трудная и длительная операция[26].

Благодаря этому неумению поставить частям задачу и соответствующим образом управлять ими в бою, учесть их психологию и сохранить их боеспособность Крым рухнул под напором Красной Армии с головокружительной быстротой. Политическая обстановка предрешала разложение армии Врангеля и ее конец, а военное управление, к счастью, ускорило этот конец, и произошла таким образом ликвидация этого нарыва и пути к интервенции на юге России[27].

Около Врангеля остались бы только люди, способные быть беспринципными, слепыми орудиями, а все остальные ушли бы. Вопрос осложнился бы только в том случае, если во главе белых оказалось лицо с большим военным дарованием: тогда гражданская война затянулась бы надолго.

Как же смотреть на роль всей нашей эмиграции за границей и на ее старания при помощи иностранцев навязать свою волю первому пролетарскому государству?

Если наши эмигранты открыто станут на классовую точку зрения и прямо заявят: «Мы буржуа и желаем эксплуатировать других, вернуть себе все наши потери и убытки и припеваючи жить на чужой счет»,— тогда все ясно, они наши враги. Но пусть же они не опираются на лозунг «за отечество»: в глазах пролетариата, стоящего на классовой точке зрения, они предатели рабочего класса и наемники капитала; в глазах же малосознательных, но честных людей, вдохновляющихся до сих пор отжившим свой век лозунгом «за отечество», они нанятые иностранцами предатели этого Отечества.

[1] После ликвидации корниловского мятежа его активные участники, в том числе многие из членов Главного комитета «Союза офицеров армии и флота» (далее — «Союза»), содержались в гостинице «Метрополь» в Могилеве. 13 сентября 1917 г. арестованные были перевезены в г. Быхов, расположенный в 50 км от Могилева, где их поместили в здании женской гимназии (бывшей Иезуитской коллегии). 24 сентября в Быхов были доставлены А. И. Деникин и его единомышленники, арестованные в Бердичеве за активную поддержку Корнилова. Всего в так называемой «быховской тюрьме», как пишет автор «Быховского альбома» (см.: Белое дело. Берлин, 1927. Т. 2. С. 5—20) некий С. Р. (видимо, Сергей Николаевич Ряснянский), находились 30 человек, из них шестеро — члены Главного комитета «Союза»: штабс-капитан Н. Х. Андерсон, подполковники М. Д. Аловский, Г. М. Аркелов, И. И. Гринцевич, а также член Государственного совета

А. А. Римский-Корсаков и корнет Соборский — были освобождены до 1 октября. Остальные остались в ожидании суда: А. Ф. Аладьин, член Государственной думы; Брагин А. П., капитан, заведующий канцелярией штаба Верховного главнокомандующего; Б. А. Будилович, военный чиновник, переводчик в разведывательном отделении штаба Юго-Западного фронта; Г. М. Ванновский, генерал-лейтенант, командующий 1-й армией; А. И. Деникин, генерал-лейтенант, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, почетный член «Союза»; А. В. Иванов, прапорщик, член Главного комитета «Союза»; В. Н. Кисляков, генерал-майор, товарищ министра путей сообщения на театре военных действий; В. В. Клецанда, поручик, переводчик в разведывательном отделении штаба Юго-Западного фронта; Л. Г. Корнилов, генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий; А. С. Лукомский, генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного главнокомандующего; С. Л. Марков, генерал-майор, начальник штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта; И. В. Никаноров, заведующий отделом печати Георгиевского комитета; С. Ф. Никитин, прапорщик, член Главного комитета «Союза»; Л. Н. Новосильцев, подполковник, председатель Главного комитета «Союза»; М. И. Орлов, генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта; В. М. Пронин, подполковник, товарищ председателя Главного комитета «Союза»; И. А. Родионов, есаул, член Главного комитета «Союза»; В. Е. Роженко, капитан, исполняющий должность младшего штаб-офицера для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, член Главного комитета «Союза»; И. П. Романовский, генерал-майор, генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем; С. П. Ряснянский, капитан, помощник генерал-квартирмейстера штаба 9-й армии, член Главного комитета «Союза»; И. Г. Соотс, подполковник, штаб-офицер для поручений по авиации отдела генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии, член Главного комитета «Союза»; Г. Л. Чунихин, штабс-капитан, член Главного комитета «Союза»; Е. Ф. Эльснер, генерал-лейтенант, главный начальник снабжений армии Юго-Западного фронта; И. Г. Эрдели, генерал от кавалерии, командующий Особой армией.

2 Имеется в виду лозунг «За веру, царя и Отечество».

3 С мнением Слащова, что в Добровольческой армии, особенно в период ее создания, преобладал эсеровский элемент, согласиться нельзя.

4 Состоял из русинов.

5 Со второй половины XVIII в. по 1917 г. официальное название Северного Причерноморья.

6 Штаб 3-го армейского корпуса.

7 Коменданта Севастопольской крепости.

8 Командующий Черноморским флотом.

9 Ненюков к февралю 1920 г. полностью подготовил суда для эвакуации белых войск из Крыма, но они были срочно направлены для эвакуации деникинских войск из Одессы и Новороссийска (примеч. Слащова).

10 Подлинный текст, помечен 25 декабря 1919 г. (стар. стиля) № 323 с (секретно. — *А. К.)* (примеч. Слащова).

11 Имеется в виду Добровольческая армия, которой после генерала В. З. Май-Маевского недолго командовал Врангель.

[12] Мне хотелось ускорить добровольческую эвакуацию (примеч. Слащова).
[13] Я, конечно, говорю о малосознательных элементах горцев, ушедших с белыми и ставших наемниками (примеч. Слащова).
[14] Письма Орлова ко мне и его прокламации как в это время, так и потом я опубликовал в газетах с моим ответом на них (примеч. Слащова).
[15] В августе 1920 г. уже при Врангеле смертный приговор над Протопоповым послужил поводом для начала неудачного судебного дела надо мной (примеч. Слащова).
[16] См. крымские белые газеты за февраль—март 1920 г. (примеч. Слащова).
[17] Суда в решительный момент были отправлены в Одессу (примеч. Слащова).
[18] По моему мнению, Брянский действовал в связи с Врангелем и Врангель хотел занять место Шиллинга, но Шиллинг был глуп, почему же его не свалить при помощи Слащова (характеристики давать не буду) и одновременно дискредитировать последнего, а потом занять место Шиллинга, после чего дорога к «трону» Деникина была бы для него (Врангеля) свободна (примеч. Слащова).
[19] Я прибыл по буквально слезному молению ген.-лейт. Турбина и по «воззванию» сенатора Глинки (примеч. Слащова).
[20] Алексеевский полк и Дроздовская дивизия составляли так называемые «цветные войска» (по цвету обмундирования) («именные полки и дивизии») Добровольческой армии; кроме них, к «цветным войскам» относились корниловские и марковские части (соединения). Приведем краткие сведения о этих частях.

Корниловский ударный полк. В июне 1917 г. в 8-й армии, которой командовал генерал Л. Г. Корнилов, по инициативе Генштаба капитана М. И. Неженцева был сформирован 1-й Ударный отряд, состоявший из двух батальонов, по 1 тыс. человек каждый, трех пулеметных команд и команд пеших и конных разведчиков. Приказом Верховного главнокомандующего от 11 августа 1917 г. отряд был развернут в четырехбатальонный, получивший название Корниловского ударного полка. После Октябрьской революции около 600 ударников небольшими группами и одиночным порядком пробились на Дон, где и восстановили свой полк (под командованием полковника Неженцева), который явился ядром Добровольческой армии. В июне 1919 г. полк развернулся в трехполковую Корниловскую дивизию, а зимой того же года к ней был присоединен сформированный в Азове преимущественно из донецких шахтеров 4-й Корниловский ударный полк. После эвакуации из Крыма в лагерь Галлиполи дивизия была сведена в Корниловский ударный полк. Корниловские полки носили фуражки с околышем черного цвета и красной тульей — верхней частью фуражки. Обмундирование было черного цвета с белыми кантами. Погон был половинчатый — красного (ближе к плечу) и черного цвета; на поле погона прикреплена буква «К» славянской вязью, выполненная из белого металла.

1-й Офицерский пехотный генерала Маркова полк. 23 февраля 1918 г. в станице Ольгинской был сформирован Офицерский пехотный полк под командой генерала С. Л. Маркова, названный 27 мая 1918 г. 1-м Офицерским пехотным полком. В память убитого 12 июня 1918 г. под станцией Шаблиевкой (Ставропольская губ.) генерала Маркова полк получил наименование

1-го Офицерского пехотного генерала Маркова полка. В июне 1919 г. полк был развернут в Марковскую дивизию в составе 1, 2 и 3-го пехотных генерала Маркова полков, а по оставлении Крыма в 1920 г., в лагере Галлиполи, дивизия была сведена в один полк — 1-й Офицерский пехотный генерала Маркова. Фуражки марковских полков имели черный околыш с белой тульей и белым кантом. Обмундирование было черного цвета с белыми кантами. Погоны черные с белым кантом (у артиллеристов — с красным); вензель «М» славянской вязью белого цвета.

2-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. В конце 1917 г. в г. Яссы при штабе Румынского фронта начал формироваться отряд русских добровольцев, выступивший 26 февраля 1918 г. под командой Генерального штаба полковника М. Г. Дроздовского на Дон на соединение с Добровольческой армией. 25 апреля 1918 г. этот отряд численностью 1500 человек, проделав почти 1500-километровый поход, занял Новочеркасск, а 27 мая присоединился к Добровольческой армии, получив название 3-й дивизии под командованием Дроздовского. В его память (умер от раны 1 января 1919 г. в Ростове) один из полков 3-й дивизии получил наименование 2-го Офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка. В июне 1919 г. были развернуты в Дроздовскую стрелковую дивизию 1, 2, и 3-й Офицерские стрелковые генерала Дроздовского полки. В 1920 г. в Крыму Врангель переименовал полки в 1, 2 и 3-й стрелковые генерала Дроздовского полки, а по оставлении Крыма, в лагере Галлиполи, дивизия была сведена в один полк с прежним наименованием — 2-й Офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. Дроздовские полки имели белый околыш и красную тулью. Обмундирование было защитного цвета. Погоны красные с черным кантом, на поле погона буква «Д» славянской вязью.

Алексеевский пехотный полк. В конце февраля 1918 г. в станице Ольгинской из нескольких партизанских отрядов, в состав которых входили почти исключительно студенты, гимназисты и реалисты, был сформирован партизанский полк под командой генерала А. П. Богаевского. В память генерала М. В. Алексеева, умершего 8 октября 1918 г. в Екатеринодаре, полк получил название Партизанского генерала Алексеева. В июне 1919 г. полк должен был развернуться в дивизию, но она никогда не имела более двух полков. В 1920 г. в Крыму полк был наименован Алексеевским пехотным и с этим же названием остался в Галлиполи. Алексеевские пехотные полки имели фуражки с голубым околышем и белой тульей. Погоны голубые, на поле погона прикреплена буква «А» славянской вязью.

21 Командующий Донской армией Сидорин и начальник его штаба Келчевский были преданы Севастопольскому военно-морскому суду, который приговорил обоих к четырем годам каторжных работ; Врангель ограничился их увольнением в отставку без права ношения мундира.

22 Надо помнить, что эти горцы с белыми и превратились в наемников (примеч. Слащова).

23 После Февральской революции знамя лейб-гвардии Финляндского полка, который стал называться гвардии Финляндским полком, как и все знамена, должно было быть отправлено в Петроград для снятия с него атрибутов царской власти (вензелей Николая II и т. д.). Но группа офицеров полка скрыла знамя, в конце 1917 г. увезла его с фронта, а в 1918 г. знамя было пере-

дано ячейке полка, сформированной в составе 2-й Донской стрелковой бригады (М. А. Шолохов в «Тихом Доне» ошибочно называл ее «бригадой графа Моллера»). После эвакуации из Крыма на ледоколе «Илья Муромец» знамя находилось в Галлиполи, в 1921—1924 гг. в Болгарии, а с 1924 — во Франции. 10 ноября 1949 г. Владимир Ушаков, предок которого — штабс-капитан Ушаков, в 1812 г. служивший в этом полку и в сражении под Красным 3—6 (15—18) ноября захвативший жезл маршала Л. Даву, через Министерство иностранных дел передал знамя в Центральный Музей Вооруженных Сил СССР.

[24] Маркотун — председатель «Украинского национального комитета», стоявшего на платформе федерации с Россией.

[25] Приказом генерала П. Н. Врангеля от 8 сентября 1923 г. был создан Русский общевоинский союз (РОВС) с центром в Париже. Согласно временному положению от 1 сентября 1924 г. «РОВС образуется с целью объединить русских воинов, сосредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их, как носителей лучших традиций и заветов Российской Императорской армии». В РОВС входили все союзы и организации, объединяющие кадры белых и русских армий и флота, а также служивших в них отдельных военнослужащих и молодых людей, не служивших в них, но проходивших в то время курс военной подготовки в рядах этой «профессиональной» организации. РОВС имел отделы (во Франции, Германии, Болгарии, Бельгии, Китае), подотделы (в Чехословакии), отделения (в США, Австрии, Канаде, Парагвае). Органом РОВСа являлся двухнедельный журнал «Часовой», издававшийся в Париже (редактор В. В. Орехов). Формально РОВС являлся «беспартийной», «профессиональной» организацией, но по существу это была скрытая армия для вооруженной борьбы, в первую очередь против Советского государства.

[26] О том, что «Белый Крым» является «Крымским Верденом», в то время писалось очень много и белыми, чтобы поднять настроение защитникам Крыма и особенно гражданского населения в тылу, и в официальных кругах Красной Армии и, наконец, в зарубежной печати, особенно Франции, официально признавшей правительство Врангеля в Крыму. Все эти бетонные укрепления, тяжелые батареи, система полевых укреплений и т. д. и т. п. были лишь на бумаге и преимущественно представляли собой мелкие небрежно вырытые, полуразвалившиеся окопы и лишь на отдельных участках имелось проволочное заграждение. К тому же Сиваш, от Перекопа до Литовского полуострова, который белые считали непроходимым, оказался незначительной глубины, быстро замерз и не представлял защиты против обхода перекопского перешейка.

[27] Причины падения последнего оплота белого движения в Крыму, что ознаменовало победу Советской России над силами внутренней и внешней контрреволюции в трехлетней гражданской войне, имеют более глубокие корни, чем военные и политические ошибки Врангеля и его окружения, как это представляется Слащову. При рассмотрении этого вопроса следует прежде всего иметь в виду, что исход гражданской войны был уже предопределен не в пользу белого движения разгромом наиболее сильных противников Советской Республики — Колчака в Сибири и Деникина на юге России. После этого никакие попытки белых утвердиться на ограниченной территории (как это было, в частности, в Крыму) и

продолжать вести вооруженную борьбу против Советской власти изменить этого исхода уже не могли. Правда, обстоятельства и, прежде всего, недооценка руководством Красной Армии необходимости упредить белых в занятии Крымского полуострова в декабре 1919 г. — январе 1920 г., а также умелая оборона перешейков войсками под начальством Слащова, сложились так, что белым удалось почти на год оттянуть неизбежный исход. Почему же все-таки неизбежный? В советской историографии имеется достаточное количество работ (особенно написанных в 20-х годах), в которых нетрудно найти аргументированный ответ на этот вопрос. Но, поскольку комментарии относятся к воспоминаниям генерала белой армии, предоставим возможность ответить на этот вопрос представителю «той стороны». Вот что пишет человек, связавший «свою судьбу с добровольческой армией на протяжении почти шести лет», занимавший в ней «посты от самых скромных» до начальника Марковской дивизии включительно — подчиненный Слащова в период обороны Крыма, а затем последовавший его примеру и возвратившийся из эмиграции в Советскую Россию в 1922 г. генерал-майор Ю. К. Гравицкий: «Во мне... крепко живет убеждение, что последняя попытка белых реставрировать в Крыму то, что всем ходом русской истории было обречено на гибель, с самого начала не сулила ни малейшей надежды на успех, ибо в Крым мы пришли «ничему не научившись и ничего не забывши». В Новороссийске была оставлена идея, которая воодушевляла нас в борьбе с большевиками, а от Орла до Новороссийска мы схоронили наиболее стойких и крепких защитников этой идеи, и в Крыму высадились с опустошенной душой, чувством беспочвенности и в состоянии морального разложения. Старые пути оказались негодными, а новых, казалось, не намечалось даже в ближайшем будущем... Идейное содержание войны с большевиками было исчерпано до конца. После длительной борьбы армия воочию убедилась, что «белые» не нашли и не найдут поддержки в широких народных массах России, а следовательно и война бесплодна. Глубокая неудовлетворенность, разочарование, апатия, желание поскорее кончить эту «канитель» разлагали фронт в моральном отношении и предрешили исход борьбы в большей мере, чем остальные неудачи тактического и стратегического свойства» (Военная мысль и революция. Кн. 2. С. 99, 115). Небезынтересно также свидетельство по этому вопросу и самого Врангеля, который в интервью одному из корреспондентов сказал, что оборона Крыма в сущности представляла лишь попытку «гальванизации трупа», т. е. «белой идеи», за которую ее сторонники три года вели братоубийственную войну с непринявшим эту «идею» народом России. Таким образом, можно сделать вывод, что военное поражение белых в гражданской войне явилось следствием крушения заранее обреченного на неудачу «белого дела».

Генерал
Я. А. Слащов-Крымский

ТРЕБУЮ СУДА ОБЩЕСТВА И ГЛАСНОСТИ

(Оборона и сдача Крыма)

МЕМУАРЫ И ДОКУМЕНТЫ

ВВЕДЕНИЕ

В конце марта 1920 г. слухи об уходе генерала Деникина переставали быть только слухами и имели уже под собой некоторое основание.

Тогдашнее положение рисовалось мне так: прежняя Добровольческая армия безнадежно отступала. Генерал Шиллинг из Одессы приехал в Крым. Чувствовалось что-то тревожное.

Единственными вооруженными силами были войска, беззаветной службой которых был удержан Крым.

Генерал Врангель домогался в это время назначения при генерале Шиллинге. Генерал Деникин ввиду падения Одессы ему в этом отказал. Генерал Врангель все же приехал в Крым.

Положение становилось еще более напряженным. Симпатии общества и большей части войск были на стороне генерала Врангеля. Отношения Врангеля с Шиллингом становятся натянутыми.

Генерал Шиллинг мне заявляет, что генерал Врангель предложил ему сдать командование армией (войск Новороссии и Крыма) ему (Врангелю).

Можно было ожидать приказа об аресте Врангелем Шиллинга и Шиллингом Врангеля.

Тогда я в предупреждение событий послал генералу Врангелю полковника (ныне генерала) Петровского с поручением передать, что я ничего антидисциплинарного не сделаю, вполне сознаю, что генерал Шиллинг одесской операцией дискредитирован, сам ему заявил в частной беседе об этом, но, как солдат, чести своей не замараю.

Генерал Врангель ответил Петровскому, что он ничего подобного не говорил и вполне меня понимает.

После этого я был у генерала Шиллинга и у генерала Врангеля в Севастополе, оба последовательно были тоже у меня, причем генерал Врангель в личном разговоре со мною заявил, что в случае если он примет должность главнокомандующего, то обеспечит всех бойцов и их семейства даже в случае несчастного исхода кампании. Тогда же я познакомился с генералом Ша-

тиловым. Узнаю — на Деникина рассчитывать нечего; войска окончательно ему не верят, начинается кошмарная эвакуация Новороссийска.

В то же время Врангель увольняется Деникиным в отставку и уезжает в Константинополь.

Все симпатии на его стороне.

Я первый ему через графа Гендрикова сообщаю: «Ехать дальше вам нельзя, возвращайтесь, но по политическим соображениям соедините наши имена, а Шатилову дайте название ну хоть своего помощника».

Такова была обстановка момента.

Эту же самую обстановку в официальном донесении от 12 марта за № 6 представитель штаба главнокомандующего при Крымской группе полковник Нога изобразил следующими штрихами.

На фронте хорошо.

После Юшуньских боев противник отступил от Перекопского перешейка на север, и мы почти потеряли с ним связь; объяснение этого: на Украине в тылу красных поднялось восстание крестьян во главе с Махно, есть много и других партизанских отрядов, которые не дают покоя красным. Мне это ясно видно из красных газет, писем пленных и т. п. И генерал Шиллинг, и генерал Слащов смотрят на эти явления весьма доброжелательно, но, не зная, как на это смотрит Ставка, конечно, мер к контакту с восставшим Махно и другими, естественно, не принимают. Я считаю этот вопрос первостепенной важности, ибо вижу в этом спасение общего стратегического положения. Его надо кардинально выяснить, и чем скорей, тем лучше. По-моему, сейчас настолько серьезный момент, что нашим девизом должно быть: «Кто против красных — все с нами».

Фронт исключительно держится личностью генерала Слащова; человек «особенный», энергичный, безусловно храбрый и не останавливается ни перед чем в достижении успеха на фронте и противодействии развалу в тылу. Он только один удержал Крым до сих пор, и он только один, облеченный диктаторской властью, может его удержать. Назначения генерала Шиллинга и Покровского были ошибками и внесли только запутанность как в тылу, так и на фронте[1].

Я особенно боюсь, что последуют еще какие-то новые назначения, что вызовет безусловное ухудшение положения как на фронте, так и в тылу. Если сможете повлиять, то рекомендуйте до приезда в Крым и до личных переговоров со Слащовым ничего не предпринимать, иначе нужно ожидать развала и общей гибели. Надо помнить, что фронт держится Слащовым, войска его любят и ему лишь одному верят, а вся мерзость тыла его лишь одного боится.

Отношение к вашей Добровольческой армии и к главному (Деникину.— *А. К.*) почти во всех слоях отрицательно: высшее офицерство боится, что с прибытием частей генерала Кутепова естественно произойдет двоевластие.

Опасаемся заразы, которую может занести усталое и недовольное офицерство. Боимся, что «орловщина» быстро пополнится в

тылу свои ряды недовольными прибывшими. Опасаемся, что среди прибывших окажутся лица, которые пожелают здесь делать старую политику, что может погубить зачатки объединения всех отрядов партизан Украины, действующих ныне против большевиков.

В тылу (Севастополь, Ялта, Керчь и проч.), как всегда, мерзость: паника, спекуляция и политические сплетни, деление на партии, ссоры, доносы и дрязги, хуже всего, что вся эта мразь ждет вашего приезда, чтобы полезть с бесчисленными проектами, доносами, жалобами и т. д.

Общий вывод:

1. Слащовым держится фронт и тыл. Фронт будет до тех пор держаться, пока он единолично будет стоять во главе войск.

2. Отношение к приходящей Добровольческой армии вообще отрицательно.

3 .Общество и офицерство с тревогой следят за тем, что должно произойти в течение двух-трех недель (перемены начальствующих лиц, курса политики и т. д.).

Общее состояние: беспокойно-выжидательное. Большевики готовы при первых же промахах к активным действиям.

Подписал: Полковник Нога

Положение было тревожно.

Далекая еще гроза, казалось, собиралась прорваться со всей силой необузданной стихии. Напряжение росло, и результатом явился, вызванный полным упадком духа и желанием от всего отвязаться, приказ генерала Деникина № 004247 о знаменитом генеральском совдепе 21 марта 1920 г. Вот он.

Предлагаю прибыть к вечеру 21 марта в Севастополь на заседание Военного совета под председательством генерала от кавалерии Драгомирова для избрания преемника Главнокомандующего ВСЮР. Состав совета: командиры Добровольческого и Крымского корпусов, их начальники дивизий, из числа командиров бригад и полков — половина. От Крымского корпуса по боевой обстановке норма может быть уменьшена. Коменданты крепостей, командующий флотом, его начальник штаба, начальник морского управления, четыре старших строевых начальника флота. Из Донского корпуса генералы Сидорин и Келчевский и шесть лиц из состава генералов и командиров полка. Из штаба Главкома начальник штаба и дежурный генерал, начальник военного управления. Генералы Врангель, Улагай, Богаевский, Шиллинг, Покровский, Боровский, Ефимов, Юзефович и Топорков. Феодосия, 20-го марта 1920 г. № 004247. Деникин.

Сильно удивил меня этот приказ, и я в состоянии был ответить только так:

Генералу Деникину на № 004247. Ввиду серьезности вопроса, который отразится на всем положении дел, и чтобы я не оказался виновным перед Родиной и чинами своего корпуса, беру на себя смелость доложить, что считаю возможным назначение преемника только Вами, т. к. выборное начало в моей голове не укладывается. Льщу себя надеждой, что Ваше Превосходительство поймете честность моих побуждений, вызвавших эту телеграмму. Жду срочного ответа. Джанкой, 20 марта 1920 г. № 554. Слащов.

Мне все же приказали ехать...

Повторное приказание я, как солдат, исполнил и 21 марта вечером из Джанкоя прибыл в Севастополь.

Впечатление безотрадное.

Генерал Драгомиров не знает, что ему делать, и за всеми ответами обещает обращаться к генералу Деникину. Добровольческий корпус во главе с генералом Кутеповым и Витковским провозглашает «ура» генералу Деникину.

Мне пришлось встать и спросить: «Чему мы служим — делу или лицам?»

И повторить: «Я выборного начала не признаю».

На это генерал Драгомиров спросил меня:

«Что же вы не исполняете приказа главнокомандующего? Это не выборы, а Военный совет, который только укажет главкому желательную фамилию кандидата».

Я на это ответил: «Приказ главкома исполнил и прибыл сюда. Законы не изменены, и Военный совет составляется из старшего начальника (Деникина), который его собирает (и сам должен председательствовать), и непосредственно подчиненных ему начальников, а я тут вижу — до командиров полков включительно. Крымский корпус за то, что он обороняет Крым, выставляет три человека. Донской — шесть, а Добровольческий — тридцать».

Меня поддержали сначала генерал Сидорин, а потом Улагай и Боровский.

Генерал Драгомиров возразил, что он попросит генерала Деникина приравнять крымских представителей к остальным.

На это я ответил, что сказал все, что мог, в выборах Крымский корпус участвовать не будет, у меня на фронте бой, и я, исполнив приказ, дольше оставаться не могу. Уехал и к рассвету 22 марта был в бою.

Глава I

ПЕРИОД С 23 МАРТА ПО 25 ИЮЛЯ

Генерал Врангель приказом генерала Деникина был назначен главнокомандующим. Я немедленно с моими юнкерами и моим конвоем явился в Севастополь и лично командовал парадом при встрече генерала Вран-

геля, чтобы подчеркнуть мое полное сочувствие происшедшему событию. Видимо, для этой же цели генерал Врангель, как благодарность корпусу, удерживающему Крым, произвел меня в генерал-лейтенанты, а начальника штаба полковника Дубяго — в генерал-майоры.

Дело как будто бы шло хорошо.

Но это только так казалось, ибо сейчас же дальше начались домашние счеты. Переварить того, что кто-то исполнил свой долг и выполнил свою задачу, не могли.

Пошли интриги: задерживали закон о земле; старались под благовидным предлогом убрать коренных защитников Крыма, чтобы дать место многочисленным заштатным; Крымский корпус предложено было переименовать во второй (исполнено); про меня стали распускать слухи, что я заядлый кокаинист и пьяница, всегда находящийся под наркозом.

Я не выдержал и 5 апреля подал рапорт за № 021.

Секретно в собственные руки
Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России.

Рапорт

I. Мне известно, что многочисленные штабы бывшего Главнокомандующего и командвойска[2] не вполне уясняют себе сложность переживаемого времени, не понимают современного курса политики и условий новой работы. Замечается перегруженность канцелярий, многочисленность проектов, комиссий, предположений о полной ломке всего того, что может быть и худо, но способствовало удержанию Крыма (внешне и внутренне).

Все это сказалось:

1) Печать, идущая на помощь фронту, остается без бумаги либо болтается из стороны в сторону;

2) Интриги вызывают самые дикие слухи, а причиной этому — нежелание некоторых лиц, делающих вид, что хотят создать что-то новое, расстаться со старыми местами. (Разрушается моя контрразведка, намечаются новые газеты, когда не хватает бумаги для старых, а мне не высылают орудий и автомобилей.)

Интриги на маленькой территории Крыма невероятно растут. Борьба идет с коренными защитниками фронта до меня включительно, вторгаясь даже в мою частную жизнь (спирт, кокаин).

II. Сейчас в вашем штабе остались лица керенского направления с добавлением невероятного себялюбия, к этому присоединяются карьеризм и переменчивость взглядов некоторых старших начальников.

1) Утверждаю, что генералы Кутепов и Витковский на Военном совете (уход генерала Деникина) во всеуслышание в присутствии командиров полков заявили, что если генерал Деникин уйдет, то они служить не смогут, и провозгласили ему «ура». Это заявление и «ура» на заседании государственной важности было настолько возмутительным, что я считал своим долгом встать и спросить: «Чему мы служим — Родине или лицам». Ответа не было. Сорвав заседание, я приказал отцепить вагон генерала Кутепова

от своего поезда. (Войск и пулеметов около вагона заседания и моего вагона было так много, что противник испугался бы.)

2) Генерал Махров и полковник Коновалов портят все дело и подрывают обаяние Вашего имени проведением на государственные должности «лиц», подобных Оболенскому. От Вашего имени посылают телеграммы о возложении всей ответственности за предпринятый мною бой на меня, чем могли бы сорвать операцию. Бронепоезда задерживаются в тылу, мои настойчивые требования не исполняются, а сегодня их прислали без паровозов. Сменяются лица, работавшие на совесть в тылу для фронта (доктор Вейс). Отменяются отданные мною приказания (комиссии осмотра тыла № 5464), чем подрываются нервы, и так натянутые у всех фронтовых до меня включительно. (Ведь комиссия была создана по просьбе фронтовых — отменил доктор Артемьев.)

III. Для спасения Родины и по долгу службы настойчиво осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Превосходительством:

1) Пресечь попытки разных лиц и партий провести у меня на фронте перемену личного состава, работой которого я был доволен.

2) Поддержать старую печать (по Вашему указанию). Открывающиеся новые газеты вызовут осложнения.

3) Объявить себя Диктатором (неограниченным Правителем) без флера, а ясно для всех (для народа).

4) Дать немедленно крестьянам землю (за плату хлебом), а рабочим хлеб за труд.

5) Под благовидным предлогом устранить генералов Кутепова, Витковского, Махрова, полковника Коновалова, доктора Артемьева хотя бы на должности, где интриги их будут бессильны.

6) Вернуть доктора Вейса на пользу фронта.

IV. Я взял на себя смелость подать Вам этот рапорт, потому что не могу работать в создавшейся обстановке, ведь на телеграмму генерала Деникина я ответил донесением, что оборону Крыма ставлю для себя вопросом не только долга, но и чести.

Слово свое сдержал.

Честь свою сохранил и я тогда, когда уходил генерал Деникин. Вы это знаете.

Но сейчас, если не изменится обстановка, ручаться за фронт не могу. Интриги разложат фронт.

Поэтому умоляю при Вашем несогласии с моим докладом снять с меня ответственность за оборону Крыма, так как уйти из армии в тяжелый момент не могу, назначьте меня туда, куда найдете нужным, хотя бы рядовым, и я сделаю все, чтобы не повредить делу и не запятнать своей чести.

Прошу этому верить.

V. Подаю этот рапорт Вам, в собственные руки, но ходатайствую, если найдете нужным, прочесть лицам по Вашему усмотрению.

Слащов

Единственным ответом на рапорт была следующая телеграмма главкома:

«Приказ о земельной реформе в том духе, как вы высказываете пожелание, приготовляется и будет опубликован на днях. Врангель».

В то же время я просил наградить корпус особым крестом за защиту Крыма, послав главкому такое письмо:

В собственные руки.

Милостивый государь, Петр Николаевич!

Посылаю Вам ряд бумаг, которые прошу для пользы дела утвердить теперь же, в особенности — рапорт о кресте. Не откажите приказать сообщить мне Ваше заключение по моему вчерашнему рапорту и личному докладу Вам. Узнал, что у Вас была делегация союзников, очень прошу Вашей ориентировки по этому вопросу.

Все донесения указывают, что противник опять покушается на нас и густо идет от Мелитополя и Каховки (Днепр). Еду в Перекоп и устрою ему неприятность. Вас прошу оказать мне нравственную поддержку исполнением моих просьб.

Глубоко уважающий Вас и всегда исполняющий Ваш приказ

Я. Слащов

Ничего исполнено не было, а дана была бляха на шапку (вроде как у городовых в старое время)[3].

На фронте обстановка опять становилась тревожной, но Крымский корпус вторично исполнил свой долг, хотя и насчитывал всего около 3000 человек. Апрельская атака красных по всему фронту кончилась нашей победой: видя тяжелое положение, атаковали мы сами.

Взяты были даже позиции противника.

Доблесть войска спасла все.

Среди наших потерь числились: убитым мой адъютант ротмистр Шебеко и ранена моя жена (ординарец Нечволодов).

Политическая обстановка тоже разъяснилась, и после моего настойчивого заявления о том, что слухи о возможном перемирии разлагают фронт, генерал Врангель нашел возможным отдать приказ о незаключении мира.

Я ответил на это приказом:

Главком приказал оповестить всех, что хотя англичанами и был предъявлен большевикам ультиматум о мирных переговорах, но ввиду новых данных борьба продолжается и в условиях, для нас самых благоприятных. Одна из великих держав заявила, что ни в какие разговоры с большевиками вступать нельзя. Япония начала энергичные наступления своей армией против войск и заняла уже Владивосток, Никольск-Уссурийский и Хабаровск; наступление продолжается, причем главком имеет официальное уведомление Японии, что она ни к каким территориальным завоеваниям не стремится, а ведет борьбу исключительно с большевиками лишь как с шайкой грабителей, не дающей России зажить мирной жизнью.

Глубоко уважая и веря Главкому, ставящему Родину выше всего, и облеченный его доверием, требую: выдавать каждого преступника, пропагандирующего большевизм. Думаю, что Вы знаете, что как защитить, так и покарать я сумею. Дисциплину ввести самую строгую. Офицерство поближе с солдатом. Ослушники, берегись! № 0236. Джанкой, 13 апреля.

Слащов

А интриги и сплетни продолжались. Ставка продолжала интриговать против защитников Крыма. Думали не о том, чтобы спасти положение, а о том, чтобы устроить себя, своих близких, своих ставленников и устроить свои интересы — до корыстных включительно.

Личность генерала Врангеля стала вполне ясна: он не мог терпеть около себя людей с собственной волей и приближал льстецов, не говорящих неприятностей. Точно так же он не мог терпеть и ореола популярности около кого бы то ни было, кроме себя. Это он точно формулировал уже накануне падения Крыма словами:

«Пусть будет ремесленник и ограниченный человек, но положительный, от которого я, по крайней мере, знаю, что ожидать».

Я все еще пробовал и бороться, и надеяться, что любовь к Родине возьмет верх, и 21 апреля подал такой рапорт:

КОМАНДИР
2-го армейского корпуса
генерал-лейтенант
СЛАЩОВ
21 апреля 1920 г.
№ 04893
Ст. Джанкой

Главнокомандующему ВСЮР

Рапорт

1. Представляю при сем копии: а) приказ № 3014 и б) переговоры мои по Юзу[4] со Ставкой в ночь с 20—21 апреля.

2. Доношу, что мне необходимо было Вас видеть немедленно для доклада по вопросам: а) внешней политики, б) внутренней политики (крупная группа Вами недовольна и пока глухо, но уже довольно ясно подъезжает ко мне, настраивая на переворот против Вас), в) административным и г) мелким военным.

3) Все это требовало спешного разрешения.

4. Меня до Вас не допускают и стараются оскорбить телеграммами от Вашего имени.

5. Служба при таких условиях для меня невыносима.

6. Прошу верить, что поступлю согласно Вашего приказа и указаний, и если мое увольнение Вами нежелательно, то могу заболеть. Единственная моя просьба — не высылать меня из Крыма и дать возможность в будущем работать там, где найдете нужным, но в России.

7. Несмотря на секретность (печатает личный адъютант), подача рапорта и прочтение его Вами другим лицам, по Вашему усмотрению, с моей стороны вызовет только благодарность.

Генерал-лейтенант Слащов

События шли, и я видел, что, если мы вовремя не атакуем большевиков, они атакуют нас сами; кроме того, при большом скоплении наших войск у нас не будет хлеба, раз мы останемся в Крыму. Поэтому я настаивал на десантной операции, чтобы взять Мелитополь.

Разработанный подробный план был вручен главкому.

Ставка затягивала дело.

Этим вызваны были следующие мои телеграммы:

Телеграфные донесения Главкому

Срочно вне очереди

1. Мне необходимо 27-го сделать доклад Вам при Комфлоте. Прошу: 1) разрешения выехать этой ночью и 2) указать час для моего доклада. 17 часов 26. IV, 20. Джанкой, № 102-С. Слащов.

2. Жду ответа, когда я могу видеть Главкома для оперативного доклада, но обязательно в присутствии Комфлота. 27 апреля 1920 г. 10 ч. Джанкой. № 103-С. Слащов.

3. В дополнение к докладу 28-го апреля. Прибыл в Джанкой. Обстановка диктует мне доложить Вам «скорее». 29-го апреля. 11 часов. Джанкой. № 111-С. Слащов.

Не добившись результатов и видя преступную работу Ставки, я подал рапорт о своей отставке:

КОМАНДИР
Крымского корпуса
№ 154/с
16 мая 1920 г.
г. Симферополь

Верховному Правителю

Рапорт

Сознавая неудовлетворительность моей работы при создавшейся обстановке, ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством об увольнении меня в отставку. Если найдете возможным, то прошу о назначении рядовым в одну из конных частей (раненая нога служить в пехоте не позволяет).

Слащов

Рапорт был отклонен, решена была десантная операция, и 25 мая я с потерею одного человека и двух лошадей высадился у Кирилловки со всем корпусом и, двинувшись в тыл противника, занял Мелитополь.

Военный корреспондент газеты «Заря России» так описывает эту мою операцию:

Историческая заметка

Время перевалило за полночь. Щедрая луна, не жалея, наделяла залив и город ласково-мягким матовым светом. Город уже спал: ни на бульваре, ни на улицах никого не было, да и не могло быть, так как приказ позволял хождение по улицам только до 11 часов...

Некому было пользоваться прекрасной майской ночью и югом. Тяжелое время гражданской войны, мысли всех людей, кроме «некоторых», строящих свое счастье на несчастье людей, были направлены исключительно в сторону желудка. Изголодавшиеся и напуганные большевистскими бомбометателями с аэропланов, большая часть керчан охотно предпочитали сон поэзии ночи.

Вдоль набережной глубоко вдающегося в полуостров залива стоял без паров и огней, обреченный условиями времени на без-

работницу, целый ряд шаланд землечерпательного каравана. Их мрачные, особенно при лунном свете, силуэты казались еще мрачнее от сравнения их с военными судами, окружавшими широкий мол. По обыкновению освещенные и всегда проявляющие жизнь военные суда сегодня после полуночи особенно оживились. Все они стояли под парами, и на палубах их шла авральная работа. Было ясно, что суда эти готовятся к выходу в море. Поговаривали о предстоящей большой военно-морской операции. По невидимому для неопытного глаза сигналу с флагманского судна огни были потушены и, снявшись с якоря, первый корабль пошел по каналу к выходу из залива, где стоял на якоре, как дозорное судно, броненосец «Ростислав». За первым пошел второй, третий, и, наконец, весь второй отряд Черноморского флота, вытянувшись в кильватер, бесшумно пошел по каналу. Не доходя до «Ростислава», суда поворачивали на север и, как загадочные тени, скрывались в матовой лунной дали за Еникальским мысом. Солнце еще не разгорелось настолько, чтобы затмить своим светом бледнеющую луну, когда отряд уже стоял на якоре в маленькой бухточке у мыса Хрони. Живописный скалистый берег его местами был покрыт пятнами, возделанными жителями расположенных на нем чистеньких хуторов. По приказанию, переданному по семафору с флагманского корабля, один из катеров, сопровождавших отряд, обошел все суда, взял артельщиков и отправился на берег за покупкой молочных продуктов. Он вернулся ни с чем, хуторяне не соблазнились кредитками и выразили согласие дать масло и молоко в обмен на сахар, которого, конечно, для этой цели на судах не было. До вечера отряд простоял у мыса Хрони.

Вероятно, на всех кораблях, подобно нашему, экипажи в течение всего дня были заняты разговорами о предстоящей десантной операции, хотя никому еще не были известны ни действующие лица ее, ни место, где она будет происходить. Ожидали, что этой ночью из Феодосии в Азовское море должны прибыть суда с десантом большой численности и что этот десант будет высажен под городом Мариуполем. В 10 часов вечера флагманский корабль, каковым являлся в это время вооруженный ледокол № 1, так как на нем был и. д. (исполняющий) должность. — *А. К.*) начальника отряда капитан 2-го ранга фон Рейер, снялся с якоря и пошел к Керченскому проливу. За ним в кильватер шли канонерские лодки. До раннего утра с севера на юг и обратно, у Керченского пролива крейсировал боевой отряд, пока не заметил вышедших из пролива судов. Эти суда взяли курс вдоль Керченского полуострова на север. Флагманский корабль, а за ним и весь отряд полным ходом стали догонять уходившую флотилию. Каждые 15 минут наблюдения насчитывалось все большее и большее число судов, шедших, как оказалось, с десантом.

2-й отряд Черноморского флота, на который возлагалось прикрытие десанта при высадке его на берег, скоро влился в флотилию и по ее почину встал на якорь в открытом море. Прибывшие суда пришли с Начальником всего отряда Черноморского флота капитаном 1-го ранга Машуковым, брейд-вымпел которого развевался на «Гайдамаке». Таким образом, командование всей флотилией, насчитывавшей теперь вместе с вошедшими в нее боевыми судами до 40 кораблей, находилось в опытных руках испытанного в боях моряка — Начальника 2-го отряда судов Черноморского флота капитана 1-го ранга Машукова. Под его наблюдением и руководством должна была пройти вся десантная операция.

В 12 часов с флагманского корабля был дан выстрел. Это был сигнал — «через час быть готовым к походу». По прошествии часа были даны еще «два выстрела». По этому сигналу надлежало немедленно всем, снявшись с якоря, идти по курсу, заданному Адмиралом, и вскрыть секретные пакеты, до того времени хранившие в себе глубокую тайну о предстоящем походе.

Первым снялось разведывательное судно «Мария» и пошло по указанному ему направлению.

Остальные суда пошли в трех кильватерных колоннах[5], имея в середине 2-й отряд судов Черноморского флота. В 4 часа дня на вооруженном ледоколе № 1 капитан 2-го ранга фон Рейер отдал приказание офицерам и матросам построиться на полубаке. С мостика он обратился к своему экипажу с краткой прочувственной речью, в которой постарался познакомить его с настоящим кошмарным положением России. Затем он объяснил возложенную на отряд задачу и прочел секретные пакеты.

Теперь ни для кого не было тайной, что десант состоял из славного корпуса генерала Слащова и что он, этот русский солдат, эта надежда и гордость всех честных русских людей, горячо преданных Родине, находится на транспорте «Россия». Генерал Слащов принял на себя исполнение святого подвига высадиться со своим корпусом в Азовском море между дер. Кирилловкой и Степановкой и начать трудное дело освобождения страдалицы России от коммунистического ига.

Да поможет ему Бог — можно было прочесть в глазах матросов и офицеров вооруженного ледокола, прокричавших «ура» генералу Слащову и его корпусу, когда капитан 2-го ранга фон Рейер кончил свою речь. Непоколебимая в своем упорном желании выполнить возложенную на нее трудную и ответственную задачу, флотилия, несмотря на все увеличивающийся шторм, продолжала путь к месту, откуда должно было начаться спасение исстрадавшейся Родины.

Молчаливы и серьезны матросы, еще более серьезен состав славного корпуса. Казалось, что это святое молчание отразилось и на кораблях, тихо следовавших к одной общей цели, с легким, против обыкновения, покачиванием по взволнованному морю.

По мере продвижения флотилии ветер крепчал и с наступлением темноты вылился в характерный шторм Азовского моря, отличающегося свойственной ему одному особенной неровностью волны. Чуть-чуть забрезжил свет в 4 часа по новейшему (перед началом военной операции по выходу в Северную Таврию во врангелевской армии в целях внезапности время было передвинуто на два часа вперед. — *А. К.*), когда с флагманского корабля было передано по ратьеру: «Вижу берег — стоп машина» — и флотилия остановилась. Из трех походных кильватерных колонн суда начали перестраиваться для высадки десанта на берег. Когда достаточно рассвело, ясно обрисовалась вся в зелени дер. Кирилловка, от которой в сторону дер. Степановки тянулась узкая песчаная коса, отделявшая Азовское море от Молочного озера, расположенного между этими деревнями.

Высадка десанта должна была произойти под дер. Кирилловкой у начала песчаной косы. Против этого места, в близком расстоянии от берега, заняли позиции боевые корабли 2-го отряда Черноморского флота: «Грозный», «Алтай» и «Урал»; они прикрывали высадку десанта с левой стороны, с правой же, т. е. со стороны дер. Степановки, эту задачу выполняли «Страж» и воору-

женный ледокол № 1, который, кроме того, держал связь со всеми судами флотилии и время от времени крейсировал по всему обороняемому участку. Маленький «Азовец», бывший «Республиканец», взятый на абордаж при ночном набеге на Мариуполь и вооруженный двумя 47 мм пушками Бочкиса, держался в непосредственной близости от места высадки. Флагманский корабль «Гайдамак», на котором был руководивший десантной операцией Начальник 2-го отряда Черноморского флота капитан 1-го ранга Машуков, подошел к берегу, насколько позволяла осадка корабля. Суда же с десантом встали в море далеко от берега. Спустили шлюпки. Они должны были принимать буксиры от баржи балиндоров[6], которые подводились к берегу катерами. Матросы зачастую по горло в воде заносили буксиры на берег, где закрепляли их за забиваемые в песок мертвецы и колы. Трудность и опасность этой работы при наличии крепкого шторма была несомненна, шлюпки часто переворачивались. Даже катера, подвозившие баржи к берегу, с трудом боролись с прибойной волной, каждый раз рискуя быть выброшенными на берег.

Баржи подводились катерами к берегу настолько, насколько было возможно, и затем прибойная волна пододвигала их к берегу, разбиваясь от ударов в борт в мириады мелких, разлетавшихся во все стороны брызг. Люди, лошади, орудия и повозки достигали песчаной косы по воде. Нередко набежавшая волна совершенно накрывала их. Войска выходили на берег мокрыми с ног до головы.

С каждым часом песчаная коса все гуще и гуще покрывалась высаживаемым десантом. Трудная и, может быть, даже невозможная для простого смертного высадка десанта во время крепкого шторма в руках искусного моряка проходила спокойно и спешно. Спокойно и безропотно выносили тягости ее герои обороны Крыма со святым заветом в сердце очистить Россию от коммунистической нечисти.

Из высаженного десанта отделились 10 всадников и направились в дер. Кирилловку. Еще полчаса — и за ними на рысях ушел туда же целый кавалерийский отряд. До 2000 штыков выстроились в походную колонну и твердым и уверенным в своей правоте шагом пошли за скрывшейся кавалерией.

Полил дождь, продолжавшийся до полудня, а войска все высаживались и высаживались. Когда дождь прошел и небо прояснилось, появился неприятельский аэроплан, выбросивший в воду 7 бомб, но никто не обратил на него должного внимания, кроме «Алтая», обстрелявшего его из зенитного орудия. К вечеру шторм стал стихать и к утру наступившего дня совершенно стих.

Ясное жаркое солнце торопливо принялось сушить промокшую землю и людей, занятых на песчаной косе приведением в порядок своей промокшей амуниции.

Внезапно высаженные войска на косе засуетились и начали спешно выстраиваться. К берегу по гладкому, как зеркало, морю подходили две шлюпки. В одной из них стоял рослый конвоец и держал в руках флаг, в этой шлюпке сидел генерал, а в другой находился его штаб. Когда генерал вышел на берег, то войска уже были выстроены и стояли смирно.

«Здорово, братья!» — пронесся громкий голос генерала Слащова по замершим войскам.

«Здравия желаем Ваше... дительство».

«Благодарю Вас за работу Родине».

«Рады стараться Ваше... дительство».

Генерал сел на поданного ему коня и, сопровождаемый немногочисленной свитой, поскакал туда, куда влекла его неведомая сила. А за ним, свернувшись походными колоннами, уходили лучшие сыны выплакавшей все слезы «Матушки России».

К вечеру на ясном небосклоне далеко-далеко от моря обрисовывались белые дымки рвущейся неприятельской шрапнели, а вправо от них был едва заметен неприятельский змейковый аэростат. К морю слабо доносилась отдаленная артиллерийская канонада.

Это генерал Слащов со своими богатырями под неприятельскими выстрелами пробивается к Мелитополю.

«Да поможет ему Бог»[7].

Северная Таврия стала нашей.

Взяв Мелитополь, 2-й (Крымский) корпус пошел к северу и северо-востоку. Противник контратаками пытался создать тяжелое положение для корпуса, но части доблестного 1-го (Добровольческого.— *А. К.*) корпуса помогли, и вот красные снова разбиты.

Июль принес новые испытания.

В то время как доблестные донцы отбивали атаку за атакой превосходных сил противника между морем и Большим Токмаком, значительные силы красной конницы под командой Жлобы от ст. Пологи прорвались в направлении на Мелитополь.

В помощь моему корпусу двинуты были части 1-го корпуса.

Ставка колебалась.

Генерал Коновалов телеграфирует мне: «Движение противника на Мелитополь угрожает Вашему тылу».

Я отвечаю: «Ну что же, я буду продолжать свою операцию».

На это — новый запрос генерала Коновалова: «Но ведь, двигаясь на Мелитополь, Жлоба отрежет Вам тыл».

Отвечаю: «Ну что же, противник на Мелитополь, а я — на Пологи (без красных)».

Жлоба загоняется частями донцов, 1-го корпуса и генерала Андгуладзе и сбивается в кучу. Наши части с юга его не находят.

Генерал Коновалов будит ночью генерала Врангеля и докладывает ему, что надо остановить операцию, так как противник ушел.

По счастью, единственный раз генерал Врангель не доверил Коновалову и приказал продолжать движение.

Конница Жлобы погибла.

После этого части 2-го корпуса были переброшены на Днепровский фронт, а интриги продолжались...

Так описывает операцию по овладению Северной Таврией беспристрастный зритель.

Другого мнения о ней или, во всяком случае, о моей в ней роли и роли моего 2-го корпуса был главком.

Когда он приехал в Мелитополь, я попросил у него наград для своего корпуса.

— Но за что же,— спросил главком,— вы даже и потерь не понесли. Вот 1-й и 3-й корпуса понесли потери, а у вас их нет. За что же награждать?

Главком был прав: потери мои исчислялись — 40 человек убитых и раненых, 1 вольноопределяющийся утонул и 2 лошади пропали.

Я осмелился ответить, что отсутствие потерь — это достоинство полководца, но ответ мой повис в воздухе...

Из частей моего корпуса ни одна наград не получила.

Глава II

КАХОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ (С 25 ИЮЛЯ ПО 2 АВГУСТА)

(см. карту)

Когда хотят очернить меня как солдата, когда хотят в чем-нибудь обвинить меня, то неизменно тычут пальцем на Каховскую операцию, которая якобы проиграна именно мною.

Я печатаю здесь дневник этой операции.

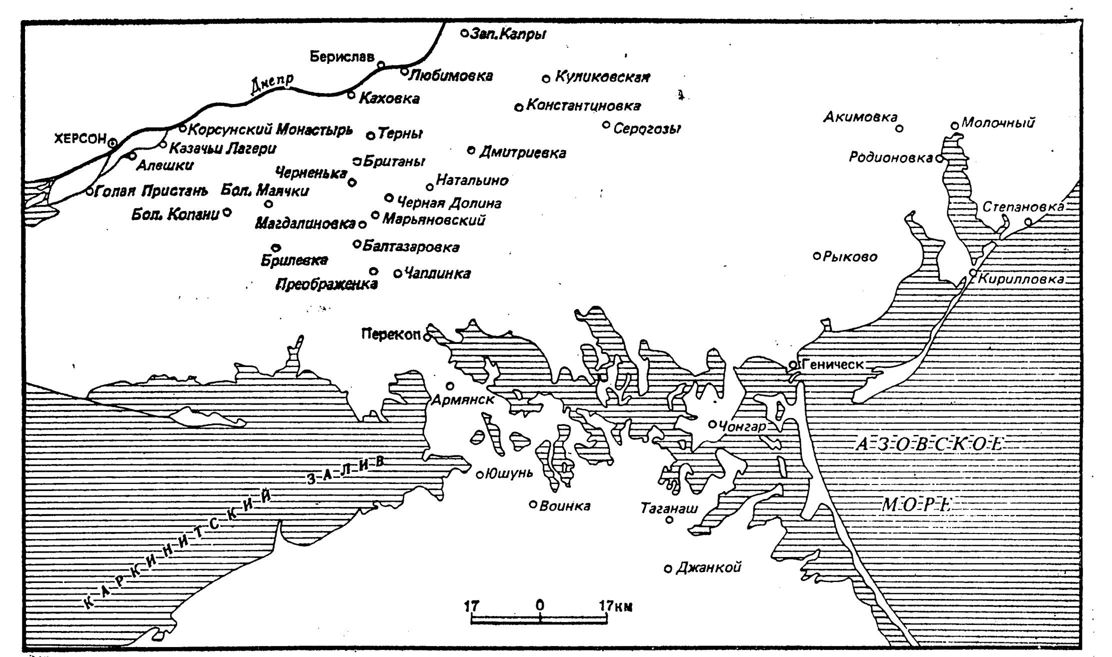
Из него видно, что не я руководил операцией, не я был ее хозяином, а Ставка, которая, сидя в Севастополе, диктовала мне свои приказы, не давая мне в руки власть самому распорядиться и всегда мешая моим планам...

25 июля

В ночь с 24 на 25 июля началась одновременная переправа красных у Каховки, Корсунского Монастыря и Алешек.

Воздушной разведкой выяснилось, что наибольшее скопление красных и сосредоточение плавучих средств было у Корсунского Монастыря.

Около 14 часов закончилось исправление моста у Каховки. К 17 часам переправилось до 2000 человек

Каховская операция (с 25 июля по 2 августа)

красной пехоты с артиллерией и броневиками и началось наступление на фронте Любимовка — Терны. К 18 часам Терны уже заняты красными, а части нашей 13-й дивизии отходят в район Любимовки. К 19 часам 13-я дивизия от Любимовки переходит в наступление на Каховку. Благодаря фланговому артиллерийскому огню с правого берега и автоброневикам успеха не достигла. Наши технические средства — один броневик, у противника — 5.

От Корсунского Монастыря шло наступление на Большие Маячки. Туда брошена бригада 34-й дивизии с заданием: охватывая правый фланг красных, отрезать их от Корсунского Монастыря. 13-й дивизии приказано содействовать этому (приказание № 584-Ш).

У Алешек батальон феодосийцев[8] отбросил передовые части красных.

Начальнику сводно-конной бригады приказано передвинуть из Рубановки две с половиной конных сотни с двумя орудиями на Дмитриевку.

Для обеспечения левого фланга и приобретения свободы маневрирования я прошу главкома немедленно ввести наш флот в устье Днепра (№ 59-П).

Для того чтобы 13-я дивизия не была отрезана от корпуса и для прикрытия Чаплинского направления ей приказано до рассвета 26 июля совершить фланговый марш и сосредоточить дивизию в район Могила — Высокая—Каменный Колодезь (№ 585—Ш).

Расположение частей к вечеру 25 июля: 13-я дивизия у Любимовки, 2-я бригада 34-й дивизии ведет бой у Корсунского Монастыря и Британы, 1-я бригада той же дивизии находится в районе Казачьи Лагери — Алешки — Голая Пристань. 8-й кавалерийский полк — корпусный резерв — передвинут в Черненьку.

Сведения о противнике: Каховская группа — мост исправлен, и переправилось до 2000 человек пехоты. Особого сосредоточения у Бериславки не замечено. У Корсунского Монастыря идет усиленная переправа всей 15-й стрелковой дивизии на баржах и пароходах. У Алешек переправилось до 1000 человек пехоты.

Придавая большое значение Каховскому направлению, я приказал 13-й дивизии не позже 20 часов 25 июля уничтожить переправившегося противника у Каховки. Бросить еще какие-либо силы на Каховку не представлялось возможным, так как бригада 34-й дивизии вела бой с крупными силами красных, наступа-

ющих от Корсунского Монастыря на Большие Маячки. Ночная атака 13-й дивизии успехом не увенчалась, и ее начальник по этому поводу донес: «В сегодняшнем бою участвовали все части дивизии одновременно и одновременной атакой с востока и юга дивизии удалось ворваться в Малую Каховку. Контратакой больших масс противника при поддержке 5 броневых машин, с охватом конницей нашего левого фланга, дивизия было потеснена, понеся большие потери, и, несмотря на личное участие моего штаба, всех командиров полков, части дивизии удалось остановить лишь у дер. Любимовки. Дивизия понесла тяжелые потери, не менее половины состава. Считаю своим долгом доложить, что боеспособность частей значительно понизилась. В случае нового налета конницы с броневиками, при отсутствии у меня конницы, за благоприятный исход ручаться нельзя» (№ 03092).

Таким образом, первый удар переправившимся красным закончился неудачей благодаря огромному превосходству сил и технических средств противника.

На 26 июля приказано (№ 453-Н): 1) 13-й дивизии в 7 часов атаковать Каховку; 2) бригаде 34-й дивизии — Корсунский Монастырь; 3) Туземному дивизиону — перейти в Лукьяновку; 4) 8-му кавалерийскому полку — в Черненьку.

26 июля

Ночь прошла спокойно.

13-я дивизия, совершив после тяжелого боя тридцативерстный фланговый переход, к утру прикрыла Чаплинское направление. 34-я дивизия продолжает наступление на Британы и Корсунский Монастырь. Красные оказывают упорное сопротивление, стремясь охватить благодаря своему численному превосходству наши фланги (донесение № 1037-0). Разъезды красных направлялись от Любимовки на Дмитриевку. Большие силы красных обнаружены у мостовой переправы у Бериславля, передовые части — у хутора Терны. У Алешек ведут бои два батальона 133-го и 134-го пех. полков (донесение № 1038-0).

Разведкой и пленным установлено, что Каховскую группу красных составляют Латышская, 52-я и условно 13-я дивизия[9] с 5 броневиками и до 400 кавалеристов; переправа красных у Корсунского Монасты-

ря значительно уменьшилась; у Корсунского Монастыря идет бой.

Генкварглав[10] в разговоре с начальником моего штаба сообщил о направлении к нам конного корпуса (генерала Барбовича.— *А. К.*), который 28 июля должен сосредоточиться в районе Серогоз, а 29 или 30 уже сможет вступить в бой. В результате двух атак 34-й дивизии Корсунский Монастырь взят нами; захвачено свыше 400 пленных. 1-я и 2-я бригады 15-й дивизии красных понесли значительные поражения. 3-я бригада (красных) отошла на Британы. Против нашей 13-й дивизии красные под вечер перешли в наступление тремя полками (донесение № 1042-0).

Имея в виду возможно скорее разделаться с красными у Корсунского Монастыря и сосредоточить все силы против Каховской группы, я приказал начальнику 34-й дивизии по ликвидации красных оттянуть бригаду в Большие Маячки, оставив у монастыря один лишь батальон.

Расположение к 24 часам: 1) 13-я дивизия в районе Могила — Высокая — Каменный Колодезь, 2) 2-я бригада 34-й дивизии в районе Британы — Корсунский Монастырь, два батальона 133-го и 134-го полков у Раденское, один батальон 134-го полка — Голая Пристань; 8-й кавалерийский полк — Черненька, Туземный дивизион — Натальино (донесение № 1043-0).

Вечером отдано следующее распоряжение начальникам 13-й и 34-й дивизий (596-Ш):

«Боями и разведкой обнаружено, что противник решил нанести главный удар со стороны Каховки... 34-й дивизии с наступлением темноты 26 июля, оставив против Корсунского Монастыря симферопольцев[11] с батальоном феодосийцев и одной батареей, всю вторую бригаду сосредоточить к рассвету 27 июля в Черненьку. 13-й дивизии вести разведку и наблюдение за противником, не предпринимая изолированных выступлений». Таким образом, к вечеру 26 июля вполне выяснился план красных. Принято решение разбить Каховскую группу, и части корпуса принимают для этого соответствующее положение.

27 июля

В течение этого дня 13-я дивизия вела упорнейший бой с превосходными силами противника. Последние, закончив переправу у Каховки, повели наступление на широком фронте. До 14 часов 13-я дивизия отбила ряд атак, удерживаясь у Могилы—Высокой; 8-й кавалерийский полк, обеспечивая левый фланг 13-й дивизии, вел бой с колонной севернее Черненьки, где наступала пехота с двумя броневиками. В 15 часов обозначился глубокий обход правого фланга 13-й дивизии, произведенный красной бригадой 52-й дивизии с конным полком, которые вышли на Чаплинскую дорогу в тыл нашей 13-й дивизии, отрезав ей путь отхода. Благодаря контратаке 50-го [пехотного Белостокского] полка и содействию нашей артиллерии, стрелявшей на картечь, обходящая бригада красных была совершенно разбита и почти уничтожена.

Ввиду усиливающейся переправы у Алешек части наших 133-го [Симферопольского] и 134-го [Феодосийского пехотных] полков и отряд капитана 2-го ранга Рыкова начали отход на юго-юго-восток. В районе Британы и Корсунского Монастыря — небольшой бой.

Расположение к 24 часам: 13-я дивизия — в район Могила—Высокая—Каменный Колодезь; у Корсунского Монастыря — батальон 133-го полка, у Раденского — два батальона 133-го и 134-го полков с батареей. На Скадовск с отрядом капитана 2-го ранга Рыкова отходит батальон 134-го полка с батареей; 2-я бригада 34-й дивизии заканчивает сосредоточение в Большие Маячки, откуда должна перейти в Черненьки. 8-й кавалерийский полк — в Черненьки, Туземный дивизион — в Натальино.

Потери корпуса с 25 по 27 июля включительно около 500 человек. Взято пленных около 700 человек.

Сосредоточение красных: главные силы у Каховки с заслоном у Британы, вспомогательная группа продолжает переправу у Алешек.

К ночи 27—28-го Конный корпус сосредоточился в район Серогоз.

Телеграммой № 087542 начальник штаба главнокомандующего сообщает, что при настоящей обстановке на фронте Днепра главнокомандующий считает невыгодным вводить части генерала Барбовича в

дело, поэтому 28 июля части генерала Барбовича будут иметь дневку.

Дежурный по штабу передал, что, для того чтобы принять окончательное решение для направления удара конного корпуса, начальник штаба просит с утра 28-го произвести тщательную воздушную разведку в районах Каховка — Капры Западные — Дмитриевка — Черненька, выяснив, имеются ли у красных в районе Любимовка—Каховка окопы.

Таким образом, части 2-го корпуса три дня уже сдерживают превосходные силы красных, нанося им большие потери и сами ослабляя свой состав и теряя силы. Поэтому назначенная конному корпусу дневка вряд ли соответствовала обстановке, так как, во-первых, переправа красных уже закончена и, во-вторых, противник приступил к укреплению тэт-де-пона[12].

На 28 июля приказано (приказ № 044): 13-й дивизии, отойдя на ночь на линию Черной Долины, активно оборонять Чаплинское направление; 2-ю бригаду 34-й дивизии отвести в резерв в Преображенку. Части 133-го и 134-го полков оттянуть от Корсунского Монастыря и Казачьих Лагерей к хутору Марьяновскому, что в 6 верстах северо-восточнее Белоцерковки; для обеспечения левого фланга 13-й дивизии 8-му кав. полку перейти в Преображенку. Батальонам 133-го и 134-го полков продолжать прикрывать направление от Алешек на Большие Копаны и Скадовск.

Таким образом, по-прежнему почти весь корпус сосредоточен на главнейшем Каховском направлении и только три батальона и отряд Рыкова обеспечивают левый фланг.

28 июля

Отбив к 23 часам 27 июля все атаки красных, введших в бой свежие латышские части, 13-я дивизия около 24 часов начала отход из района Могилы—Высокой к Черной Долине. Отход благополучно закончен к 3 часам, и дивизия заняла одной бригадой позицию севернее Долины, другая — в резерве — хутор Балтазаровский. 34-я дивизия в течение ночи произвела перегруппировку, согласно приказу № 044.

Утренняя воздушная разведка сообщила: у Корсунского Монастыря большое оживление и вновь начавшаяся переправа на наш берег (до 1000 человек). Движение отсюда на запад и юго-запад.

С утра продолжались атаки красных на участок 13-й дивизии с фронта и обходом правого фланга конницей и пехотой по Журавлиной Балке. По Чаплинской дороге впереди шли 4 броневика, за ними кавалерия и дальше пехотные цепи. В 14 часов начались атаки. Дер. Черненька занята красными, выделившими отсюда части на Большие Маячки.

Общая группировка красных: в районе Дмитриевка—Каховка—Черненька—х. Зеленый — части 52-й Латышской дивизии, причем главные силы ведут наступление по Чаплинской дороге численностью до 1000 человек пехоты, 10 легких орудий, несколько тяжелых и 4 броневика. По обе стороны этой наступающей группы двигаются боковые и разведывательные отряды, от Каховки на Дмитриевку и далее в направлении на Круглое — около роты пехоты с кавалерией; в районе хутора Зеленого замечено сосредоточение значительных сил противника до 200 человек пехоты и около 400 конных двигаются на Самовку; от Каховки на Черненьку наступает полк пехоты и полк конницы с одним броневиком (до 600—700 человек); у Корсунского Монастыря продолжается переправа на наш берег до 800 человек 15-й красной стрелковой дивизии. В районе Алешек до 1000 человек красных (Херсонская группа), наступающих частью на Раденское, частью на Голую Пристань. Все атаки красных на 13-ю дивизию отбиты. Последняя атака была в 20 часов.

Расположение частей к 24 часам: бригада 13-й дивизии с дивизионом легкой артиллерии, 2 тяжелыми орудиями и броневиком — на позиции в 2 верстах севернее Черной Долины, по обе стороны Чаплинской дороги. В Натальино выслана сотня Туземного дивизиона. У х. Балтазаровского в резерве 2-я бригада 13-й дивизии с легкой батареей, полторы сотни Туземного дивизиона с двумя легкими орудиями и конный дивизион 13-й дивизии. В х. Марьяновском, что на дороге между Чаплинкой и Большие Маячки, обеспечивая левый фланг 13-й дивизии, 2 батальона 133-го и 134-го полков с батареей (отошедшие с участка Корсунский Монастырь — Казачьи Лагери). Для разведки района Черненька — Большие Маячки выслан один эскадрон с пулеметами от 8-го кавалерийского полка. В Раденском один батальон 133-го и один батальон 134-го полков; у Голландских хуторов отряд Рыкова.

Корпусный резерв — Преображенка — 2-я бригада 34-й дивизии и 8-й кавалерийский полк.

Боевой состав: 13-я дивизия — 1000 строевых, 50 пулеметов, 12 легких и 2 тяжелых орудия, 3 орудия Гочкиса, 64 сабли и один броневик, Туземного дивизиона — 200 сабель, 5 пулеметов, 2 орудия (70 процентов лошадей с набитыми спинами, отчего дивизион почти не боеспособен), 34-я дивизия — 1300 строевых, 80 пулеметов и 14 орудий.

К 4 часам по требованию Ставки для отдачи директивы были сообщены в Ставку все эти сведения, а также мое мнение в следующей телеграмме (№ 40136):

«Генквармглаву. На основании обстановки считаю необходимым:

1) До сумерек 29 июля разведке конной группы не переходить меридиана Дмитриевки.

2) С рассветом 30 июля всей конной группе выдвинуться на фронт Каховка — Каменный Колодезь.

3) Я с 2-м корпусом дальше параллели Магдалиновка не должен отходить.

4) С рассветом 30 июля должен атаковать впереди стоявшего противника с тем, чтобы направить часть сил на Большие Маячки, Корсунский Монастырь и по дороге Чаплинка—Алешки.

5) Позднее 30 июля производить операцию считаю вредным.так как противник отгадает наш план. Судя по перехваченным приказам, он уже предчувствует его. Слащов».

И действительно, по захваченному приказу было видно, что движение конного корпуса было обнаружено воздушной разведкой красных 27 июля на участке Веселое—Дека.

Вечером получена директива главкома № 007552 следующего содержания: «Каховская группа противника сегодня продолжала медленное продвижение на юг и юго-восток с целью создания группировки для перехода в решительное наступление.

Главком приказал:

1) Конной группе ген. Барбовича к утру 29-го сего июля перейти в район Константиновки — Куликовского, имея в виду, выступивши отсюда в ночь на 30-е июля, на рассвете 30 июля атаковать Каховскую группу противника, овладеть Каховской переправой и отрезать от нее красных.

2) Генералу Слащову, сдерживая 29 июля натиск

противника, иметь в виду на рассвете 30 июля решительный переход в наступление, нанеся главный удар в правый фланг Каховской группе. Севастополь, 28 июля 1920 года.

Шатилов»

Таким образом, мой план был принят главкомом и генералу Барбовичу ставится совершенно правильная задача: атаковать Каховскую группировку противника и овладеть Каховской переправой в то время, как 2-й корпус должен нанести главный удар в правый фланг Каховской группы красных. На 29 июля отдан приказ по корпусу № 046:

1) 13-й дивизии, активно обороняя Чаплинское направление, сосредоточить к утру 29 июля главные силы на участке Масловка—Кошара, прочно удерживаясь передовыми частями пехоты у х. Балтазаровского;

2) 34-й дивизии: 2-й бригаде, состоящей в корпусном резерве оставаться в Преображенке; двум батальонам 133-го и 134-го полков с батареей — оставаться в х. Марьяновском, обеспечивая левый фланг 13-й дивизии. Двум батальонам 133-го и 134-го полков с батереей удерживать Большие Копани, обеспечивая Алешкинское направление, 8-му кавалерийскому полку стоять в Преображенке.

29 июля

С 20 часов 28 июля до 2 часов 29 июля пехота красных, поддержанная автоброневиками, неоднократно атаковала 13-ю дивизию, но атаки были отбиты нашим огнем и контратакой. В 2 часа красные, усилившись свежими латышскими частями, вновь атаковали 13-ю дивизию, обходя ее левый фланг; контратакой наших частей красные были отброшены с большими потерями. На рассвете атаки красных повторились. В 14 часов обнаружены значительные колонны красных, двигающихся от Черненьки и Больших Маячков на юг. Атаки красных на 13-ю дивизию все усиливались. С 17 часов красные заняли Черную Долину, но были оттуда выбиты конным дивизионом начальника штаба 13-й дивизии с броневиком. Около 19 часов 8-й кавалерийский полк ввиду обнаружившегося глубокого обхода красных со стороны Большие Маячки был передвинут в Александровку с целью переброски на

Скадовск и Белоцерковку, занятые противником. В этом районе, по сведениям местных жителей, сосредоточилось до 2 тысяч человек пехоты красных с двумя батареями. Вечерняя воздушная разведка выяснила наличие окопов у Терны, Любимовки и х. Лукьянова, густо занятых пехотой противника. Черненька и Большие Маячки заняты красными, равно как и район к югу от Белоцерковки.

Таким образом, наибольшие силы красных к вечеру 29 июля были обнаружены в районе Черненька—Большие Маячки—Белоцерковка — х. Марьяновский; численность их до 6 тысяч человек пехоты с артиллерией и броневиками. На Алешкинском направлении передовые части красных дошли до Бриловки.

Вечером послан аэроплан в конный корпус с подробной ориентировкой, причем указывалось, что на рассвете 30 июля 2-й корпус с главными силами перейдет в наступление из района Скадовск—Александровка на север и северо-восток. К вечеру к Александровке подтянута 2-я бригада 34-й дивизии.

На мой запрос, кто будет руководить настоящей операцией, Ставка сообщила, что руководить будет главком.

В 18 часов получена директива главкома № 007288, в которой указывалось в пункте 3: «Генералу Барбовичу выступить в ночь на 30 июля и на рассвете, выставив заслон против красных, занимающих Каховку, ударить в тыл противника, действующего против генерала Слащова, и совместно с частями последнего разбить красных, не дав им отойти на Каховскую и Корсунскую переправы. По установлении непосредственной связи с частями генерала Слащова поступить в его подчинение. Генералу Слащову перед рассветом 30 июля атаковать противника, нанеся главный удар в общем направлении на Большие Маячки—Каховка».

Таким образом, первоначальный план, сообщенный директивой 28 июля № 007552, по-видимому, отпадает и вместо нанесения главного удара на Каховку и занятия Каховской переправы главком приказывает выставить против лишь заслон.

На 30 июля отдан приказ № 048:

«1) Генералу Барбовичу в 6 часов 30 июля выдвинуть все свои пешие части для атаки Каховки, направив конницу левым флангом на Черненьку—Большие Маячки, и вместе с 13-й дивизией уничтожить красных

к северу от указанной линии и овладеть Корсунским Монастырем.

2) Генералу Андгуладзе с первой бригадой и Туземным дивизионом начать наступление в 7 часов на Каховку и, объединив в этом районе командование всей пехотой (пешие части генерала Барбовича), взять Каховку и овладеть переправой через Днепр.

3) Генералу Теплову в 7 часов начать наступление с линии х. Марьяновский для атаки Белоцерковской группы красных, разбив которую продолжать наступление на Большие Маячки — Корсунский Монастырь.

4) 8-й кавалерийский полк должен наступать на Белоцерковку, охватывая ее с юго-запада, и, разбив совместно с 34-й дивизией находящихся здесь красных, наступать далее через Малые Маячки на Казачьи Лагери и Алешки.

5) Двум батальонам 133-го и 134-го полков от Сопково перейти в наступление на Большие Копани и далее на Алешки.

6) Капитану 2-го ранга Рыкову с батальоном 134-го полка и своим отрядом перейти в наступление из Скадовска на Буркуты — Голую Пристань.

7) Корпусной резерв: бригада 13-й дивизии с батареей — дер. Скадовка».

Таким образом, большая часть сил 2-го корпуса попрежнему сосредоточена на главнейшем направлении, причем, вполне учитывая значение Каховской переправы, для атаки укрепленной позиции направляются бригада 13-й дивизии и пешие части генерала Барбовича; для ликвидации же 6-ти тысяч группы противника, сосредоточенной в районе Большие Маячки—Черненька—х. Марьяновский — Белоцерковка, направляются с фронта бригада 34-й дивизии и в тыл конница генерала Барбовича. Второстепенное направление на Алешки, несмотря на занятие противником Бриловки, обеспечивается лишь двумя слабыми батальонами 133-го и 134-го полков (около 250 человек).

30 июля

Вместо атаки на рассвете части генерала Барбовича выступили только в 6 часов из района сосредоточения, откуда должны были пройти около 30 верст (из района хут. Куликовский — Константиновка). В 7 ча-

сов 2-й корпус перешел в наступление. Белоцерковская группа красных оказала упорное сопротивление, но, атакованная с правого и левого флангов частями 34-й дивизии и 8-го кавалерийского полка, начала отход на Большие Маячки, преследуемая бригадой 34-й дивизии. 8-й кавалерийский полк, обеспечивая левый фланг этой бригады, наступал на Малые Маячки, откуда обозначилось наступление красных. В 8 часов 50 минут передовые части генерала Барбовича проходили линию хут. Чокрак — хут. Гладково (свыше 20 верст до Каховского района); наш аэроплан бросил вымпел генералу Барбовичу о необходимости ускорить движение. Воздушная разведка сообщает об отходе красных от хут. Марьяновского и о том, что район Черненька—Марьевка—Большие Маячки забит отходящей пехотой красных.

Наступление 13-й дивизии протекало успешно, но части медленно продвигались на север, дабы не отбросить красных до подхода частей генерала Барбовича. Пленными обнаружена здесь Латышская и 52-я красные дивизии. К 15 часам 13-я дивизия подошла к Каменному Колодезю. 34-я дивизия, ведя бой с арьергардами красных, упорно задерживающихся, наступает на Большие Маячки и находится на линии Марьевки. 8-й кавалерийский полк ведет бой у Малые Маячки. Дневная воздушная разведка обнаружила у Бериславской переправы скопление переправляющихся обозов. Перед Каховкой вырыто два ряда окопов, занятых красными. С ними артиллерия.

В 16 часов передовые части генерала Барбовича вышли на Чаплинскую дорогу. Пешая бригада с юнкерским полком, войдя в связь с 13-й дивизией, направляется в северо-западном направлении для атаки Каховки.

1-я кавалерийская дивизия, шедшая в голове конницы генерала Барбовича, настигнув отходящую бригаду латышей в районе Могила-Высокая, атаковала и изрубила до 400 красных, после чего продолжала наступление на Черненьку. В то же время 34-я дивизия овладела Большими Маячками и продолжала преследование красных на Корсунский Монастырь. В районе Черненьки 2-я кавалерийская дивизия атаковала красных, отходивших из Большие Маячки и Марьевки, и почти совершенно уничтожила их, взяв около 2000 пленных и 3 орудия. Бригада 2-й кавале-

рийской дивизии направлена на Корсунский Монастырь. 8-й кавалерийский полк до наступления темноты вел упорный бой у Малые Маячки, но после ряда атак выбил противника и занял Малые Маячки. Противник из Малые Маячки отошел в Большие Маячки и, пользуясь отсутствием здесь наших частей, занял, выйдя, таким образом, в тыл 34-й дивизии. У Каховки с 18 часов завязался упорный бой. Несмотря на стремительные наши атаки и бомбометание наших аэропланов, красные удерживали свои позиции и нанесли нам большие потери. Отлично учитывая обстановку и необходимость скорейшей ликвидации Каховской группы противника, не дав ей возможности усиливаться за счет отходящих, я в 21 час послал начальнику 13-й дивизии следующую телеграмму (№ 610-Ш): «Если будете медлить — упустите противника. Неужели не сможете маневрировать сегодня же и, пользуясь разгромом Каховки аэропланами, сбросить противника в Днепр. СЛАЩОВ».

Одновременно с этим было приказано (644-Ш) направить для атаки Каховки и 2-ю Донскую дивизию, с тем чтобы 30 июля обязательно взять Каховку и занять Бериславль во исполнение телеграммы главкома № 007334. К сожалению, приказание это не дошло до генерала Барбовича ввиду перерыва связи и 2-я Донская дивизия прошла на Черненьку. В 20 часов 10 мин телеграмма главкома № 007334 была передана для исполнения 13-й и 34-й дивизиям, но повторные атаки частей генерала Андгуладзе не дали никакого результата.

Причины неудачи: 1) бесконечное утомление частей генерала Андгуладзе, которые уже 6 дней вели непрерывные бои с превосходными силами противника; 2) атака после 30-верстного перехода в сильнейшую жару по совершенно безводной местности и 3) сильно поредевшие ряды бойцов 13-й дивизии, где фактически остались только кадры.

В 18 часов дежурный по штабу главкома сообщил, что главком к утру 31 июля приказал всю группу генерала Барбовича отвести в Черненьку, где 31 июля дать ей отдых, после чего она должна быть переведена в район Серогоз в связи с угрожающим положением на фронт генерала Кутепова. Получив это приказание, начальник моего штаба по моему приказанию вызвал начальника штаба главкома к аппара-

ту и сообщил ему о невозможности немедленно вывести из боя корпус генерала Барбовича. Причины: 1) Каховская группа красных не ликвидирована и по своей численности представляет большую угрозу нашему правому флангу; 2) у Корсунского Монастыря идет бой; 3) слабые силы 2-го корпуса не дадут возможности самому закончить операцию.

Ввиду всего этого я просил оставить части генерала Барбовича до 12 часов 31 июля, рассчитывая атаковать Каховку на рассвете. Главком разрешил, но приказал усиленно беречь конницу, не подвергая ее артиллерийскому огню с правого берега Днепра. Об этом отдано приказание 617-шр., а начальнику 34-й дивизии приказано (№ 648-Ш) ликвидировать Каховскую группу противника не позже 12 часов 31 июля. Корпусной резерв переведен в Черненьку.

Расположение частей к вечеру 30 июля: пешие части генерала Барбовича (генерал Максимов) — на правом фланге против Каховской позиции. В центре и к западу от большой Чаплинской дороги — бригада 13-й дивизии. 1-я кавалерийская и 2-я Донская дивизии — Черненька. Бригада 2-й кавалерийской дивизии — Корсунский Монастырь, 8-й кавалерийский полк — Малые Маячки, 2-я бригада 34-й дивизии — между Большие Маячки и Корсунский Монастырь — там же два батальона 133-го и 134-го полков. Корпусной резерв — бригада 13-й дивизии на пути из Белоцерковки в Черненьку.

В итоге дня красным нанесено сильное поражение: их 15-я стрелковая дивизия, группировавшаяся в районе Белоцерковка — Большие Маячки — Черненька, совершенно уничтожена, то же с Латышской бригадой, бывшей у хут. Терны. Тем не менее овладеть Каховкой в первый же день не удалось и, кроме того, небольшие группы красных продолжали удерживаться частью у Корсунского Монастыря и частью у Большие Маячки.

За день боя взято: частями генерала Барбовича — около 2000 пленных и 3 орудия и 34-й дивизией — около 1200 пленных.

31 июля

Ночная атака на Каховку окончилась неудачно. Бывшие на левом фланге 13-й дивизии чеченцы наткнулись на заставу красных и все разбежались. В ты-

лу 34-й дивизии — Большие Маячки заняты красными и связь с дивизией прервана. Части 2-го корпуса и генерала Барбовича сильно устали. Вся эта обстановка телеграммой (№ 621-Ш) доложена главкому, причем я испрашивал разрешения о продлении данного мне срока для ликвидации красных у Каховки и Корсунского Монастыря до 15 часов 31 июля.

Телеграммой за № 007348 разрешение дано.

Перед рассветом 136-й полк, повернувшись кругом, атаковал Большие Маячки и выбил оттуда красных, отошедших на Казачьи Лагери, после чего бригада 34-й дивизии совместно со 2-й Донской дивизией преследовала красных, отходящих на Корсунский Монастырь и Казачьи Лагери, с целью скорейшего их уничтожения. В Каховском районе около 8 часов красные повели наступление от хут. Терны против 13-й дивизии, находившейся в районе Могила-Высокая. Атака красных была отбита, и в 9 часов 30 минут части генерала Андгуладзе перешли в наступление на Каховку.

1-я кавалерийская дивизия должна обеспечить левый фланг генерала Андгуладзе и содействовать его атаке в направлении на Каховку.

Наша атака вновь отбита, и части снова понесли тяжелые потери.

Каховская позиция красных состоит из двух узлов у Любимовки и у хут. Терны с окопами полной профили в 2 ряда. Впереди небольшие окопы, занятые охранением. От Любимовки до Чаплинской дороги располагается 52-я дивизия с 1-м гусарским полком. Хутор Терны занимается Латышской бригадой. В резерве 54-я стрелковая дивизия. Артиллерия красных — на левом берегу 9 батарей, их них две тяжелые, на правом берегу 3 батареи, из них 2 тяжелые. Итого 12 батарей (около 40 орудий) и до 7 тысяч пехоты с 6 автоброневиками.

В 15 часов Латышская бригада (до 700 штыков) с броневиками яростно атаковала 13-ю дивизию. Атака при содействии частей генерала Максимова отбита. Красные ведут ураганный артиллерийский огонь. Одновремено с этим обнаружилось наступление красных на Черненьку; 1-я кавалерийская дивизия опрокинула красных и, оставив здесь для связи с 13-й дивизией один полк, с тремя остальными направилась в обход правового фланга противника на Ключевой Балке.

Воздушная разведка сообщает об оживлении у Бериславля.

Часть обозов переправляется на правый берег. К Алешкам отходит около бригады красных. В 16 часов началась решительная атака красных. Красные встретили наши части сильнейшим артиллерийским огнем, ведя на важнейших участках заградительный огонь, а от правого берега Днепра — фланговый огонь по нашим наступающим частям.

Наступление вначале развивалось успешно.

Части генерала Максимова выдвинулись на линию Любимовки, 13-я дивизия подошла вплотную к хут. Терны, 1-я кав. дивизия овладела Ключевой Балкой. Особенное упорство проявляли латыши, и был случай, когда один латыш с винтовкою в руках вскочил на наш броневик.

Около 18 часов красные перешли в контратаку, пустив впереди себя броневики. Наши части не выдержали и перешли к обороне.

В районе Корсунского Монастыря противник совершенно ликвидирован; группа его, отошедшая от Большие Маячки на северо-запад, уничтожена частями 34-й и 2-й Донской дивизий. Два батальона 133-го и 134-го полков полковника Шевченко с батареей, совершив 50-верстный переход, к вечеру настигли красных, отходивших от Казачьих Лагерей на Алешки, частью их уничтожили, частью взяли в плен и заняли Алешки. Отряд Рыкова выступил из Скадовска и следует в направлении на Голую Пристань.

Таким образом, несмотря на полное напряжение сил, уничтожить Каховскую группу красных и выполнить задачу к 15 часам не удалось. При таких условиях, учитывая наличность сил красных у Каховки, генерал Барбович донес, что вывод его частей из боя до уничтожения красных у Каховки является невозможным, о чем просил доложить и главкому. На это последовало приказание главкома: «Части генерала Барбовича к 23 часам 1 августа вывести в район Черненька — хут. Сукур — в резерв главкома».

Неуспех атак Каховской позиции красных 31 июля по-прежнему объясняется:

1) невозможностью использовать конницу для атаки укрепленной позиции из боязни больших потерь ее;

2) слабой численностью и огромным утомлением пехотных частей, направленных для атаки;

3) значительным превосходством сил красных как в пехоте, так и в особенности в артиллерии;

4) наличностью укрепленных позиций и необыкновенным упорством латышей, не обращающих внимания даже на бомбы с аэропланов.

Привлечь в этот день для атаки Каховки части 34-й дивизии не представлялось возможным ввиду занятия красными Большие Маячки и расстояния около 20 верст. По ликвидации же группы красных, отошедших от Большие Маячки, было решено усилить нашу пехоту у Каховки.

На 1 августа (главкомом. —*А. К.*) отдано приказание № 050, которым руководство по атаке Каховской позиции было передано генералу Барбовичу с усилением Каховской группы 136-го полком с 3 батареями, а также 2-й бригадой 13-й дивизии (корпусный резерв), 136-й полк должен был активно оборонять участок Британы—Казачьи Лагери, заканчивая уничтожение мелких партий красных. 2-я Донская дивизия оставлялась в резерве в Черненьке. При этом, согласно неоднократным приказаниям главкома, генералу Барбовичу приказано всемерно беречь юнкеров и конницу.

1 августа

С утра завязался бой у Каховки. В 9 часов около одной бригады красных повели наступление вдоль Чаплинской дороги против частей 13-й дивизии; наступление отбито. Из опроса пленных выяснилсь, что им приказано держаться у Каховки во что бы то ни стало, до подхода якобы конницы Буденного. Нашу атаку генерал Барбович решил отложить до 15 часов, чтобы закончить перегруппировку, при этом начальник штаба конного корпуса в разговоре с начальником моего штаба указывал, что красные у Каховки очень сильны и что для выполнения задачи генерал Барбович считает, что полумер быть не должно: или совсем не пускать конницу в бой, или же выполнять задачу, если она нужна, не считаясь с потерями. Разговор этот был передан главкому, причем в разговоре с начальником главного штаба начальник моего штаба просил дать определенный ответ: «Разрешается ли атаковать Каховку и привлечь для этого конницу или нет».

Начальник главного штаба сообщил, что главком не разрешает направлять конницу для атаки укрепленной позиции.

Ответ этот передан генералу Барбовичу.

Наша перегруппировка заключалась в том, что пешие части были сосредоточены в центре по обе стороны Чаплинской дороги. На флангах — конница.

В 16 часов наши части перешли в наступление. Красные, как всегда, развили ураганный артиллерийский огонь. Начало наступления было удачно: пехота начала продвигаться вперед и вышла на линию хут. Терны, но, продвинувшись версты две-три под сильнейшим огнем и взяв одну линию окопов, наши части скоро выдохлись и залегли.

Таким образом, и эта атака не увенчалась успехом.

К 24 часам 1 августа наши части располагались: 1 кав. полк обеспечивает правый фланг Каховской группы. По обе стороны Чаплинской дороги — пешие части генерала Барбовича, 13-я пехотная дивизия и 136-й полк. На левом фланге до Днепра — 1-я кав. дивизия и бригада 2-й кав. дивизии. Бригада Донской дивизии — в Черненьке, другая — у Каменного Колодезя. 135-й полк — в районе Корсунского Монастыря — Британы. Два батальона 133-го и 134-го полков сосредоточены в Большие Маячки. Другие два батальона тех же полков с батареей — на пути из Алешек в Большие Маячки. Батальон 134-го полка с отрядом Рыкова — на пути в Голую Пристань. 8-й кав. полк — в Алешках. На 2 августа генералу Барбовичу приказано: «Продолжать выполнение возложенной на него задачи».

Таким образом, и день 1 августа не принес успеха у Каховки.

Причины все те же: слабая пехота атакует, конница во избежание больших потерь вынуждена только обеспечивать ее фланги и лишь частично переходить в контратаки против отходящих частей красных.

2 августа

С утра начался артиллерийский бой.

В 13 часов наши части перешли в решительное и последнее наступление. К 14 часам пехота подошла вплотную к хут. Терны. В это время красные выбросили свои броневики, которые, пользуясь густою пылью,

вышли во фланг нашим наступающим частям. Начался было отход, но вскоре части были приведены в порядок и снова брошены в атаку. В 18 часов мы подошли к хут. Терны, но опять были встречены броневиками красных. Одновременно с этим началось наступление красных из Любимовки в обход нашего правого фланга, но Донская бригада лихой контратакой сбила обходящую колонну красных. Бой продолжался до наступления темноты и снова окончился безрезультатно. Наши части понесли тяжелые и большие потери. Учитывая создавшуюся обстановку, я телеграммой № 313 донес главкому, что с теми силами, которыми я располагаю, ввиду невозможности бросить конницу на укрепленную позицию я нахожу необходимым прекратить дальнейшие атаки измотанными и понесшими громадные потери войсками и просить разрешения отвести корпус на линию Каменный Колодезь — Черненька, где ускоренно его пополнить. Конницу же генерала Барбовича отвести в район Дмитриевка—Антоновка в резерв главкома, с тем чтобы конница в случае надобности могла быстро ударить во фланг красных при их продвижении на юг. Разрешение на это последовало (№ 008070), причем указывалось, что главком крайне недоволен исходом операции, и было предъявлено обвинение, что удар должен был быть нанесен всеми силами на Каховку, а вместо этого корпус разбросал свои силы на Корсунский Монастырь, Казачьи Лагери и Алешки.

В итоге девятидневной операции частями 2-го корпуса и корпуса генерала Барбовича уничтожены 15-я стр. советская дивизия и Латышская бригада. Остальные части красных (51-я дивизия, 52-я дивизия, бригада Латышской дивизии и Херсонская группа) понесли огромные потери.

Наши трофеи: около 5000 пленных, 11 орудий и масса пулеметов.

Наши потери велики.

Части генерала Барбовича — около 600 человек, 13-я дивизия — около 1200 человек, 34-я дивизия — около 600 человек, и 8-й кавалерийский полк — до 40 человек.

Задуманная красным командованием крупная операция, заключавшаяся в разгроме 2-го корпуса и ов-

ладении Перекопом, не удалась. Вместо этого группа красных понесла до 50 проц. потерь и единственно чего добилась — это плацдарма у Каховки.

Необходимо отметить, что овладение Каховским тэт-де-поном могло быть важным для нас лишь в моральном отношении[13]. Не приходится сомневаться, что с уходом конного корпуса противник при наличии наших слабых сил имел бы полную возможность, когда ему это нужно было бы, снова овладеть Каховкой.

Поэтому невзятие Каховки не может свести на нет успех операции.

Условия борьбы были слишком неравны; огромный перевес сил в пехоте, а также в артиллерии и технических средствах позволял противнику постоянно иметь в руках свежие резервы, ликвидируя первоначальные наши успехи.

Несмотря на тяжелые условия — жару, полное безводье и утомление,— наши части, сильные духом, с честью выполнили возложенную на них задачу.

Разброски сил не было.

План красных был открыт уже 26 июля, и все силы были сосредоточены на Каховском направлении.

С 26 июля по 2 августа в этом направлении работали 7/8 наших сил и лишь 1/8— на фронте Корсунский Монастырь — Казачьи Лагери — Алешки.

Конный корпус имел возможность уничтожить красных в районе Черненьки; дальнейшие его действия с изменением соответствующих целей заключались лишь в обеспечении флангов атакующей пехоты.

Распоряжения Ставки, диктуемые обстановкой на фронте генерала Кутепова и заключающиеся в приказании возможно скорее вывести части генерала Барбовича из боя, начиная с вечера первого же дня участия его в бою, не могли не связать руки мне как командиру корпуса, которому приходилось все время считаться с необходимостью беречь конницу и возможно скорее вывести ее из боя.

Все изложенное приводит к общему суждению.

Части 2-го корпуса и генерала Барбовича выполнили возложенную на них задачу[14], и не их вина, что красные, обладая огромным превосходством сил, артиллерии и технических средств, удержали за собой пятиверстный плацдарм у Каховки[15].

Последствиями неудовольствия главкома, о котором я сказал выше, по поводу Каховской операции был рапорт начальника моего штаба:

НАЧАЛЬНИК ШТАБА
2-го корпуса
2 Августа 1920 г.
№ 517-н

КОМАНДИРУ 2-го КОРПУСА

Рапорт

Ввиду неудовольствия исходом операций, высказанного Главкомом (телеграмма № 8070) на имя Вашего Превосходительства, и считая себя, как начальник штаба, ответственным за это, прошу об отчислении меня от должности начальника штаба по окончании операции.

Генерального Штаба полковник Фролов

На этом рапорте я положил такую резолюцию:

«Очень жалею отличного работника, но, так как сам ухожу, представлю решению Главкома. Слащов».

Одновременно я послал главкому такую телеграмму:

Срочно вне очереди.

ГЛАВКОМУ

Ходатайствую об отчислении меня от должности и увольнении в отставку.

Основание: 1) удручающая обстановка, о которой неоднократно просил разрешения доложить Вам лично, но получил отказ; 2) безвыходно тяжелые условия для ведения операций, в которые меня ставили (особенно отказом в технических средствах); 3) обидная телеграмма № 008070 за последнюю операцию, в которой я применил все свои силы согласно директиве и обстановке. Все это, вместе взятое, привело меня к заключению, что я уже свое дело сделал, а теперь являюсь лишним. № 519-й, х. Александровский, 23 ч., 2 августа 1920 г. Слащов.

Результатом этой телеграммы явился такой разговор со Ставкой:

«У аппарата капитан Ставрович. Будьте добры примите телеграмму: „Генералу Слащову. Я с глубокой скорбью вынужден удовлетворить возбужденное Вами ходатайство об отчислении Вас от должности командира второго корпуса. Родина оценит все сделанное Вами. Я же прошу принять от меня глубокую благодарность. Назначенный командиром 2-го корпуса генерал Витковский завтра выезжает в село Чаплинка. Впредь до его прибытия в командование корпусом укажите вступить старшему. Вас прошу прибыть в Севастополь. 4/17 августа, № 009379. Врангель"».

Глава III

В СЕВАСТОПОЛЕ

Сдав должность командира 2-го корпуса, я 5 августа прибыл в Севастополь к главкому генералу Врангелю и подал ему рапорт:

Генерал-лейтенант
СЛАЩОВ
4-го августа 1920 г.
№ 1194/с
г. Севастополь

ГЛАВКОМУ

Рапорт

Считаю своим долгом более подробно донести Вам причины, вызвавшие мой рапорт об отставке. Они следующие: 1) Вы заняты общегосударственными вопросами и не в состоянии были уследить за всеми интригами, создавшимися кругом Вас. 2) Вокруг Вас составилась компания, проводящая свои личные интересы и имеющая во главе генерала Коновалова. 3) Ваш начальник штаба генерал Шатилов, будучи человеком честным, но, видимо, слабовольным, во всем подчинился злому гению Юга России — генералу Коновалову, который уже довел генерала Боровского до Ак-Маная, а генерала Шиллинга до Одессы. 4) Участвовать в сознательной работе на погибель России не могу.

Вследствие действий генерала Коновалова явилась последовательная работа по уничтожению 2-го корпуса и приведению его к левосоциал-революционному знаменателю, точно так же как и систематическое восстановление Вас против меня (факты: десантная операция не дала Вашей благодарности солдатам, а 1-й корпус ее получил; пополнение корпуса задерживалось и мобилизационный район давался чуть не в полосе противника; награды частям были отклонены, а 1-й корпус их получил; производство начальника штаба 2-го корпуса (А. Г. Фролова. — *А. К.*) в генерал-майоры отклонено за молодостью его выпуска из Академии, а годом моложе Коновалов и Егоров произведены;[16] мои ходатайства видеть Вас для личного доклада и для поднесения от 2-го корпуса плана обороны Крыма трижды отклонены).

Не есть ли это удар по самолюбию всего корпуса?

Еще хуже оказалось влияние Коновалова на ведение операций.

В то время как Вы лично обещали мне мой бронеавтомобильный отряд, 6 броневиков и колонну грузоавтомобилей (ввиду отсутствия железных дорог) в 24 грузовика, я получил один легкий броневик с одним пулеметом и 6 грузовых машин, остальное все было передано в другие корпуса, между тем как еще до десантной операции от меня были взяты все транспорты. Аэропланы на 200-верстный участок были даны в количестве одного исправного и одного неисправного.

Благодаря этому погибли сотни лишних жизней.

Участвовать в уничтожении моих людей не могу.

Коновалов по злому умыслу или по небрежности не прочитывал и не докладывал Вам моих донесений о группировке противника, чем ввел Вас в заблуждение о месте главного удара.

Циничность его дошла до того, что по окончании операций он запросил: «Где группируется противник» — и заявил, что «Ставке

группировка его не ясна» (из прилагаемого при сем доклада Вы увидите, что обо всем заранее доносилось. Доклад полковника Александровича).

Чтобы окончательно подорвать дух 2-го корпуса, моим заместителем назначен генерал Витковский, человек, заявивший в момент ухода Деникина, что, если уйдет Деникин, уйдет и Витковский со всей Дроздовской дивизией.

Вы знаете, что я все силы принес в жертву Родине; Вы знаете, что в момент ухода Деникина я первый поддержал Вас и сообщил Вам в Константинополь; Вы знаете, что говорилось у Вас в каюте и у меня в вагоне в 3 часа ночи, и поэтому гнусные интриги восстановления нас друг против друга должны были бы отпасть.

И вот на основании всего вышеизложенного я как подчиненный — ходатайствую, как офицер у офицера — прошу, а как русский у русского — требую назначения следствия над Штаглавом (штабом главнокомандующего. — *А. К.*), Штакором 2 (штабом 2-го армейского корпуса. — *А. К.*) и надо мной по поводу Каховской операции 25 июля и 3 августа сего года.

Знаю, что Вы, как честный русский офицер, мне в этом не откажете.

Приложение: Описание боя №№ 260-5-01743 и агентурные сообщения.

Слащов

Генерал Врангель на этот мой рапорт ответил, что я утрирую обстановку и что всякий суд надо мной и отставка моя вредны для дела.

Так как он (генерал Врангель) считает, что я подорвал свои силы при обороне Крыма, то он просит меня полечиться, для чего ассигнуется валюта. Лечиться же мне нужно в германских санаториях.

Я отказался и заявил, что зря народных денег тратить не буду.

Тогда генерал Врангель назначил меня в свое распоряжение, издав два таких приказа:

Приказ
Главнокомандующего Русской Армией
№ 3505

г. Севастополь 6/19 августа 1920 г.

В настоящей братоубийственной войне среди позора и ужаса измены, среди трусости и корыстолюбия особенно дороги должны быть для каждого русского человека имена честных и стойких русских людей, которые отдали жизнь и здоровье за счастье Родины. Среди таких имен займет почетное место в истории освобождения России от красного ига — имя генерала Слащова.

С горстью героев он отстоял последнюю пядь русской земли — Крым, дав возможность оправиться русским орлам для продолжения борьбы за счастье Родины.

России отдал генерал Слащов свои силы и здоровье и ныне вынужден на время отойти на покой.

Я верю, что, оправившись, генерал Слащов вновь поведет войска к победе; дабы связать навеки имя генерала Слащова со славной страницей настоящей великой борьбы, — дорогому сердцу русских воинов генералу Слащову именоваться впредь — Слащов-Крымский.

Главнокомандующий генерал Врангель

Приказ
Главнокомандующего Русской Армией
№ 3506

г. Севастополь 6/19 августа 1920 г.

В изъятие из общих правил зачисляю генерал-лейтенанта Слащова-Крымского в мое распоряжение с сохранением содержания по должности командира корпуса.

Главнокомандующий генерал Врангель

Кроме этих приказов, поднесенных как золотая пилюля, главком меня просил самому наблюдать за действиями генерала Коновалова.

Возможности наблюдения, однако, дано не было.

После этого я начал лечение, удалившись от дел, но интриги не прекратились.

Все направлялось к тому, чтобы как-нибудь бросить тень на мое имя, раз уж я отказался получить валюту и уехать за границу.

И вот против меня начинается судебное дело за расстрел без суда полковника Протопопова.

Дело это заключалось, по предъявленному обвинению, в следующем: во время обороны Крыма мною полковник Протопопов формировал отряд в районе Ялты. Он получил мой приказ выехать на фронт со своим отрядом и этот приказ не исполнил. После этого он получил приказ выступить против взбунтовавшегося Орлова, но вместо этого присоединился к последнему.

Тогда я отдаю приказ:

«Немедленно прибыть полковнику Протопопову к генералу Слащову».

Протопопов и последний приказ тоже не исполнил, и к тому же, когда навели справки, то и чин его оказался сомнительным.

Протопопова поймал и приказал расстрелять.

Тот, кто знает дисциплинарный устав, знает, что я имел право на это, ибо карал за измену в обстановке боя.

Дело это замешали в грязное дело чиновника Шарова, занимавшегося вымогательством у подсудимых

и присланного в мой штаб Ставкой. Поступили настолько цинично, что мое дело включили в дело Шарова. Конечно, ничего получиться не могло и не получилось, но надежда все же была как-нибудь меня замарать.

Старались замарать и моих приближенных.

Действия эти хорошо характеризуют прилагаемые документы.

Военный следователь
по особо важным
делам
при Штабе
Главнокомандующего
Русской Армией
№ 1018
августа 26—10 дня
1920 г.
г. Севастополь

Генерал-лейтенанту
СЛАЩОВУ-КРЫМСКОМУ

На основании ст. 480 У. В. С.[17] прошу распоряжения Вашего Превосходительства о командировании в мою камеру — гостиница Ветцель, комната № 41, по Екатерининской ул. — 29—11 сего августа к 10 часам утра капитана Суворова или штабс-ротмистра Андреева, если названные обер-офицеры состоят в настоящее время в Вашем распоряжении, для допроса в качестве свидетелей по делу губернского секретаря Шарова.

Статский советник Гиршиц

Адъютанту генерал-лейтенанта Слащова-Крымского

Комендант Главной квартиры просит Вас пожаловать к нему завтра или в субботу.

Помощник коменданта Главной квартиры
полковник Чарыков

Военный следователь
по особо важным делам
при штабе
Главнокомандующего
Русской Армии
№ 966
августа 12—25 дня
1920 г.
г. Севастополь

Начальнику Штаба
Главнокомандующего
Русской Армией

Постановлением моим от 12—25 сего августа состоящий в распоряжении Главнокомандующего генерал-лейтенант Слащов-Крымский привлечен к следствию в качестве обвиняемого в преступных деяниях, предусмотренных ст.ст. 13 п. 1454 уложения о наказаниях уголовных и исправ. 279 и 72 кн. XXIV С. В. П. 1869 г. изд. 4-е[18]. Мерой пресечения способов уклоняться от суда и следствия на основании ст. 470 У. В. С. избран особый надзор начальства.

На основании изложенного прошу распоряжения Вашего превосходительства об учреждении названной меры в отношении ге-

нерал-лейтенанта Слащова-Крымского с уведомлением меня о последующем.

Статский советник Гиршиц

На этой бумаге оставшийся за начальника штаба (Шатилов уезжал на фронт) генерал Трухачев сделал такую надпись:

Дежурному генералу

По вопросу о надзоре прошу доложить.

Полагал бы, что неудобно такую переписку посылать в открытом виде.

Ген.-лейт. Трухачев

Бумага эта была препровождена коменданту Главной квартиры с надписью того же Трухачева: «Для установления надзора 16/29—VIII».

По получении бумаги я лично зашел к генералу Трухачеву и выразил ему свое удивление, что он мог позволить себе подобную вещь.

Генерал Трухачев оправдывался и сваливал вину на какую-то «ошибку» со стороны коменданта Главной квартиры генерала Петрова, которому якобы сделано за это замечание.

На все эти оправдания я ответил: «Очень рад, что ошибка эта явилась невольной, но предупреждаю, и передайте об этом генералу Петрову, что своему адъютанту запретил давать какие-либо сведения о моих выездах, которые от него потребовал генерал Петров в целях надзора, и что вообще за такие вещи я могу разделаться по-свойски, а следователя спустить с лестницы».

Это было сказано громко.

Последствием этого разговора, а также переговоров с генералом Врангелем явилась записка следователя за № 1037 следующего содержания:

Военный следователь
по особо важным делам
при штабе
Главнокомандующего
Русской Армией
№ 1037
Августа 31/13 дня 1920 г.
г. Севастополь
д. № 50

Генерал-лейтенанту
СЛАЩОВУ-КРЫМСКОМУ

Постановлением моим от 29—11 сего августа вследствие приказания Главнокомандующего дело о вас выделено из дела о злоупотреблениях чинов 2-го армейского корпуса в отдельное произ-

водство. Вместе с тем вследствие решения главного военного и военно-морского суда от 10 января с. г. в изменение постановления моего от 12 сего августа Вы привлекаетесь к следствию по ст.ст. 146 и 279 кн. XXII и 1454 улож. о наказаниях.

Об изложенном сообщаю Вам для сведения

Статский советник Гиршиц

После этого мне было поручено заняться вопросом улучшения быта военнослужащих, так как именно я на заседании правительства заявил о нищенском состоянии их семейств.

Я выполнил задачу в четыре заседания (5 дней) и подал рапорт № 51 от 30 августа, являющийся результатом всей работы.

Генерал-лейтенант
Слащов-Крымский
30 августа 1920 г.
№ 61
г. Севастополь

Доклад

Согласно Вашего приказа собрал комиссию и обсудил отмеченные на заседании 26 августа вопросы, а именно:

1) Улучшение материального положения солдат и их семей.

2) Изыскание мер и способов выдачи, согласно приказу № 3580, пайка натурой, а не деньгами.

3) Назначение жалованья по должности и размеры его в зависимости от должностей.

4) Создание санаторий для больных и выздоравливающих.

5) Порядок зачисления в резерв и уравнение условий зачисления в него в Русской Армии и в казачьих войсках.

6) Размеры пенсий, способ выдачи их и право на пенсию.

7) Разгрузка тыла в целях увеличения числа бойцов на фронте.

8) Установление пенсий или дополнительного жалованья за продолжительную службу в антибольшевистских войсках.

Намеченные мероприятия по удовлетворению всех внесенных вопросов изложены в приложении № 1[19].

При обсуждении первых двух вопросов выяснилось, что правительство (снабжение) не только не может (так в тексте. — *А. К.*) удовлетворить нужды семейств офицеров, имея запас всего на два-три дня, а удовлетворение деньгами (министр финанс.) вызовет расход в 12 миллиардов рублей в месяц, непосильный государству. Все эти данные мной запротоколены, поэтому считаю своим долгом обратить внимание Вашего Превосходительства, что вопрос обеспечения военнослужащих тесно связан с общим состоянием государства. Положение не только семейств, но и самого офицера безвыходное (доклад генерала Корвин-Круковского — приложение № 2)[20], они с отчаяния стреляются или бросаются на преступления. Причиной всему — невозможность жить на наши деньги, и если честен, то надо умирать. Вопрос изыскания средств является краеугольным камнем для всех, не потерявших веру в возможность возрождения Родины и поддержания ее чести и мощи.

Комиссией исчерпывающе выяснены до беспредельности великие нужды, подлежащие срочному удовлетворению.

Состояние разрухи не дает правительству возможности удовлетворить даже нужды фронта, и понятно, т. к. средства его крайне ограничены. Следовательно, надо привлечь общественные организации и частный капитал.

Можно быть вполне уверенным, что вся Россия, как один человек, откликнется и сплотится вокруг Вашего имени.

Все имущие слои населения должны сознательно отдать половину своего состояния, в чем бы оно ни заключалось, на финансовое и экономическое возрождение России, хотя бы из имущества, находящегося в Совдепии, причем является возможность выдать строго юридические обязательства на передачу половины этих имуществ в собственность государства. Полученный в результате колоссальный фонд послужит основанием выпуска валютных денежных знаков с правом хождения их наравне с любой валютой. Нет сомнения, что под такое обеспечение правительству не трудно будет найти соответственные кредиты за границей, а на фронте вызовет моральный подъем. Совдепия же лишится кредита по уже заложенному имуществу. Так как большинство необходимых предметов потребления и даже питания ныне получаются из-за границы, необходимо в виде временного косвенного налога обложить все без исключения ввозимые товары особым налогом в размере 5—10 процентов, кои получать натурой и только как исключение валютой.

Необходимо, опираясь на частный коммерческий и общественный аппарат полностью использовать таковой под непосредственным контролем правительства, предоставить ему вывозить определенные количества зерновых продуктов и иного сырья на предмет его реализации за границей по наивысшим ценам и вменить в обязанность тому же аппарату на реализованную сумму приобретать из первых рук, доставлять в Россию и распределять здесь необходимые предметы потреблений и питания.

Для проведения в жизнь намеченной программы потребуется время, а жизнь не ждет и настоятельно требует дела, а не слов, вот почему надо для начала поручить в срочном порядке одной или нескольким крупным, заслуживающим полного доверия европейским фирмам при участии какой-либо общественной организации, поставившей себе целью заботы о воинах и их семьях, заготовить своими средствами и вывезти за границу часть зерна для обращения его в предмет потребления и питания на указанном выше принципе, а предпринимателей освободить от реквизиций.

Для всей этой работы должен быть создан аппарат из общественных сил, возглавляемый представителем правительства, облеченным диктаторской властью по затронутому вопросу. Одновременно с обращением к честным работникам должна быть воздвигнута виселица для спекулянтов и мешающих возрождению России торгашей и себялюбцев.

Подробный проект вышеназванных мероприятий в случае Вашего согласия на предлагаемые меры может быть представлен в течение ближайших дней.

Генерал-лейтенант Слащов-Крымский

Рапорт этот ввиду отсутствия генерала Врангеля, находившегося в это время на фронте, был представлен мною лично генералу Шатилову. Последний просил оставить этот рапорт у себя для ознакомления.

На другой день я получил от него такую записку:

I—IX 1920 г.

Генерал-лейт. Слащову-Крымскому

Ввиду того что доклад Ваш Главкому содержит в высшей степени важные мероприятия государственного значения, полагал бы необходимым с решением по нему обождать приезда генерала Врангеля. Вероятно, завтра Главком будет в Севастополе. Доклад Ваш я послал генералу Вязьмитинову с просьбой сегодня же вернуть его Вам[21].

Генерал-лейт. Шатилов

Однако после приезда главкома я несколько дней ожидал вызова для доклада по затронутому вопросу, но вызов этот не последовал, и как в дальнейшем выяснилось, решение правительства по сему важному вопросу имело характер полумеры, так как оно совершенно не удовлетворило ни офицеров, ни семей военнослужащих. Последовавшие прибавки к содержанию и единовременные пособия не могли достигнуть своей цели, так как дороговизна жизни прогрессивно росла, а правительство, видимо, боялось решиться на тот героический шаг, который открыто я высказал.

Такая же нерешительность, расхлябанность и двойственность проглядывала в действиях правительства и по украинскому вопросу.

Глава IV

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

Украинский вопрос составлял наиболее больное место во всей политике правительства генерала Врангеля.

С этим вопросом мне пришлось близко ознакомиться при разработке мною проекта о перенесении военных действий на Украину.

Еще в июле месяце подобный проект мною был представлен, но был признан несвоевременным.

В августе месяце, уже в Севастополе, ко мне явились несколько общественных украинских деятелей, которые, найдя во мне общность взглядов на политическое положение Украины, поделились со мною своими впечатлениями об отношении Ставки к этому вопросу. Они сообщили, что 26 июля их депутация в со-

ставе Н. Г. Левченко, Генерального штаба генерал-лейтенанта Янушевского, генерал-майора Чарского, статского советника Кравченко и инженера Кирста была у генерала Врангеля, которому изложила свои взгляды на украинский вопрос и ходатайствовала:

1) Об объединении действий партизанских отрядов на Украине и создании из них правильно организованной силы для борьбы с большевиками и

2) Об организации в Севастополе политического центра для проведения на местах правового порядка и успокоения населения Украины.

Генерал Врангель дал свое принципиальное согласие на предлагаемые проекты, причем по всем вопросам военно-организационного характера предложил обращаться к нему через генерала Кирея, назначенного докладчиком по делам повстанческого движения вне территории В. С. Ю. Р.

На основании этого в заседании объединенного собрания представителей военных и представителей от украинских организаций на территории Крыма был 27 июля с. г. составлен протокол следующего содержания.

ПРОТОКОЛ

заседания объединенного собрания представителей военных и представителей от украинских организаций на территории Крыма

Июля 27 дня 1920 г. г. Севастополь

№ 2

Собрание в составе нижеподписавшихся членов под председательством Николая Григорьевича Левченко.

§ 1

Выслушало:

Доклад депутации к Главнокомандующему В. С. Ю. Р. генералу Врангелю в составе Н. Г. Левченко, Генерального штаба генерал-лейтенанта Янушевского, генерал-майора Чарского, статского советника Н. А. Кравченко и инженера М. Ф. Кирста о том, что генерал Врангель дал свое согласие:

1) На объединение действий партизанских отрядов, действующих на территории Украины, и создание из них правильно организованной силы для борьбы с большевиками.

2) На организацию здесь политического центра для проведения на местах правового порядка и успокоения населения Украины.

3) Кроме того, генерал Врангель предложил по всем вопросам военно-организационного характера обращаться к нему через генерала Кирея, назначенного докладчиком по делам повстанческого движения вне територии В. С. Ю. Р.

§ 2

Постановило:

1) Просить Главнокомандующего утвердить постановление объединенного собрания представителей военных и представителей от украинских организаций на территории Крыма от 16 июля с. г. о возложении на Генерального штаба генерала Янушевского руководства по объединению повстанческих отрядов и организации правильной вооруженной силы на территории Украины для борьбы с большевиками и докладов Главнокомандующему о мероприятиях по вопросам установления власти на местах.

2) Согласно указания Главнокомандующего В. С. Ю. Р., сформировать штаб повстанческих отрядов на территории Украины по штатам, выработанным генералом Янушевским и утвержденным Главнокомандующим В. С. Ю. Р.

3) Для выполнения первоначальных организационных работ просить Главнокомандующего В. С. Ю. Р. об откомандировании в распоряжение генерал-лейтенанта Янушевского следующих лиц, состоящих в резерве чинов: генералов Лукашевича и Чарского, начальника Константиновского военного училища генерал-майора Присовского, состоящего в управлении дежурного генерала штаба Главнокомандующего полковника Кохановского, начальника технического отделения авточасти главного отдела военных сообщений полковника Старицкого и состоящего при гражданском управлении полковника Сахно-Устимовича с сохранением получаемого ими ныне содержания.

4) Просить генерал-майора Кирея об отводе для заседаний и работ штаба трех комнат в центральной части г. Севастополя.

На подлинном подписи:

Председатель собрания Н. Г. Левченко. Члены: ген.-майор Лукашевич, ген.-майор Чарский, полковники: Сахно-Устимович, Кохановский, Старицкий, Марьюшкин, Борковский, Радковский, капитаны Якимович и Н. А. Кравченко, инженер Кирста, подпоручик Быков.

Протокол этот был представлен Шатилову через генерала Кирея, на рапорт которого (№ 32 от 28 июля 1920 г.) Шатилов положил резолюцию следующего содержания:

«Генералу Кирею 29/VII 20. Ничего подобного. Главком указал им явиться к вам, не считая возможным разговаривать с ними, минуя вас. Все предыдущие мои указания остаются в силе. Генерал Шатилов».

Итак, с одной стороны, дают согласие, а с другой — это согласие отрицается, т. е. получается совершенно недопустимая двойственность. Эта же двойственность сказалась и в дальнейшем, когда приходилось по украинскому вопросу беседовать с различными членами правительства генерала Врангеля.

Дабы не быть голословным, укажу на пример визита г. Чубинского к управляющим отделами финансов Бернацкому и внутренних дел Тверскому.

В то время как первый дал исчерпывающие объяснения по всем затронутым вопросам, второй даже удивился, когда узнал о предмете разговора, т. е. об Украине, каковую он, видимо, совершенно отрицал.

Продолжая теперь дальнейшее повествование о своих шагах, предпринятых мною для скорейшего проведения в жизнь мероприятий, необходимых для упорядочения украинского вопроса, считаю нужным указать, что все эти вопросы я понимал попутно с вновь представляемыми проектами о необходимости перенесения центра тяжести военных операций на Украину и соображения эти я подробно изложил в своем рапорте от 21 августа 1920 г., № 10183.

Состоящий в распоряжении
Главнокомандующего
Русской Армией
Генерал-лейтенант
СЛАЩОВ-КРЫМСКИЙ
21 августа 1920 г.
№ 10183
г. Севастополь

В. (весьма. — *А. К.*) секретно

1) Современная стратегическая обстановка в общих чертах: две трети большевистских сил на польском театре военных действий, из остающихся — большая часть против Крымского и Кавказского фронтов. Между Польшей и Советской Россией идут мирные переговоры в Минске. Не предрешая вопрос об их результате, необходимо считаться с вопросом о возможной переброске большевистских масс на Крымский фронт. С момента заключения перемирия через один месяц возможно появление на этом фронте конницы Буденного, а через два — сосредоточение остальных красных армий. Таким образом, два месяца — максимальный срок для борьбы с противостоящими теперь перед нами красными силами.

2) Первоначальный план действий — активные действия первого периода (майская операция) занятием Северной Таврии (по фронту 400 верст, в глубину 150 верст), в дальнейшем переходить на действия по внутренним операционным линиям с нанесением коротких сокрушительных ударов в Токмаковском, Ореховском и Александровском направлениях, а затем в силу превосходства красных в резервах — к переходу в оборонительное исходное положение.

3) Десантная операция на Кубани не дает ожидаемых результатов (в смысле времени) и Красная Армия и здесь успевает своевременно сосредоточить превосходные силы путем переброски их морем из Таврии на Кубань и создать угрозы тыловым путям десанта.

4) Операция на Дону (отряда Назарова), отделенная от общего фронта значительным расстоянием, не дает осязаемых результатов. Живая связь отсутствует.

5) Со стороны красных небывалое упорство и настойчивость к захвату инициативы в свои руки. Громадные потери быстро компенсируются приливом новых контингентов мобилизованных с

севера, центра России и из Сибири. Целые дивизии уничтожаются (15-я и др.), но затем быстро возрождаются находящимся в ближайшем тылу указанным пополнением. Борьба принимает затяжной характер.

6) Наши живые силы тают. Потери в среднем 50—75 проц. Раненых к 1 августа зарегистрировано 15 000 (по сведениям главного военно-санитарного инспектора). Громадный процент убыли в командном составе (особенно в кавалерии).

Источник комплектования.

А. Крым — Северной Таврией боеспособный материал почти весь использован.

Б. Бредовские части — более половины влиты в ряды войск.

В. Надежда на Дон и Кубань, не предрешая этого вопроса до ближайшего будущего, но проблематична.

Резюме.

Учитывая: а) элемент времени в зависимости от результата на Польском фронте,

б) затяжной характер борьбы на Крымском фронте в связи с непрекращающимся приливом красных комплектований и

в) беспрерывную активность действий красных — повелительно выдвигается вопрос о дальнейших средствах борьбы с красными.

7) Новым источником живой силы — Украина.

Основание: А. Выгодное географическое положение:

а) соприкасается с западной границей (Румыния, Галиция и Польша),

б) заполняет перерыв одного антибольшевистского фронта,

в) лишает большевиков черноморских портов и морской базы в Николаеве, могущей создать угрозу нашему флоту (строящиеся там подводные лодки).

Б. Богатейший рынок всевозможных грузов для товарообмена (хлеб, шерсть, сахар и др.).

В. Население — 80 проц. крестьяне-собственники и немцы-колонисты. Настроение антибольшевистское. Повсеместные вспышки повстанческого движения, беспощадно подавляемые большевиками. Вожаки партий сознают необходимость хотя бы какого-нибудь объединяющего их центра и опоры.

8) Очередная задача:

А. Не дать потухнуть народному движению в южной части Правобережной Украины и

Б. Планомерно использовать в наших интересах ее людской контингент и богатые местные средства для борьбы с большевиками.

Первая часть вызывает необходимость в скорейшем создании в этом районе твердого центра (проект Кравченко, прил. 1) и в организации народного движения в более широких размерах и более регулярно путем образования вольного казачества (проект полковника Сахно-Устимовича, прил. 2)[22] и регулярных частей из немцев-колонистов (Лондаусский и Одесский районы). Это может быть достигнуто десантом в Херсонском и Одесском районах из прочно организованного отряда войск из всех родов оружия и при нем кадров военной администрации для дальнейшего руководства народного движения и правильной военной организации восставших.

Вторая часть задачи достигается одновременно посылкою вместе с десантом тщательно подобранной и надлежаще подготовлен-

ной гражданской администрации, которая должна немедленно приступить к установлению на месте прочного гражданского порядка и спокойствия в занятом крае.

Ген.-лейт. Слащов-Крымский

Упомяну еще о докладе полковника Сахно-Устимовича о днепровском казачестве и затем о проекте необходимых мероприятий для разрешения украинского вопроса.

Вот они:

Числящийся
по армейской кавалерии
САХНО-УСТИМОВИЧ
(Александр)
21 августа 1920 года
№ 25
г. Севастополь

Совершенно секретно

Возрождение России связано с возвращением народа к подлинным своим идеалам, которыми жили и вдохновлялись наши благочестивые предки в период созидания Руси.

Чтобы выйти на путь творчества и созидания, необходимо тлетворным учениям безбожия и социализма противопоставить религию Христа, знамя которой вознести на высоту древних героических времен.

Родина наша создавалась и всегда спасалась православной верой, которой предки наши крепко держались. Особенно яркий пример этому представляет собою история Киевской (Малой) Руси — Украины. В период тяжких испытаний украинское казачество по призыву Святой церкви, исполненное религиозным порывом, как один, встало на защиту веры своей и народности. Сечь Запорожская, представлявшая собой военно-религиозное братство, являет пример бессмертной доблести и мужества — никакая вражеская сила не могла устоять против восставшего за веру Христову казачества.

Сила народная и в настоящее время хранится в здоровых слоях Украины — она еще не использована.

Путем мобилизаций, многократно проводимых часто сменявшимися правительствами, собрать ее нельзя.

Наблюдаемые по всей Украине повстанческие движения не могут принести пользы, так как не объединены общей идеей, бессистемны, организаторы — большей частью люди без всякой политической программы, вследствие чего и самое движение может быть использовано в направлении, враждебном русской государственности. Лишь при создании особых условий, при которых возможно было бы объединение повстанцев на почве жизненной в народе идеи, повстанческое движение явится тем фактором, который окажет существенную помощь в борьбе с большевизмом.

Такой идеей и является возрождение на берегах Днепра исторического казачества.

Если вождю Русской армии угодно будет, то и теперь, как это было встарь, на клич его и призыв Матери-Церкви подымутся потомки запорожских казаков, верные заветам старины.

Для организации казачества полагал бы необходимым:

1) Обращение Главнокомандующего Русской Армией с воззванием (грамотой) к населению Украины о возрождении запорожского казачества.

2) Приказ Главного Командования о разрешении формирования в месте, где им будет признано удобным, на территории, занятой Русской Армией, первого коша[23] Запорожского казачьего войска с указанием лица, на которое возлагается означенное формирование.

3) Разрешение комплектовать кош на принципе добровольчества лицами, в настоящее время не призванными на военную службу, по преимуществу уроженцами Украины, лицами, так или иначе связанными с Украиной и сочувствующими идее возрождения исторического казачества. Комплектование коша состоящими на военной службе допускает лишь из тыловых учреждений.

Кош должен быть сформирован в месячный срок в составе трех родов оружия численностью от 500 до 2000 чел. По сформировании кош входит в состав десантного отряда и, будучи переброшен в пределы Украины, явится тем ядром, вокруг которого объединяются и организуются строевые казачьи части, положительные элементы Украины.

Если угодно будет возложить на меня организационные работы по сформированию частей коша Запорожского казачьего войска, мною будет немедленно представлен список лиц, нужных для осуществления означенной задачи.

На территории Украины по мере освобождения ее от большевиков желательно было бы установление гражданского управления в формах, основанных на исторических традициях казачества.

Полковник Сахно-Устимович

ПРОЕКТ
необходимых мероприятий для разрешения украинского вопроса

1. Официальное (одностороннее) признание Главным Командованием прав Украины на автономное управление на началах общероссийской федерации.

Декларация генерала П. Н. Врангеля с указанием предполагаемых взаимных отношений Главного Командования с Украиной и основных принципов федерации.

2. Образование украинской общественно-национальной единицы — Украинской Народной Громады как выразителя общественного украинского мнения:

А. Созыв съезда из представителей местных украинских организаций и из уроженцев Украины, бежавших в Крым в связи с событиями.

Б. Установление съездом программы Народной Громады, выражающей волю большинства украинского народа.

В. Избрание съездом членов Народной Громады и президиума ее как постоянных органов для совместной работы с Советом по украинским делам.

3. Образование при Главкоме Совета по украинским делам из пяти (не менее трех) лиц по назначению с правом совещательного органа:

А. Для сношений при его посредстве с украинскими группами, образованиями, партиями, правительствами и отдельными руководителями движения.

Б. Для совместных с военным командованием действий по объединению и организации народного и повстанческого движения на Украине.

В. Для разработки системы управления и единообразия и планомерности мероприятий в занятых местностях Украины.

Г. Для подыскания и представления кандидатов на административные и правительственные должности на местах из лиц, кои были бы приемлемы и авторитетны для местного населения и были бы встречены им с доверием.

Д. Для докладов Главному Командованию вопросов по украинским делам, возникающим как в порядке общественной и частной инициативы, так и по инициативе Совета.

4. Организация на территории Украины украинской и регулярной армии на основании и положениях, выработанных специальной комиссией с сохранением украинских исторических особенностей.

5. Установление органов по объединению и организации повстанческого движения под руководством членов совета по военным делам для организации и связи с повстанцами, их снабжения и согласования их действий с Украинским военным центром.

6. Формирование на территории Крыма украинского десантного отряда и кадров для организации повстанцев, материал для которых может быть использован только в этом направлении.

7. Избрание Наказного Украинского Атамана как Главнокомандующего Украинской Армией и украинским антибольшевистским фронтом в непосредственном подчинении Главкому и с утверждением им в должности.

8. По занятии юга Украины заключение Правителем Юга России договора с представителями Украины на основаниях и в порядке, подготовленном к тому Советом по Украинским делам совместно с президиумом Народной Громады.

9. Установление для войсковых и повстанческих частей флага: национального желто-синего с бело-сине-красным углом.

Все перечисленные мероприятия необходимо немедленно провести в жизнь для установления демократической правовой Украины на общероссийских федеративных основаниях в противововес, с одной стороны, самостийным, а с другой — крайне правым, влекущим за собой не установление порядка и успокоения Украины и России, а лишь дальнейшее продолжение междоусобицы и революции и дальнейшее разрушение и обнищание страны.

Победа, хотя временная, того и другого движения неминуемо повлечет за собой установление большевизма на территории всей бывшей Российской Империи.

Ген.-лейт. Слащов-Крымский

Все это вместе было представлено главкому лично мною.

На это главком через два дня, пригласив меня к себе, заявил, что, ничего не имея принципиально против представленного проекта, он в силу известных политических соображений окончательно ответа в данную минуту дать не может.

Проект так и остался без осуществления.

В какой степени прав был генерал Врангель — показала дальнейшая судьба Крыма.

Время было упущено.

Использовать выгодную стратегическую обстановку в связи с нахождением главных сил красных на Польском фронте не решались, а впоследствии пришлось принять на себя весь их удар, но только уже будучи одиноким.

А время было, были и средства.

Это показала совершенно ненужная Кубанская операция, заслуживающая самой серьезной критики, как политической, так и стратегической, предпринятая Ставкой в полном непонимании момента и кончившаяся так бесславно.

Глава V

В ЛИВАДИИ. КАТАСТРОФА

4 сентября я прибыл в Ялту на военном транспорте «Буг» и был встречен шумными овациями со стороны публики. Здесь же меня приветствовал ряд депутаций, причем городской голова в своем приветственном слове передал единогласное решение городского самоуправления об избрании меня почетным гражданином города Ялты. Голова прибавил при этом, что это почетное звание пока было присвоено одному лишь великому князю Николаю Николаевичу за его заслуги в великую войну (первую мировую войну.— *А. К.*).

Мне было отведено помещение в Ливадии в Министерской даче, в которой раньше помещался министр двора граф Фридерикс.

В первые же дни моего пребывания в Ливадии разными общественными организациями города Ялты был устроен ряд торжественных собраний в честь меня. Тогда же мне был поднесен ряд адресов, из которых я позволяю себе привести здесь лишь постановление Ялтинской городской думы, сообщенное мне 10 сентября.

Генерал-лейтенанту Якову Александровичу
СЛАЩОВУ-КРЫМСКОМУ

Ялтинская городская дума в очередном заседании, состоявшемся 20 августа 1920 г., заслушав заявление гласных: гр. П. Н. Апраксина и И. И. Иванова, князя П. Б. Щербатова и Ю. Сабин-Гуса, Р. А. Оцко, И. М. Деревянко о заслугах Ваших перед Родиной по защите Крыма, единогласно постановила: поднести Вам,

Ваше Превосходительство, звание ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА города Ялты и поместить Ваш портрет в здании городского управления.

За Председателя городской думы (подпись)
Городской голова И. Иванов
Секретарь думы Колотин.

Сентября 10-го дня 1920 г.
№ 5789.

ВЫПИСКА

из протокола очередного заседания Ялтинской городской думы, состоявшегося 20 августа 1920 г.

Пункт 2-й. Докладывается заявление гласных о заслугах доблестного защитника Крыма генерала Слащова-Крымского: Всем памятны еще те тяжелые дни, когда Добровольческая армия генерала Деникина дрогнула и откатилась от Орла, распылившись на мелкие разгромленные отряды. Красная Армия подошла к Перекопскому перешейку и угрожала захватить Крым — последний оплот Государственной России.

В эти тяжелые дни, когда отчаяние и ужас перед приходом красной нечисти овладели всеми, защита Крыма по счастливой случайности была вверена беззаветно геройскому генералу Слащову.

С горстью храбрецов-защитников, ощущая недостаток в продовольствии, в орудийном снабжении и в теплом платье, в грязи. холоде и при невозможных условиях генерал Слащов невероятным напряжением сил каким-то чудом отстоял Крым и только этим дал возможность вновь окрепнуть Русской Армии, ныне столь доблестно восстанавливающей государственный порядок.

В воздаяние его выдающихся заслуг Главнокомандующий, кроме награждения чином и орденами, повелел впредь генералу Слащову именоваться «СЛАЩОВЫМ-КРЫМСКИМ».

Мы, жители Крыма, полагаем, что Ялтинское городское общественное управление не может остаться глухим и неблагодарным и обязано так или иначе отозваться и выразить со своей стороны чувство удивления, восхищения и благодарности перед генералом Слащовым-Крымским.

На основании сего мы предлагаем городской думе избрать нашего славного героя и защитника Крыма в почетные граждане города Ялты и поместить его портрет в помещении городской управы.

Первый из подписавших заявление граф П. Н. Апраксин сообщил, что все мы были свидетелями того, как в декабре прошлого года ввиду неуспехов Добровольческой армии казалось, все рушилось и здание Деникина, погибая, могло под своими обломками похоронить все дело спасения Родины. Положение было отчаянное, почти безвыходное. И вот в эту тяжелую минуту у Перекопского перешейка появляется небольшой отряд генерала Слащова, который и явился оплотом против вторжения большевиков. Не забудьте, что в тылу вакханалия разгула и преступлений царила вовсю и казалось, нет такой силы, которая сумела бы восстановить порядок. Даже лица, состоящие во главе административной власти, участвовали в этих беззакониях и грабежах.

Но лучше всего и не вспоминать.

Назначение генерала Слащова начальником обороны Крыма, а затем и всего тылового района пронеслось грозным предостерега-

ющим эхом по всему Крыму, а его мощный и честный голос сумел прекратить эту вакханалию. Было заявлено, что генерал Слащов не остановится ни перед чем и будет одинаково карать как мелких, так и крупных чиновников. Благодаря этому колесо административной машины постепенно начало вращаться правильно, а на фронте появились чистое белье, продовольствие и теплая одежда, а все честное вздохнуло свободней и принялось за созидательную работу.

Генерал Слащов при своем назначении обещал отстоять Крым, употребив для этого все усилия «до последней капли крови», и он сдержал свое честное слово героя.

Крым был спасен каким-то чудом.

Когда же возник вопрос о сложении генералом Деникиным с себя власти, Слащов смело указал имя будущего спасителя идеи единой России — генерала П. Н. Врангеля.

Генерал Деникин предложил собранию военных начальников избрать себе заместителя.

Не соглашаясь с такой постановкой вопроса, генерал Слащов первый указал на неуместность избрания начальника и просил генерала Деникина сделать назначение себе преемника, чтобы не повторить приказа № 1, погубившего Русскую армию в 1917 году. Он достиг своего — Деникин наконец опубликовал приказ о назначении заместителем генерала Врангеля.

Сейчас генерал Слащов болен и нуждается в продолжительном лечении. Вечное напряжение, бессонные ночи не проходят даром, и теперь он не может быть на фронте.

Главнокомандующий оценил заслуги героя, не должны и мы быть глухими в оценке того значения, какое приобретает в истории Крыма и всей России подвиг генерала Слащова.

Городская дума единогласно постановила: поднести генералу Слащову-Крымскому звание почетного гражданина города Ялты и поместить портрет в здании городского управления.

С подлинным верно: председатель (подпись).

Мое пребывание в Ливадии продолжалось около трех недель. В это время я работал над собранием материалов для истории защиты Крыма. Работа эта не успела быть законченной ввиду разыгравшихся событий в Северной Таврии, где мое присутствие казалось мне необходимым.

Еще до моего отъезда из Ливадии ко мне явились представители всех татарских политических партий и просили моего содействия в ряде организационных вопросов, касающихся их внутреннего быта, решение которых затягивалось бюрократической волокитой наших центральных учреждений.

Одновременно с этим из Севастополя прибыли представители Украинского федеративного комитета, которые после обмена мнений со мною представили мне краткую записку о необходимых мероприятиях по украинскому вопросу.

Привожу текст этой записки.

1. Ни одна из украинских партий, находящихся в настоящее время вне украинской территории, не опирается на широкие массы народа и говорить от его имени не может.

2. Работа партий может носить лишь строго деловой характер в оказании Российскому правительству содействия по разработке мероприятий и государственного устройства Федеративной Украины, с которыми можно подойти к народу, не обещая ему большего, чем может дать власть, без опасения вновь разрушить государственный строй, но и не менее того, что вызывается закономерными требованиями народа в политическом и экономическом отношениях.

3. Все намеченные Верховной властью мероприятия должны быть ясно и определенно формулированы и немедленно проводимы в жизнь при занятии территории с широким осведомлением о них украинских народных масс.

4. Ныне существующая система внутреннего управления Крыма при отсутствии в ней определенной политики, при бессистемности финансово-экономических мероприятий, при экономическом расстройстве тыла вследствие спекулятивной вакханалии и материальной необеспеченности агентов власти не может быть перенесена на Украину без опасения подрыва престижа Верховной власти, ставящей своей задачей объединение России.

5. В целях осуществления задач, поставленных себе Верховной властью, необходимо прийти на Украину со строго обдуманной и разработанной системой управления; в случае противном — население Украины должно неизбежно поддаться контрагитации самостийных течений и временно пойти за правительством Петлюры.

6. Мы полагаем, что нерешительная политика нынешнего правительства в украинском вопросе укрепляет положение петлюровского правительства со скрытыми в нем самостийными тенденциями, что грозит Украине дальнейшим пролитием крови.

7. Строительство украинского гражданского аппарата власти должно быть заложено в Крыму и развиваться по мере занятия территории путем привлечения к нему персонально государственных и общественных украинских деятелей и самого населения и закончиться в украинском центре — Киеве с освобождением всей территории Украины от большевиков.

Для опоры гражданского аппарата на местах необходимо: а) установление твердой базы повстанчества на Правобережной Украине; б) соглашение с украинской народной армией Омельяновича-Павленко и в) восстановление на Украине твердой опоры правопорядка — вольного казачества. 4 октября 1920 г.

Подписали: Н. Кравченко, Д. Перлик.

Результатом свиданий с татарами и украинскими представителями было следующее мое письмо главкому:

Состоящий
в распоряжении
Главнокомандующего
генерал
Слащов-Крымский
№ 10243
5 октября 1920 г.
Ливадия

Ваше Превосходительство,
Глубокоуважаемый Петр Николаевич

Беру на себя смелость обратиться к Вам с письмом. К этому меня вынуждают обстоятельства и позволяют заявления о дружеском ко мне отношении.

За время пребывания в Ливадии у меня были представители татар всех партий, которые откровенно мне сознались, что зеленых при наличии сплоченности татарского населения с нами быть не может. Для этого необходимо: 1) ускорить вопрос о вакуфных землях, 2) ревизия (самая строгая) нашей местной контрразведки и 3) организация территориальных татарских войск наподобие кубанских.

Сейчас же зеленые действуют вовсю и даже не позволяют рубить дрова.

Я сам поднимал восстания и знаю, что без поддержки, хотя бы пищей, местного населения повстанцы существовать не могут.

Наличие в нашей контрразведке лиц корыстных (даже из татар) не позволяет благонадежным элементам выступить за нас, в особенности без получения льгот своему населению.

Кроме татар, мне пришлось говорить с украинскими деятелями (не петлюровского толка). Они очень удручены задержкой в опубликовании поданной Вам декларации. (А петлюровская пропаганда даже на фронте идет.).

Правитель Юга России
Главнокомандующий Русской Армией
6/15 окт. 1920 года
Личное письмо
гор. Севастополь

Глубокоуважаемый Яков Александрович!

Спасибо Вам за Ваше письмо. Почти все, о чем Вы говорите, уже делается: на днях будет опубликован целый ряд новых льгот, долженствующих обеспечить несчастную жизнь нашего офицерства, меры намечены и материального и морального свойства; вопрос о привлечении татарского населения к несению внутренней службы разрабатывается; с повстанцами Правобережной Украины мы поддерживаем самую тесную связь; что же касается злоупотреблений во всех областях, а в частности органов контрразведки, то с этим злом веду неустанную борьбу. Только что учредил комиссию высшего правительственного надзора, куда каждый обыватель может принести жалобу на любого представителя власти в полной уверенности, что жалоба дойдет до меня и не останется втуне. Дела наши на фронте с Божьей помощью идут хорошо, и я не знаю, отчего Вы ими обеспокоены[24].

В связи с заключением Польшей перемирия следует ожидать вскоре усиления против нас врага и при этих условиях растягивать фронт нельзя — надо бить противника, не давая ему сосредоточиться, пользуясь для обеспечения наших флангов естественными рубежами.

Пока кончаю, жму Вашу руку и прошу передать Вашей супруге мой привет. Ваш П. Врангель.

Письмо это мало успокоило меня. Каким-то внутренним чувством я предчувствовал тяжелое положение на фронте. Тревога не дала сил остаться дольше в Ливадии, и я приехал 12 октября в Севастополь, немедленно запросив, когда меня может принять главнокомандующий.

Главком мне назначил час приема, но я заведомо знал, что в этот час главком уже будет в отъезде.

Так и случилось. Принят я не был.

Тогда я сейчас же уехал обратно в Ливадию, подав такой рапорт:

Состоящий в распоряжении
Главнокомандующего
Генерал-лейтенант
СЛАЩОВ
14 октября 1920 года
г. Севастополь

Главнокомандующему
Русской Армией

РАПОРТ

Поправив совершенно свое здоровье и узнав о назревающих на фронте боях, я прибыл 12-го сего октября в г. Севастополь, чтобы явиться к Вам и, как состоящий в Вашем распоряжении, просить разрешения ехать вместе с Вами и быть у Вас под рукою во время сражения.

Видеть Вас 13 октября мне было отказано, и назначен прием в 12 час. 14 октября. Сведения, что Вы уезжаете на рассвете 14 октября, заставили меня переспросить лично, точно ли в 12 часов мне приказано явиться, и дежурный офицер есаул Ляхов это подтвердил.

На рассвете 14-го Вы уехали. Я не удостоен даже возможности сделать Вам доклад. Теперь я поставлен в очень тяжелое положение — с одной стороны, Ваш приказ и личные слова о призыве меня к боевой работе по выздоровлении, с другой — болезненный удар по самолюбию и невозможность даже видеть Вас. Учитывая современное положение, когда каждый неверный шаг частного начальника может вредно отразиться хотя бы на мелочах общего дела, обращаюсь к Вам за советом, что же мне дальше делать, и с просьбой вполне откровенно, как офицер офицеру, выяснить мое положение.

Лично я считаю себя пока что дезертиром, т. к. здоров, призывного возраста и ничего не делаю, а потому мне следует, по моему мнению, идти добровольцем на фронт.

Прошу не отказать в распоряжении известить меня о Вашем решении. Ген.-лейт. Слащов-Крымский.

По приезде в Ливадию я получил такую телеграмму главкома:

«Ялта. Генералу Слащову-Крымскому. На № 10113. К сожалению, в настоящее время никакой соответ-

ствующей Вашему положению должности представить Вам не имею возможности, но всегда рад видеть Вас у себя в Ставке. № 74686. Врангель. 16/10».

Немедленно по получении этой телеграммы я, не считаясь с самолюбием, помня об одном только деле, выехал в Джанкой и прибыл в Ставку к главнокомандующему, который объяснил все происшедшее недоразумением.

Время было не для разговоров, и я счел инцидент исчерпанным.

Прибыв в Джанкой уже в тот момент, когда противник зашел в тыл нашим армиям у Сальково, я вполне присоединился к плану главкома, предлагавшего атаковать Буденного частями Донской и 1-й армий с севера на юг. При этом, однако, я высказал ему сомнение относительно того, сумеет ли генерал Кутепов выполнить эту задачу вовремя, и добавил, что главкому следует проехать к Сальково самому.

Главком не поехал, объяснив это забитостью пути.

Как я и предполагал, Буденного запоздали зажать и наши части растрепанными стали отходить в Крым.

Боевой состав наших частей в это время почти равнялся силам противника, что видно из прилагаемого боевого состава красных (см. приложение 2.— *А. К.*) и количества наших войск, привезенных в Константинополь. Ввиду этого я предложил проводить план, аналогичный с моим планом обороны Крыма в прошлом году, развивая его добавлением десантной операции.

При составлении этого плана в его основу были положены следующие данные.

1. Войска расстроены и, сидя на месте, не способны выдержать зрелище наступающего на них противника, следовательно, надо наступать.

2. Противник во много раз превосходит нас, следовательно, надо атаковать его тогда, когда он не может развернуть все силы[25].

3. Всякая пассивная оборона измотает войска и рано или поздно приведет к поражению, следовательно, требуется активность, т. е. атака.

4. Военная история показывает, что все защищающие Крым боролись за Чонгарский полуостров и за Перекоп и терпели неудачи, следовательно, требуется маневр, т. е. атака (резервы).

5. Местность показывает, что: а) Чонгарский полуостров охватывается Северной Таврией, и Сальковская позиция подвержена перекрестному огню; б) жить на Чонгарском полуострове негде (дело зимой); в) крымский берег охватывает Чонгар и тоже берет его под перекрестный обстрел и отделяется от него двухверстной дамбой; г) Перекопский вал обходится с флангов по бродам Сиваша и моря и берется в перекрестный обстрел с берегов Северной Таврии; д) втянувшись в Перекопский перешеек, противник не может развернуть своих превосходных сил против Юшуня; е) в районе Армянск—Юшунь наши суда могут (по глубине моря) обстреливать побережье; ж) проход в обход Юшуня севернее Армянска между озерами (Трактир) легко оборонять до самой Магазы; з) Сиваши зимой и весной непроходимы и) укреплений и связи почти нет, т. е. надо задержать врага до его устройства.

6. В тылу полная дезорганизация, недоверие к командованию и угроза восстания в пользу большевиков.

7. Из всего сказанного видно, что обстановка требует: а) задержать короткими ударами подход врага к Сивашам; б) вести маневренную войну, имея крупный резерв, и обороняться только атаками; в) бросить Чонгарский полуостров и Перекопский перешеек и заморозить врага в этих местностях (отсутствие жилищ), бить его по частям, когда он оттуда дебуширует; г) фланги охранять флотом; д) тыл усилить.

8. Поэтому нужно решить: а) наносить короткие удары в Северной Таврии; б) Чонгарский полуостров и Перекопский перешеек занимать только сторожевым охранением; в) главную позицию устроить по южному берегу Сиваша и строить групповые окопы, чтобы встретить врага контратакой, а севернее Юшуня еще фланговую позицию фронтом на запад (главный резерв — район Богемка—Воинка—Джанкой); г) иметь большую часть в резерве; д) никогда не позволять себя атаковать, а всегда атаковать разворачивающегося противника и по возможности во фланге; е) между Сивашами наблюдения; ж) построить железную дорогу на Юшунь от Джанкоя и провести телеграфную связь вдоль Сиваша; з) бороться с беспорядками в тылу самыми крутыми мерами, не останавливаясь ни перед чем, и успокоить население.

9. Для свободы маневров устроить двойную базу на Джанкой и на Симферополь[26].

Генерал Врангель на десантную операцию не соглашался, а на счет плана обороны сказал:

«Маневрировать вы могли в прошлом году, имея небольшие силы, теперь же нас так много, что мы удержим противника просто в окопах».

Я доказывал, что наши войска не способны выдержать вида наступающего на них противника, раз они беспрерывно сидят в окопах; жилищ для такой массы войск не хватит, они замерзнут — инициатива будет всецело в руках противника, и он атакует тогда, когда захочет. Скопление громадного количества войск в Крыму приведет к их голоданию.

Вследствие голода и холода, естественно, начнется массовое дезертирство.

С другой стороны, если держать небольшое количество войск в домах, хорошо кормить, а остальных увести в десантную операцию, то противник, наступая от Перекопа и пройдя по морозу верст двадцать, подвергнувшись атаке теплых, согретых и накормленных людей, побежит в свою очередь.

Так было всегда при первой обороне Крыма.

Теперь же генерал Врангель на все это ответил только, что десантные операции будут, но в будущем. «В будущем», разумеется, исполнено не было, а сделано все наоборот.

Таково было влияние бездарного штаба на главнокомандующего. К этому следует прибавить, что «неприступная» позиция у Перекопа оказалась без землянок, без ходов сообщения; позиционная артиллерия не пристреляна и места для полевой артиллерии не выбраны.

Между тем условия обороны были очень легки, так как Сиваш не замерзал в это время и только у берегов подергивался тонким льдом, еще больше затруднявшим всякую переправу противника.

В это время главком, несмотря на серьезность положения, выехал в Севастополь, передав оборону Крыма генералу Кутепову. Мне, генералу без должности, ничего не оставалось, как последовать за ним.

В Севастополе мне предложили командировку в 3-ю армию на Западный фронт[27] (опять хотели избавиться от моего беспокойного характера).

Считая, что главные действия наши должны быть на западе, я и на это согласился и уже собрался уезжать, когда были получены сведения, что Юшуньская позиция прорвана.

Я немедленно явился к главкому и доложил, что при этих условиях уезжать из Крыма считаю невозможным и прошу назначения на фронт на какую угодно должность.

Главком ответил, что переговорит с генералом Кутеповым, обороняющим фронт.

Произошел ли этот разговор или нет, но той же ночью была получена от главкома такая записка:

ПРАВИТЕЛЬ
Юга России и
Главнокомандующий Русской Армией
20 октября 1920 г.
№ 381

Генералу Слащову

Ввиду Вашего желания приложить свои силы на помощь обороны Крыма и ввиду больших потерь в высшем командном составе, приказываю Вам с получением сего незамедлительно отправиться в распоряжение генерала Кутепова. Одновременно сообщаю последнему о Вашем выезде и предлагаю использовать Вас для объединения командования частями на одном из участков фронта. В Ваше распоряжение будет предоставлен автомобиль. Все указания получите от командующего войсками генерала Скалона. Врангель.

Немедленно же на автомобиле я выехал в Джанкой, куда прибыл утром.

Пессимизм в штабе 1-й армии был страшный — настолько, что я спросил генерала Кутепова:

«Веришь ли ты сам в то дело, которое делаешь? Если нет, то мы заранее разбиты».

Генерал Кутепов дал уклончивый ответ.

Весь день шли разнообразные назначения меня генералом Кутеповым на разные боевые участки, но все эти назначения сводились к тому, чтобы куда-нибудь послать и дать какое-нибудь дело совершенно лишнему, но назойливому человеку. Назначения эти могли вызвать только наслоение одного командного состава над другим.

Пока шла эта преступная игра, разыгрываемая на глазах у гибнущей армии, было получено следующее официальное сообщение правительства Юга России:

Ввиду объявления эвакуации для желающих — офицеров, других служащих и их семей — правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают выезжающих из пределов России. Недостаток топлива

приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того, совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Все это заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилий врага, оставаться в Крыму. Севастополь, 29 октября/11 ноября 1920 г.

Как видите, это сообщение можно охарактеризовать только словами:

— Спасайся кто может!

Так оно и было понято в войсках.

В этот же день ночью я был послан на Юшунь-Симферопольскую дорогу к частям, отходившим из Таврии.

Приехав туда, я застал: 256 штыков, 28 орудий и при них 2 штаба дивизии и 1 штаб корпуса.

Я прямо заявил всем этим штабам, что в такой обстановке нужен только ротный командир, а не наслоение одних штабов над другими.

А части в это время уже шли веером в разные стороны на фронт Керчь—Евпатория.

Предыдущие распоряжения и знаменитое официальное сообщение правительства уже погубили армию. Даже приказа было отдать нельзя, потому что все равно его не доставят.

И вот утром 12 ноября н. ст. я приезжаю в Сарабузы к генералу Кутепову.

Вскоре после этого Ставка передала Кутепову (принимал генерал Достовалов) такое сообщение:

«Главнокомандующий приказал доложить генералу Кутепову, что в Севастополе в витрине на Нахимовской вывешена телеграмма генерала Слащова примерно следующего содержания: „Красную сволочь разбил, советую тыловой развязывать монатки. Генерал Крымский“».

Одновременно произошел по Юзу разговор генерала Врангеля с генералом Кутеповым.

Генерал Кутепов: «Может ли говорить генерал Слащов, который находится у аппарата?» Генерал Врангель: «Я очень спешу, и ежели генерал Слащов имеет что-либо мне передать, то прошу сделать это через тебя. До свидания».

Генерал Кутепов: «Слушаю, передам телеграммой. Все. Передаю телеграмму генерала Слащова». «Главкому. Лично видел части на фронте — вывод: полное разложение. Последний приказ о неприеме нас союзниками окончательно подрывает дух. Выход следующий: из тех, кто не желает быть рабом большевиков, из тех, кто не желает бросить свою Родину, сформировать кадры Русской Армии, посадить их на отдельные суда и произвести десант в направлении, доложенном Вам мною еще в июле месяце и повторенном в моих докладах несколько раз. Колебанию и колеблющимся не должно быть места — должны идти только решившиеся победить или умереть. С подробным докладом выезжаю к Вам в поезде юнкеров и прошу по моем приезде немедленно принять меня, хотя бы ночью. Жду ответа в штарме один. № 10285. 12 часов 20 минут. 30/10-20 г. Слащов-Крымский».

Генерал Врангель отвечает: «Генералу Кутепову. Передайте генералу Слащову: желающим продолжать борьбу предоставляю полную свободу. Никакие десанты сейчас за неимением средств не выполнимы. Единственный способ — оставаться в тылу противника, формируя партизанские отряды. Если генерал Слащов решится на это — благословляю его на дальнейшую работу. Предлагаю Вам задержать генерала Слащова на фронте, где присутствие его несравненно нужнее, нежели здесь. Севастополь, 30/10-20 г. № 417. Врангель».

Генерал Кутепов: «Телеграмма генералу Слащову передана. У меня больше вопросов пока нет. Кутепов».

И все.

Все же пытаюсь еще раз говорить со Ставкой.

У аппарата Коновалов. Говорю: «Здравствуйте, Герман Иванович. В связи с только что полученной телеграммой генералом Кутеповым от Вас прошу немедленно в собственные руки главкома передать следующее: „Глубоко оскорблен Вашим нежеланием говорить со мной по аппарату, что, видимо, явилось следствием тех сведений, которые переданы генералу Кутепову через генерала Коновалова. Доношу: ни одной телеграммы, помимо генерала Кутепова, за исключением требований и отмены высылки лошадей и бинокля, не отправлял. Глубоко оскорблен тем, что даже могли подумать, что я отправил телеграмму, подобно расклеенной на улицах (о которой сообщает генерал Коновалов генералу Кутепову). Прошу либо

доверия, либо военно-полевого суда. Я же буду спасать Родину или умирать. Прошу Вас не отказать дать срочный ответ и сообщение ответной телеграммы. Пока всего хорошего. Все. № 10230. 30/10-20 г. 16 часов 22 минуты. Слащов-Крымский"».

Ответа, конечно, не было.

Тогда вместе с генералом Кутеповым я выехал в Севастополь. Там ни о каком сопротивлении и не думали. Все думы сводились к тому, как бы уехать.

Генерал Врангель меня видеть не захотел (как сообщил мне генерал Кутепов).

Все мои желания остались только желаниями. Армия садилась на суда, покидая Крым, ничего сделать было нельзя, и я на ледоколе «Илья Муромец» выехал в Константинополь, покидая землю, которую всего несколько месяцев тому назад держал с горстью безумцев-храбрецов...

Время было другое, и штаб генерала Врангеля думал в октябре иначе, чем я в апреле...

Глава VI
НА ЧУЖБИНЕ

Еще в поезде в Сарабузе я разговаривал с генералом Кутеповым о том, что Ставка все погубит, что генерал Врангель недостаточно решителен в ту минуту, когда от вождя нужна именно решительность, а его «камарилья» достаточно типична именно для определения ее таким словом и, конечно, ни к чему хорошему не приведет.

Приехав в Босфор, я возобновил этот разговор и указал Кутепову на необходимость смены штаба.

Кутепов во всем со мной согласился и взялся передать генералу Врангелю мой рапорт. Привожу его целиком.

Состоящий
в распоряжении
Главнокомандующего
генерал-лейтенант
СЛАЩОВ-КРЫМСКИЙ
№ 10443
6—19 ноября 1920 г.
Кр. «Алмаз»

Главнокомандующему
Русской Армией

Рапорт

В марте месяце этого года, когда Вы эвакуировались в Крым, защищаемый мною, Вы мне заявили о Вашем желании продолжать борьбу с большевиками.

Сейчас Вы мне ответили, что желающих продолжать борьбу благословляете.

Дальше, в марте же месяце, в 3 часа ночи, Вы мне заявили, что имеете возможность обеспечить всех военнослужащих в случае неудачи.

Прошло семь месяцев, и Крым сдан. В августе месяце я доложил Вам, что благодаря Вашим помощникам Вы губите Родину, и просил отставки и суда. Ваш ответ — отставка и суд вредны.

В момент Вашего крушения я просил назначения — Вы меня назначили зрителем без власти.

Теперь всех сажают в лагерь военнопленных, а многие этого не желают. Не соглашавшихся с Вашей политикой даже не спрашивают, куда они отправляются.

На основании всего доложенного доношу: 1) голодаю, 2) голодают офицеры и солдаты и 3) спрашивают у меня: «За что?»

Я же ходатайствую перед Вами об ответе по тем обязательствам, которые Вы взяли на себя, принимая должность Главнокомандующего.

Я обращаюсь к Вашей чести, ко всему святому, что у Вас есть, и прошу: спасите Родину и обеспечьте борцов за ее счастье, хотя бы в ущерб своим интересам.

Вами обеспеченные бойцы под командой старшего из бойцов, генерала Кутепова, хотя бы на новом фронте исполнят свой долг.

Генерал-лейтенант Слащов-Крымский

В этом рапорте, как видите, я выставил преемником власти главкома генерала Кутепова. Это для того, чтобы сохранился принцип преемственности власти, чтобы не было того, что принято называть coup d'état[28].

Правда, état (государства) у нас уже не было, но армия еще была.

И армия эта — Русская Армия, солдатом которой я был, есть и буду,— она умереть не может и не должна!

Но возвращаюсь к истории рапорта.

Что произошло на «Корнилове», куда Кутепов возил мой рапорт, я не знаю, ибо ответа никакого я на него не получил, но не могу не отметить, что после подачи этого рапорта Шатилов отдал распоряжение об исключении из армии всех генералов, не занимавших должностей, хотя бы эти генералы и желали остаться в армии, и о перечислении их в разряд беженцев.

Я не знаю, много ли честных, исполнивших свой долг людей было выброшено таким образом на улицы Константинополя без крова, пищи и, по типичному беженскому выражению, «без пиастров», но я знаю, что я — Слащов,— отдавший Родине все, отстоявший Крым в начале 1920 года с 3000 солдат от вторжения 30 000 полчищ красных, я, заслуги которого увекове-

чил своим приказом сам Врангель, добавивший по просьбе населения к моей фамилии наименование «Крымский»,— я выброшен за борт.

Я говорю все это не для того, чтобы хвастать своими заслугами, я намеренно подчеркиваю, что о них говорил не я, а сам Врангель, но я хочу сказать только, что если так поступил штаб со Слащовым, то чего же ожидать от него рядовому офицеру или солдату?..

И вот под впечатлением этих мыслей и прочтя в газете «Presse du Soir» (№ 174) о собрании русских общественных деятелей и о вынесении ими резолюции, в которой они призывают к поддержке генерала Врангеля в дальнейшей борьбе против большевиков, я послал председателю этого собрания такое письмо:

Генерал-лейтенант
СЛАЩОВ-КРЫМСКИЙ
1 декабря 1920 г.
№ 102
Константинополь

Председателю собрания Русских Общественных Деятелей

В № 174 газеты «Вечерней Прессы» (29 ноября 1920 г.) помещена заметка о собрании Русских Общественных Деятелей, объединившихся на следующих основных лозунгах момента: «продолжение борьбы с большевиками и сохранение преемственности власти ген. Врангеля, действующего в полном единении с широкими общественными кругами».

Для восстановления истины я, удержавший Крым в конце 1919 г. и первую четверть 1920 г. и передавший эту оборону последней пяди русской земли генералу Врангелю, считаю не только своим нравственным правом, но и долгом запросить Вас, как представителей общественных организаций:

1. Известно ли Вам количество средств, переданных генералу Врангелю при уходе генерала Деникина?

2. Известно ли Вам, что генерал Врангель обещал мне лично, принимая должность Главнокомандующего, обеспечить всех бойцов и их семейства, даже в случае несчастья (вывоз вина, хлеба и золотой запас)?

3. Известно ли Вам, что все, до раненых включительно, голодают, а я, передавший ему власть, не имевший ни одного поражения, выброшен теперь за борт без всяких средств?

4. Известно ли Вам, что я об этом подал генералу Врангелю рапорт, прося вывести нас из тяжелого положения, обращаясь к его чести и всему святому, а он мне даже не ответил?

5. Известно ли Вам, что я с первых шагов деятельности генерала Врангеля неоднократно указывал ему на несоответствие некоторых окружающих его лиц, деятельность которых приведет к гибели Родины, и что после этого 4 августа 1920 г. я был освобожден от должности якобы по причине расстроенного здоровья?

6. Известно ли Вам, что я предложил генералу Врангелю план обороны Крыма, аналогичный с зимней кампанией 1919—1920 гг. и расширенный в смысле десантной операции. Основной идеей предложенного плана была невозможность обороняться зимою в окопах без жилищ (на Юшуньских позициях отсутствовали землянки). Маневренная защита была отвергнута генералом Врангелем. Все мои предупреждения оправдались действительностью, а общественные организации теперь выступают на поддержку виновников потери нашей земли; к счастью, мои рапорта и телеграфные разговоры у меня сохранились, и я рассчитываю найти где бы то ни было печатный орган, который оповестит мир о настоящих причинах нашего несчастья.

Надеюсь, что Вы обсудите эти вопросы и не откажете поставить меня в известность о Вашем на них заключении.

Адрес: Стамбул, квартал Везнеджилер, улица Де-Руни, дом Мустафа-Эффенди, № 15—17.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности.

Уважающий Вас Я. Слащов

Недели через две я получил на это письмо такой ответ:

Его Превосходительству

Генерал-лейтенанту СЛАЩОВУ-КРЫМСКОМУ.

Милостивый государь!

Ознакомившись с содержанием Вашего письма и вполне давая себе отчет в исключительно тяжелом положении, в котором оказалась армия и беженцы, Бюро Политического Объединения считает долгом с особой настойчивостью настаивать на мысли о необходимости в переживаемый момент общественного и индивидуального единения организаций, групп и отдельных лиц, представляющих за границей антибольшевистскую Россию, не отрицая вместе с тем возможности ошибок, неизбежных во всяком, а тем более в исключительно трудном деле.

Прошу принять уверение в моем совершенном уважении и преданности.

Юренев

Вскоре после этого ответа генерал Врангель издал приказ о суде чести над генералами и секретно от меня самого предал этому суду. Суд этот, рассмотрев мое «преступление», совершенное, кстати сказать, до учреждения этого суда, не считаясь с тем, что дает закону обратную силу, вынес какой-то неизвестный мне заочный (без производства дознания и следствия) приговор, следствием которого был такой приказ:

Приказ

Главнокомандующего Русской Армией

Яхта «Лукул» № 3816 21 декабря 1920 г.

Суд чести старших офицеров Русской Армии, обсудив обращение генерал-лейтенанта Слащова-Крымского на имя председателя комитета общественных деятелей, постановил:

Признать поступок генерала Слащова-Крымского в переживаемое нами тяжелое время недостойным русского человека и тем более генерала, почему генерал Слащов-Крымский не может быть долее терпим в рядах Русской Армии.

Объявляя об изложенном, утверждаю приговор суда чести по делу о генерал-лейтенанте Слащове-Крымском и приказываю уволить его от службы без права ношения мундира.

Генерал Врангель

Начальник штаба генерал-от-кавалерии Шатилов
(по штабу Главнокомандующего).

Надо сказать, что и приказ этот мне сообщен не был (я его достал случайно, и он хранится у меня, засвидетельствованный печатью и подписями).

Мне прислали, вероятно стыдясь за себя, извращенный приказ, и даже не приказ, а выписку, кратко гласящую:

Выписка из приказа Русской Армии от 21 декабря 1920 года за № 301.

Увольняется от службы — По пехоте
Генерал-лейтенант Слащов-Крымский

Подлинный подписал: генерал Врангель. Скрепил начальник штаба генерал-от-кавалерии Шатилов.

Верно:
За начальника информационного отделения
Генерального штаба полковник Станиславский

Так пытались очернить меня, создав «суд», где судьями были люди, которых я обвиняю в тяжких ошибках, иногда худших, чем само преступление; где о деле не производилось ни дознания, ни следствия; где обвиняемый не только не допрашивался, но даже и не извещался о суде; где гласность была и для общества и для обвиняемого заменена подлогом.

Тогда я написал свое последнее письмо генералу Врангелю, которое было мне возвращено непринятым с надписью об этом адъютанта главкома есаула Ляхова.

Вот это письмо:

Генерал-лейтенант
СЛАЩОВ-КРЫМСКИЙ
26 декабря 1920 г.
№ 103
г. Константинополь

Ваше Превосходительство
Милостивый государь
Петр Николаевич!

Получил Ваш приказ о состоявшемся суде чести надо мною, лишении меня мундира и исключении со службы. В вину мне поставлено письмо общественным деятелям, критикующее Вас и Ваших приближенных, и мой поступок назван недостойным офицера.

Этим судом нарушена 22 Кн. Св. Воен. постановлений (приложение 7) и статут ордена Св. Георгия Победоносца, потому что: 1) в выборах суда чести я не участвовал, 2) я не допрашивался ни на следствии, ни на суде и даже о нем не знал (адрес мой известен и помещен даже на инкриминируемом мне письме), 3) закон о суде чести над генералами издан после моего письма, т. е. закону дана обратная сила, 4) мне не дано было право отвода, и потому в суде участвовали лица, которых я сам обвинял, 5) я не только не был на суде и не давал показаний, а даже приговор мне не был прочтен, а приказ № 3816 я случайно достал, уже только 25 декабря, официально же до сих пор не получил, 6) никакому суду чести я без моего согласия не подлежу, как уволенный в беженцы, 7) я — георгиевский кавалер и могу быть лишен мундира только со снятием этого ордена,— теперь перейдем к подробностям.

От суда я не отказываюсь, но вспомните события:

1. В тяжелый момент крушения армии Деникина Вы написали ему письмо, аналогичное с моим, и сами занимались распространением его всем (так что адресат роли не играет). Вы тогда состояли в распоряжении Главнокомандующего, т. е. на службе,— я же написал тогда, когда на службе не состоял, а был выброшен за борт в разряд беженцев. Вы были за Ваш поступок уволены от службы — я предан суду. Закон Вами издан уже после моего письма, и я заочно приговорен к лишению мундира и повторному выбрасыванию за борт,— посудите сами, если закон имеет обратную силу для меня, почему же он не имеет ее и для Вас, т. е. отдайте и себя под суд:

2. Теперь подумайте, насколько отвечает элементарным принципам законности и справедливости участие в суде надо мною лиц, которых я неоднократно обвинял, можно ли это назвать судом чести.

3. Каким образом составлен этот суд, ведь суд чести есть орган выборный, и каждый, если кто со штабс-капитанского чина и вообще прослуживший год в части, подвергается суду чести, то он перед тем обязательно участвовал в его ежегодных выборах; кажется, я в армии не новичок и в момент суда в армии не состоял (отставные судом чести не судятся) и как член суда чести лейб-гвардии Финляндского полка с штабс-капитанского чина и позже его председатель заявляю Вам, что Ваш суд судом чести назвать нельзя.

4. Кроме этого, мне интересно знать, чем вызвано такое резкое нарушение формальностей судопроизводства, лишившее меня права давать показания. Меня не предупредили о суде, меня не спрашивали, я не знаю даже, производилось ли следствие, а между тем считаю, что мое показание, что я действую по Вашему примеру, да еще тогда, когда стал беженцем, изменило бы приговор. Не может быть, чтобы в этом играла роль срочность дела, так как приказ Ваш помечен 21 декабря, а я его получил 25 декабря, поэтому считаю, что умышленно избежали моих показаний (адрес мой был известен и помещен даже на инкриминируемом мне письме).

5. Имеете ли Вы право лишать мундира кавалера ордена Св. Георгия, Николая Чудотворца и Георгиевского оружия, хотя бы по суду чести, так как по русским законам требуется снятие этих орденов, что делается только по постановлениям военно-окружного или полевого суда.

6. В какой степени юридически обосновано Ваше право как Главнокомандующего над всеми бывшими военнослужащими, объ-

явленными беженцами, т. е. вышедшими из состава армии, т. е. из подчинения Главкому.

7. Кроме того, в Вашем приказе указано, что мой поступок не достоин русского человека. Обсудим, кто русский человек: тот ли, кто с горстью людей удержал Крым, дал приют бежавшим из Новороссийска и сдал управление старшему назначенному начальнику, или тот, который провозгласил Крым неприступной крепостью, имел почти равные противнику силы и со своими приближенными, несмотря на мои предупреждения о преступности их действий, довел войска до эвакуации в Константинополь.

Вот как русский человек я и заявляю, что пребывание Вас и сдавших некоторых высших начальников для дела вреднее моих разоблачений.

Мое мнение: надо иметь гражданское мужество сознаться в своих ошибках и взыскать с виновных. Начальники, поставившие своих подчиненных в столь тяжелое положение, как наше, потеряли свой авторитет и никогда не смогут возродить дело.

Льщу себя надеждою, что Вы, разобрав дело, убедитесь в незаконности своего шага, отмените свой приказ и предадите суду (согласно закона) председателя суда, допустившего столько незаконных поступков.

Надеюсь, разбор дела Вы предадите гласности, так как шельмующий меня приказ № 3816 всем уже известен.

Буду ждать Вашего ответа.

Копию этого письма препровождаю Союзному Командованию, Украинскому Национальному Комитету и Председателю Союза Русских Общественных Деятелей.

Остаюсь уволенный от службы, но продолжающий работать на пользу Родине.

Я. Слащов-Крымский

Адрес: Стамбул, квартал Везнеджилер, улица Де-Руни, дом Мустафа-Эффенди, № 15—17.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После всего изложенного читатель и все общество невольно спросят:

«Кто же виноват в сдаче Крыма генералом Врангелем? Неужели войска оказались не на высоте и не исполнили своего долга?»

Я отвечу на это.

Нет — войска не виноваты, войска были те же, что и при первой обороне. Мало того, их было не 3 тыс. против 25—30 тыс., а 60 тыс. против 70 тыс., т. е. силы их почти равнялись силам противника. Качеством они были лучше, так как подучились и устроились — сколотились. Они исполнили свой долг...

Но что же делать, если высшее командование оказалось не на высоте своего призвания; если вместо своевременного отхода на Перекопские позиции их за-

ставили две недели беспрерывно драться (октябрь месяц), а затем пробивать себе дорогу на эти позиции; если провозглашенная всему миру неприступность этих позиций в действительности оказалась не отвечающей даже элементарным требованиям техники военного дела; если при морозе в 16 градусов им приходилось сидеть в окопах, лишенных землянок, без всякой теплой одежды, и, наконец, если вместо приказа о наступлении дали приказ «беги все куда сможешь» (приказ правительства о неприеме нас союзниками, эвакуации и оставлении в Крыму тех, кто не боялся красных).

Виноваты не войска, а зависть, себялюбие, выставление своих интересов выше государственных и личные счеты.

Причины крушения заключаются в том:

1) что некоторые начальники не имели в себе достаточного гражданского мужества своевременно сойти со сцены;

2) что ради своих личных интересов губили общее дело и умышленно, повторяю, умышленно отвергали всякий совет, исходивший от старых защитников Крыма. (В частности, лично я в августе указывал генералу Шатилову по карте направление главного удара красных Каховка—Сальково, а затем неоднократно указывал на необходимость второй базы — Украины);

3) что в вопросах о Перекопской позиции проявили преступную халатность, не приняв своевременно мер к ее соответствующей подготовке, к чему и времени и средств было больше чем достаточно;

4) что в вопросах по снабжению войск теплою одеждою проявили медленность и нераспорядительность, в результате чего войска остались наполовину неодетыми и настроение войск понизилось, а вместе с тем понизилась и их боеспособность;

5) что, предрешив вопрос об эвакуации Крыма еще за три недели до ее начала, не отвели войска своевременно из Таврии на Перекопские позиции и пожертвовали тысячами жизней героев за свою недальновидность и полную неспособность к надлежащей оценке политической и стратегической обстановки и, наконец,

6) в том, что проявили полную растерянность в момент, когда можно еще было спасти положение (мой совет о десанте в Одессу) и когда можно было бы продолжать оборону Крыма, если бы вожди дали

личный пример армии, а не отдавали приказа «спасайся кто может!».

Вместо этого — погубили и предали общее дело.

Я, может быть, тоже виновен в недостаточно настойчивом проведении общих интересов — судите меня, но одновременно судите и тех, кого я обвиняю.

Родина им простить не может, потому что Крым был неприступен, а войска дрались геройски, так пусть виновников простит Бог, как сказал старый вождь генерал Деникин, за то зло, которое нанесено ими Русскому делу[29].

[1] Назначение генерала Покровского не состоялось, и генерал Шиллинг поручил фронт мне (примеч. Слащова).

[2] Командующий войсками Новороссии (генерал Шиллинг).

[3] Приказом генерала П. Н. Врангеля для частей 2-го армейского (бывшего Крымского) корпуса генерала Я. А. Слащова, геройски оборонявших Крым зимой 1919—1920 гг., был учрежден знак на головные уборы с надписью: «1919. За защиту Крыма. 1920».

[4] Юз — буквопечатающий телеграфный аппарат, разработанный Д. Э. Юзом.

[5] Кильватер — след на воде, остающийся за кормой идущего корабля; отсюда кильватерная колонна — строй.

[6] Балиндоры — матросы-буксировщики, которые выносили буксиры на берег и закрепляли их за забиваемые в песок («намертво») причальные столбы (колы).

[7] Газета «Заря России» от 6 июля 1920 г., № 112 (примеч. Слащова).

[8] Батальон 134-го пехотного Феодосийского полка.

[9] В действительности 15-я, 51-я и Латышская стрелковые дивизии.

[10] Генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего.

[11] Батальон 133-го пехотного Симферопольского полка.

[12] Предмостное укрепление (устар., ныне — плацдарм) — оборонительная позиция, создаваемая для удержания мостовой переправы и обеспечения войскам благоприятных условий для действий на обоих берегах водной преграды.

[13] С этим утверждением Слащова согласиться нельзя: удержание 13-й Красной армией Каховского плацдарма позволило командованию Южного фронта, опираясь на него, в октябре 1920 г. нанести главный удар по врангелевским войскам в Северной Таврии, что привело к отступлению их в Крым и эвакуации в Турцию.

[14] Это «общее суждение» Слащова также противоречит истине: каковы бы ни были объективные и субъективные причины, конная группа генерала И. Г. Барбовича и 2-й армейский корпус генерала Я. А. Слащова не выполнили поставленной им Ставкой Врангеля задачи — сбить 13-ю Красную армию с Каховского плацдарма и овладеть переправами через Днепр.

[15] Этот отчет в подлинном подписали: начальник штаба 2-го армейского корпуса Генерального штаба полковник Фролов и начальник оперативного отделения штаба корпуса, Генерального штаба полковник Шацкий (примеч. Слащова).

[16] А. Г. Фролов окончил полный курс академии (два класса и дополнительный курс) в 1914 г. и переведен в Генеральный штаб в

1915 г., а А. Е. Егоров и Г. И. Коновалов окончили два класса Академии (без дополнительного курса) в 1912 г. и были переведены в Генеральный штаб в 1916 г., т. е. действительно «в старшинстве», которое в русской армии свято соблюдалось (даже нередко в ущерб делу), они уступали Фролову один год.

[17] Согласно указанной статье «Свода военных постановлений 1869 года» (4-е изд. СПб., 1913. Кн. 24; Устав военно-судебный), свидетели из военнослужащих, состоящих на действительной военной службе, вызываются к следствию через их начальство.

[18] Свод законов Российской империи (Пг., 1916. Т. 15: Свод законов уголовных. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Разд. 10: О преступлениях против жизни, свободы и чести частных лиц). Что же касается статей 279 и 72 СВП., то они гласили: «Пререкания о подсудности... не останавливают начатого производства; но к преданию суду, а равно постановлению приговора, в случае сделанного уже распоряжения о производстве суда, может быть приступлено не прежде окончательного разрешения вопроса по означенным пререканиям»; «Предметы занятий лиц, коим вверен прокурорский надзор, ограничиваются делами военно-судебного ведомства».

[19] Приложение к книге отсутствует.

[20] Приложение к книге отсутствует.

[21] Доклад генералом Вязьмитиновым передан главнокомандующему (примеч. Слащова).

[22] Проекты Кравченко и Сахно-Устимовича в книге отсутствуют.

[23] Кош — казачий обоз (лагерь); у запорожских казаков кошем называлось поселение, станица, отсюда — кошевой атаман (начальствующее лицо в коше, станице).

[24] Это пишет главнокомандующий армией и правитель государства. Кажется можно верить, но через три недели после этого Крым оставляется (примеч. Слащова).

[25] Я говорю о моменте первой обороны Крыма (примеч. Слащова).

[26] Разослано было начальникам дивизий и начальникам боевых участков, за все время обороны Крыма мною по апрель 1920 г. план изменен не был, и Крым был удержан. То же самое предлагалось генералу Врангелю. План был отвергнут (примеч. Слащова).

[27] Летом 1920 г. в Польше находилось значительное количество офицеров, солдат и казаков, попавших в Красную Армию после Новороссийска и плененных поляками или перешедшими на их сторону. Еще до начала отступления Красной Армии из Польши на ее территории действовали отдельные отряды, а затем приказом генерала Врангеля от 3 октября 1920 г. началось формирование 3-й армии в составе двух стрелковых и Сводно-казачьей дивизий; представителем Врангеля в Польшу был направлен генерал Н. С. Махров, а командующим намечался генерал Я. Д. Юзефович, который также выехал в Польшу. Однако незадолго до заключения перемирия между Советской Россией и Польшей недоформированные, слабо или совсем невооруженные части 3-й армии были спешно выведены на Украину, где совместно с Украинской армией должны были самостоятельно продолжать борьбу с целью облегчить положение в Крыму.

[28] Coup d'état — государственный переворот.

[29] В настоящее время, после крымской катастрофы, документы, приведенные в моей книге, утратили свою секретность и являются достоянием истории. Да поучатся другие на нашем печальном примере! (примеч. Слащова).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1*

Копія.

Приложеніе къ ст. 908.

Послужной списокъ

Полковника Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка

Якова СЛАЩЕВА.

Составленъ 26-го Сентября 1917 года.

3 29 · 739

* ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 29603. № послужного списка 329—739.

Послужной списокъ

Полковника Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Якова С Л А Щ Е В А.

I. Чинъ, имя, отчество и фамилія.	Полковникъ Яковъ Александровичъ С л а щ е в ъ.
II. Должность по службѣ.	Помощникъ Командира полка.
III. Ордена и знаки отличія.	Имѣетъ ордена: Св.Георгія 4 степени,Георгіевское оружіе, Св.Владиміра 4-й ст.съ мечами и бантомъ, Св.Анны 2-й ст.съ мечами,Св.Станислава 2 ст съ мечами,Св.Анны 3 ст.съ мечами и бантомъ Св.Анны 4 ст.съ надписью "за храбрость",Св. Станислава 3 степени,Мечи и бантъ къ ордену Св.Станислава 3 степени. имѣетъ нагрудные знаки: въ память 100-лѣтняго юбилея Л.Гв.Финляндскаго полка,въ память 200-лѣтія Кронштадской крѣпости.
IV. Когда родился.	12-го Декабря 1885 года.
V. Изъ какого званія происходитъ и какой губерніи уроженецъ.	Изъ потомственныхъ дворянъ Петроградской губ.,сынъ умершаго Полковника,уроженецъ Петроградской губерніи.
VI. Какого вѣроисповѣданія.	Православнаго.
VII. Гдѣ воспитывался.	ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНIЕ: окончилъ Реальное училище Гуревича,съ дополнительнымъ классомъ. ВОЕННОЕ: окончилъ полный курсъ наукъ въ Павловскомъ военномъ училищѣ по I разряду. I категоріи,два класса Императ.Николаевской академіи ~~по I раз.и дополнительный курсъ успѣшно.~~
VIII. Получаемое на службѣ содержаніе.	

IX.

ПРОХОЖДЕНІЕ СЛУЖБЫ.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и перемѣщенія изъ одного мѣста службы или должности въ другую, съ объясненіемъ по какому случаю: по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія; Всемилостивѣйшіе рескрипты, Высочайшія благоволѣнія.

	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.
Въ службу вступилъ согласно поданнаго прошенія и свидѣтельства дополнительнаго класса С.Петербургскаго Реальнаго училища Гуревича.юнкеромъ рядового званія въ Павловское военное училище	903	авг.	31
Переименованъ въ юнкера унтеръ-офицерскаго званія	904	сен.	10
Младшимъ портупей-юнкеромъ	-"-	окт.	24
Старшимъ портупей-юнкеромъ	-"-	нояб.	8.
По окончаніи полнаго курса наукъ Высочайшимъ приказомъ произведенъ въ Подпоручики Л.Гв.въ Финляндскій полкъ . .	905	апр.	22
Прибылъ къ полку . .	-"-	-"-	24
Имѣетъ право на ношеніе Высочайше утвержденнаго въ II-й день Декабря 1906 г.нагруднаго знака въ память 100-лѣтняго юбилея полка. Приказъ по полку.....	906	дек.	13
Имѣетъ право на ношеніе нагруднаго знака въ память 200-лѣтія Кронштадской крѣпости. Приказъ по полку	-"-	-"-	
Командированъ въ Николаевскую академію Генеральнаго Штаба для держанія экзамена на поступленіе въ академію,куда и прибылъ	908	авг.	20.
По выдержаніи экзамена приказомъ по Генеральному Штабу за № 50,зачисленъ въ младшій классъ академіи	908	окт.	10
Поручикомъ	909	дек.	6.
Со старшинствомъ . .	-"-	апр.	22
По окончаніи курса двухъ классовъ академіи по первому разряду,приказомъ по Генеральному Штабу за № 22,переведенъ въ дополнительный курсъ съ представленіемъ ему правъ установленныхъ ст 52 и 62 кн.XV Св.В.П. 1869 г.изд.1907 г. . .	910	авг.	31
Согласно Высочайшаго повелѣнія,послѣдовавшаго 6 мая 1911 г.признанъ окончившимъ дополнительный курсъ академіи успѣшно,но безъ права производства въ слѣдующій чинъ за окончаніе академіи и на причисленіе къ Генеральному Штабу . .	911	мая	6.
Приказомъ по Генеральному Штабу за № 6 отчисленъ отъ академіи къ своей части съ прикомандированіемъ для ближайшаго ознакомленія съ требованіями службы Генеральнаго Штаба къ Штабу Петроградскаго военнаго Округа	911	мая	28
При выпускѣ изъ академіи выдано ему 300 руб. на первоначальное обзаведеніе лошадью со всею принадлежностью.			
На основаніи ст.75 положенія объ академіи (приказъ по В.В.1909 г. за № 344) обязанъ срочно			

IX.

ПРОХОЖДЕНІЕ СЛУЖБЫ.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и перемѣщенія изъ одного мѣста службы или должности въ другую, съ объясненіемъ по какому случаю: по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія; Всемилостивѣйшіе рескрипты, Высочайшія благоволѣнія.

	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.
Сдалъ баталіонъ.....	915	апр.	5.
Назначенъ Командующимъ Е.В.роты на законномъ основаніи . . .	-"-	апр.	7.
Приказомъ по XII арміи отъ 30 марта 1915 г.за N 79 за отличія въ дѣлахъ противъ непріятеля награжденъ орденомъ Св.Анны 3 степени съ мечами и бантомъ. Приказъ по полку № 88	-"-	апр.	18
Приказомъ по XII арміи отъ 30 марта 1915 года за № 79 за отличія въ дѣлахъ противъ непріятеля награжденъ орденомъ Св.Анны 4 степени съ надписью:" за храбрость ". Приказъ по полку № 88	-"-	-"-	18
Назначенъ Командующимъ I-мъ баталіономъ на законномъ основаніи . . . . :съ	-"-	окт.	4.
по	-"-	нояб.	28
Назначенъ Командующимъ Е.В.ротой на законномъ основаніи....	-"-	-"-	28
Приказомъ по 1-й арміи отъ 19-го Октября 1915 года за № 1237 награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ. Приказъ по полку № 358	-"-	дек.	6.
Назначенъ Вр.Командующимъ 1-мъ баталіономъ	-"-	-"-	14
Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать за отличія въ дѣлахъ противъ непріятеля орденомъ Св.Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Приказъ по Юго-западному фронту № 71-15 января 1916 г. Приказъ по полку № 56..	916	фев.	14.
Приказомъ по 1-й арміи отъ 10 января 1916 года за № 1534, за отличія въ дѣлахъ противъ непріятеля награжденъ орденомъ Св. Анны 2 степени съ мечами Приказъ по полку № 59...	-"-	фев.	16.
Въ приказѣ по Гвардейскому Отряду отъ 4 марта 1916 г.за № 67 награжденъ орденомъ Св.Георгія 4-й степени, за то, что 20-го іюля 1915 г., командуя ротой въ бою у дер.Куликъ, оцѣнивъ быстро и вѣрно обстановку, по собственному почину, съ беззавѣтной храбростью, бросился во главѣ роты впередъ, несмотря на убійственный огонь противника, обратилъ части Германской гвардіи въ бѣгство и овладѣлъ высотою, имѣвшей столь важное значеніе, что безъ владѣнія ею удержаніе всей позиціи было бы не возможнымъ. (п.22 8 и п.А ст.9). Приказъ по полку № 94.	-"-	мар.	17
Приказомъ Главнокомандующаго арміями Сѣвернаго фронта за № 39-1916 г. награжденъ орденомъ Св. Станислава 2 степени съ мечами. Справка:Надпись Н-ка Штаба 2 Гв.пѣх.див.16 апрѣля № 1820. Приказъ по полку № 151.	-"-	мая	3.
Назначенъ Командующимъ			

X.

БЫТНОСТЬ ВНѢ СЛУЖБЫ:

а) Во временныхъ отпускахъ: когда уволенъ, и на какое время и явился-ли въ срокъ, а если просрочилъ, то сколько именно, и признана-ли просрочка уважительною; б) въ безсрочномъ отпуску, съ какого и по какое время; в) для пользованія ранъ: гдѣ именно, по чьему разрѣшенію, съ какого и по какое время; г) по роду оружія, безъ исполненія службы; д) въ плѣну: когда и гдѣ взятъ и когда возвратился на службу, и е) въ отставкѣ: когда вновь прибылъ на службу.

	Годы.	Мѣсяцы	Числа.		Годы.	Мѣсяцы	Числа.
Въ отпускахъ находился:				Приказом ар. и флоту от 3 Окт. 1917 г. награжден орденом Св. Владимира 3 ст. с меч. /Пр. п. п. № 1703/	1917	Нояб.	18
Въ 28-ми дневномъ съ	907	дек.	I7				
Возвратился ранѣе срока 8-ю днями	908	янв.	5.				
Въ 4-хъ мѣсячномъ отпуску съ сохраненіемъ содержанія . . . . .съ	9II	сен.	8.				
по	9I2	янв.	8.				
Эвакуированъ въ гор. П-троградъ для леченія отъ контузіи	9I5	фев.	I8				
Возвратился въ полкъ по выздоровленіи . . .	-"-	мар.	I4				
Эвакуированъ вглубь Имперіи для леченія послѣдствій контузіи, полученной въ бою подъ гор. Холмомъ 22 іюля I9I5 г.	-"-	авг.	II				
Прибылъ въ полкъ по выздоровленіи	-"-	окт.	I.				
Въ отпуску . . . . .съ	9I6	фев.	22				
по	-"-	мар.	2I				
Эвакуированъ вглубь Имперіи для леченія отъ раненія.	-"-	сен.	2I				
Прибылъ въ полкъ по выздоровленіи отъ ранъ	-"-	янв.	6.				
В отпуску с	1917	Окт.	5				
по	1917	Нояб.	8.				
Из отпуска прибыл позже на два дня /Пр. п. п. № [illegible]/	1917	Нояб.	9				

XI. Холостъ или женатъ, на комъ, имѣетъ-ли дѣтей, если имѣетъ, то кого именно, годъ, мѣсяцъ и число рожденія дѣтей; какого они и жена вѣроисповѣданія.	Женатъ первымъ бракомъ на дочери Генералъ-Лейтенанта Козлова, дѣвицѣ Софіи Владиміровнѣ Козловой. Имѣетъ дочь Вѣру, родившуюся 18-го Января 1915 года. Жена и дочь вѣроисповѣданія православнаго
XII. Есть ли за нимъ, за родителями его, или когда женатъ, за женою, недвижимое имущество, родовое или благопріобрѣтенное.	Свѣдѣній не имѣется.
XIII. Подвергался-ли наказаніямъ или взысканіямъ, соединеннымъ съ ограниченіями въ преимуществахъ по службѣ: когда и за что именно; по судебнымъ приговорамъ или въ дисциплинарномъ порядкѣ.	Не подвергался.

XIV Бытность въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля, съ объясненіемъ, гдѣ именно, съ какого и по какое время; оказанныя отличія и полученныя въ сраженіи раны или контузіи; особыя порученія сверхъ прямыхъ обязанностей по ВЫСОЧАЙШИМЪ повелѣніямъ, или отъ начальства.		Годы.	Мѣсяцы.	Числа.
	Прибылъ Л.Гв.въ Финляндскій полкъ въ дѣйствующую армію . . .	915	янв.	8.
	Участвовалъ съ полкомъ въ бою подъ гор.Ломжей. . . . . . . съ	-"-	фев.	7.
	по	-"-	-"-	18
	Въ бою подъ гор.Ломжей 8-го Февраля 1915 года контуженъ кирпичемъ, отлетѣвшій отъ зданія при взрывѣ Германскаго снаряда тяжелаго орудія въ область лѣваго плеча и лопатки. Сильная болѣзненность при давленіи на мышцы лопатки и плеча. Припухлость за болѣзненностью въ области плеча и лопатки, пассивное сгибаніе производится съ трудомъ.			

Годы.	Мѣсяцы	Числа.

Въ службѣ сего штабъ-офицера не было обстоятельствъ, лишающихъ его права на полученіе знака отличія безпорочной службы или отдаляющихъ срокъ выслуги къ сему знаку.

Подписалъ: Командующій Лейбъ-Гвардіи
Финляндскимъ полкомъ,
Полковникъ МОЛЛЕРЪ.

Вѣрно: Полковой Адъютантъ,
Капитанъ

Годы.	Мѣсяцы	Числа.

Итого въ семъ послужномъ спискѣ пронумерованныхъ прошнурованныхъ и казенною полковою печатью скрѣпленныхъ (7) семь полулистовъ.

Дѣйствующая армія. "30" Сентября 1917 года.

Полковой Адъютантъ,
Капитанъ Лукин.

Боевой состав 2-го армейского корпуса к 1 августа 1920 г.

Наименование частей	Офицеров	Солдат	Пулеметов	Нестроевых	Орудия	Комплектования
13-я пехотная дивизия						
49-й Брестский полк	—	54	6	42	— — —	— —
50-й Белостокский полк	—	87	14	77	— — —	— —
51-й Литовский полк	—	67	11	75	— — —	— —
52-й Виленский полк	—	35	4	57	— — —	— —
Всего	—	243	35	251	— — —	— —
34-я пехотная дивизия						
133-й Симферопольский полк	34	213	7	94	— — —	119118
134-й Феодосийский полк	50	248	18	163	— — —	33187
135-й Керчь-Еникальский полк	46	336	21	252	— — —	180259
136-й Таганрогский полк	42	469	26	328	— — —	260241
Запасной батальон	12	30	—	13	— — —	3532
Всего	173	1296	82	840	— — —	727757
34-я артиллерийская бригада	51	629	19	168	165 —	—176
Отдельная инженерная рота	10	139	—	21	— — —	—54
Всего	41	768	19	180	18— —	—230
8-й кавалерийский полк	27	384	16	—	— — —	— —
Сводная кавалерийская бригада						
Штаб бригады	21	118	1	22	— — —	—26
1-й Туземный полк	29	832	26	81	— — —	—101
2-й Туземный полк	54	778	26	152	— — —	—152
Дивизон 13-й артиллерийской бригады	92	279	4	8	— — —	—60
Всего	196	2000	57	263	— — —	—338

Примечание. Кроме того, при запасных батальонах состоит свыше 1000 пленных, подлежащих обращению на пополнение дивизии. Подлинный подписал: Начальник штаба 2-го армейского корпуса, Генерального штаба полковник Фролов и за старшего адъютанта поручик Погорельский-Перегуд.

* В приложениях 2 и 3 без изменений воспроизводятся данные, содержащиеся в книге Я. А. Слащова.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Краткие сведения о группировке и боевом составе частей Красной Армии в Северной Таврии по данным к 16 октября 1920 г.

XIII Армия

Группа Таганрогского направления

Отряд Федотова	1000	штыков	850	сабель
Морская экспедиционная дивизия	3000	„	300	„
2-я Донская стрелковая дивизия	4000	„	600	„
Итого:	8000	„	2000	„

Группа начдива 9-й стрелковой дивизии

9-я стрелковая дивизия	2000	штыков	400	сабель
Отряд Махно	1200	„	800	„
125-я и 126-я бригады 42-й стрелковой дивизии	500	„	150	„
5-я Кубанская кавалерийская дивизия		—	2000	„
1-я кавалерийская дивизия		—	1500	„
9-я кавалерийская дивизия		—	800	„
Итого:	4000	„	5500	„

Никольская группа

2-я Конная армия:				
2-я кавалерийская дивизия		—	2500	сабель
16-я кавалерийская дивизия		—	2400	„
21-я кавалерийская дивизия		—	2100	„
Бригада особого назначения		—	1200	„
69-я бригада 23-й стрелковой дивизии	400	штыков	300	сабель
3-я стрелковая дивизия	1200	„	100	„
46-я стрелковая дивизия	3000	„	300	„
Части 13-й стрелковой дивизии	2000	„		—
52-я стрелковая дивизия	4000	„	300	„
Итого:	10500	„	9500	„

Каховская группа

15-я стрелковая дивизия	5000	штыков	600	сабель
Латышская стрелковая дивизия	4500	„	400	„
51-я стрелковая дивизия	6000	„	200	„
1-я ударная огневая бригада	3200	„	400	„
Дивизия Иоффе		—	1000	„
1-я стрелковая дивизия	3600	„	200	„
2-я отдельная бригда	200	„	100	„
Итого:	22500	„	3000	„

1-я Конная армия:

4-я кавалерийская дивизия 6-я кавалерийская дивизия 11-я кавалерийская дивизия 14-я кавалерийская дивизия	Боевой состав выяснен, около 6000 сабель

Резервная группа в районе Павлоград—Александровск

124-я бригада 42-й стрелковой дивизии	350 штыков	—
Бригада курсантов	1000 „	100 сабель
85-я бригада 29-й стрелковой дивизии	1000 „	—
3-й Интернациональный полк	—	—
Итого:	6000 штыков	500 сабель
Всего:	51 000 „	26 500 „

Примечание. В ближайшее время возможно было ожидать новое усиление Южного фронта 6—7 стрелковыми и 2-я кавалерийскими дивизиями.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Боевое расписание сил противника перед армиями Южного фронта по данным разведывательного отделения по состоянию к 1 октября 1920 г.*

1 октября 1920 г.
г. Харьков

ЮЖНОРУССКИЙ ФРОНТ
Главком генерал **Врангель**
Наштаглав генерал **Шатилов**

Приднепровский район Группа генерала *Витковского*
Наштагруппы генерал *Фролов*

На фронте:

2-й Днепровский отряд	250 штыков
2-й армейский корпус	
Батальон 135-го пехотного полка 34-й дивизии	100 штыков
Виленский кавалерийский дивизион	150 сабель
Симферопольский кавалерийский дивизион	125 сабель

13-я пехотная дивизия
Начдив генерал *Андгуладзе*
Наштадив полковник *Хамин*

49-й Брестский пехотный полк	3 батальона	400 штыков 16 пулеметов
50-й Белостокский пехотный полк	—	150 штыков 00 пулеметов
51-й Литовский пехотный полк	3 батальона	100 штыков 5 пулеметов
52-й Виленский пехотный полк	4 батальона	1000 штыков 0 пулеметов
13-я артиллерийская бригада	6 батарей	23 легких 2 тяжелых орудия
Отдельный кавалерийский дивизион		60 сабель 6 пулеметов

* ЦГАСА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 115. Л. 14—19. Приложение к разведсводке № 71 р. от 1 октября 1920 г., г. Харьков.

Дивизии придан:

Батальон немцев-колонистов		400 штыков 60 сабель 7 пулеметов

34-я пехотная дивизия
Начдив генерал *Туркул*
Наштадив полковник *Яковлев*

133-й Симферопольский пехотный полк	3 батальона	300 штыков 8 пулеметов
134-й Феодосийский пехотный полк	3 »	250 штыков 12 пулеметов
135-й Керчь-Еникальский пехотный полк	3 »	150 штыков 17 пулеметов
136-й Таганрогский пехотный полк	3 батальона	150 штыков 8 пулеметов
34-я артиллерийская бригада	6 батарей	16 легких 8 тяжелых орудий
Кавдивизион		80 сабель

6-я пехотная дивизия
Начдив генерал *Звягин*

5-й Смоленский пехотный батальон	3 батальона	300 штыков 15 пулеметов
Самурский пехотный полк	3 »	300 штыков 20 пулеметов
Кавказский пехотный полк	3 »	300 штыков 15 пулеметов
6-я артиллерийская бригада		9 легких 9 тяжелых орудий
Алексеевский офицерский кавалерийский дивизион		200 сабель
3-й конный полк 1-й кавалерийской дивизии		150 сабель 9 пулеметов
2-й Туземный кавалерийский полк		600 штыков 500 сабель
Партизанский отряд Володина		300 штыков 50 сабель

В ближайшем тылу:

Гвардейский сводный полк		600 штыков

1-я кавалерийская дивизия
Начдив генерал *Наумов*
Наштадив полковник *Байдак*

1-я бригада				
1-й сводный конный полк		110 штыков	300 сабель	30 пулеметов
5-й сводный конный полк		120 штыков	300 сабель	1 пулемет
2-я бригада				
7-й сводный конный полк			250 сабель	1 пулемет
1-й гвардейский полк			200 сабель	1 пулемет
1-я стрелковая бригада		400 штыков		
Артиллерийская бригада		12 легких орудий		

2-я Кубанская кавалерийская дивизия
Начдив *Шифнер-Маркевич*

Терско-Астраханская кавалерийская бригада генерал *Агоев*			600 сабель	20 пулеметов
1-й Терский конный полк			600 сабель	20 пулеметов
1-й Астраханский конный полк				
2-я бригада полковник *Петров*				
2-й сводный Кубанский полк		200 штыков	200 сабель	20 пулеметов
Волчий конный полк		—	400 сабель	20 пулеметов
Один артиллерийский дивизион	3 батареи	6 легких орудий		
Кавчасть в р-не Агайман (прибыли из Перекопа)		300 штыков	100 сабель	

Алексеевская пехотная дивизия

1-й Алексеевский полк 2-й Алексеевский полк 3-й Алексеевский полк	условно 1500 штыков

Запасные батальоны полков 2-го армейского корпуса		3000 штыков

Итого в Приднепровском районе 11 280 штыков, 5225 сабель, 305 пулеметов, 85 орудий

Александровско-Пологский район 1-я Армия

Командарм генерал *Кутепов*

1-й армейский корпус

Комкор генерал *Писарев*

Наштакор генерал *Достовалов*

Марковская дивизия

Начдив генерал *Третьяков*

Наштадив полковник *Биттенбиндер*

1-й Марковский полк	3 батальона	400 штыков 45 пулеметов
2-й Марковский полк	3 батальона	300 штыков 45 пулеметов
3-й Марковский полк	3 батальона	400 штыков 30 пулеметов
Марковский кавалерийский дивизион		150 сабель 6 пулеметов
Марковская артиллерийская бригада	6 батарей	15 легких 7 тяжелых орудий
Отдельный эскадрон		25 сабель 4 пулемета

Дроздовская пехотная дивизия

Начдив генерал *Келлер*

1-й Дроздовский пехотный полк	3 батальона	700 штыков 52 пулемета
2-й Дроздовский пехотный полк	4 батальона	500 штыков 50 пулеметов
3-й Дроздовский пехотный полк		500 штыков 50 пулеметов
Дроздовский кавалерийский дивизион		200 сабель 4 пулсмста
2-й Дроздовский конный полк		500 сабель
Дроздовская артиллерийская бригада	3 батареи	12 легких орудий
1-й Корниловский конный полк (1-й Кубанский кавалерийской дивизии)		100 штыков 400 сабель 20 пулеметов
3 неизвестных кавалерийских полка		условно 100 сабель

В ближайшем тылу:

Корниловская пехотная дивизия
Начдив генерал *Скоблин*
Наштадив полковник *Капнин*

1, 2 и 3-й Корниловские полки		1200 штыков 94 пулемета
Корниловский кавалерийский дивизион		200 сабель 4 пулемета
Корниловская артиллерийская бригада	6 батарей	18 легких 4 тяжелых орудия
Запасные батальоны полков 1-го армейского корпуса		около 4000 штыков

И т о г о в Александровском районе 8100 штыков, 2475 сабель, 404 пулеметов, 57 орудий

2-я кавалерийская дивизия
Начдив генерал *Морозов*
Наштадив полковник *Беликов*

2-й кавалерийский полк		условно 1000 сабель
4-й и 5-й артиллерийские дивизионы	4 батареи	12 легких орудий

Волновахский район

Конные части генерала Винтулова	1800 сабель 12 легких орудий

2-я Донская конная дивизия

Начдив генерал *Попов*
Наштадив полковник *Соболевский*

3-й Донской Калединский конный полк	400 сабель 14 пулеметов
4-й Донской Назаровский конный полк	100 штыков 500 сабель 12 пулеметов
5-й Платовский конный полк	400 сабель 40 пулеметов
Дзюнгарский Калмыцкий полк	400 сабель 14 пулеметов

6-й Ермаковский конный полк		400 сабель 40 пулеметов
Артиллерийский дивизион	2 батареи	8 легких орудий

3-я Донская дивизия
Начдив генерал *Гусельщиков*

1-я бригада генерала Коноводова		
Гундоровский пехотный полк	3 батальона	700 штыков 300 сабель 36 пулеметов
7-й Донской пехотный полк	2 батальона	600 штыков 16 пулеметов
10-й Донской пехотный полк		300 сабель (штыков?) 16 пулеметов
2-я бригада генерала Фицхелаурова		
8-й Донской пехотный полк		600 штыков 20 пулеметов
18-й Донской конный полк		600 сабель 17 пулеметов
Конный дивизион (17-й полк)		400 сабель 20 пулеметов
Артиллерийская бригада		20 легких орудий

4-я Кубанская кавалерийская дивизия

1-й Полтавский конный полк 2-й Полтавский конный полк 1-й Таманский конный полк 2-й Таманский конный полк	условно 300 штыков 1000 сабель

1-я Донская конная дивизия
Начдив генерал *Дьяков*

1-я бригада	
Лейб-гвардии Атаманский полк	300 сабель 8 пулеметов
Лейб-гвардии Казачий полк	600 сабель
2-я бригада	
1-й Донской конный полк	300 сабель 20 пулеметов
2-й Донской конный полк	300 сабель 11 пулеметов

Артиллерийские части	19 легких орудий

В ближайшем тылу (условно):

Сводная Кубанская дивизия

Начдив *Казанович* (сведения об этой дивизии требуют уточнения)

1-й Партизанский Алексеевский полк	600 штыков 16 пулеметов
1-й Кубанский стрелковый полк	1000 штыков 32 пулемета
Кубанское Алексеевское училище	500 штыков 2 пулемета
Константиновское военное училище	500 штыков 2 пулемета
Отряд генерала Гаврилова	400 штыков 3 пулемета
Бригада юнкеров	1000 штыков
5-й и 6-й запасные Донские полки	600 штыков 600 сабель
Отряд Государственной стражи	600 штыков
42-й Донской полк	500 штыков
Итого в Волновахском районе	8000 штыков, 8400 сабель, 289 пулеметов, 39 орудий
Всего на фронте	27 380 штыков, 17 100 сабель, 998 пулеметов, 123 орудия

В глубоком тылу в Крыму (численность формирующейся, по-видимому, в Крыму 7-й пехотной дивизии не известна):

В запасных полках дивизий	условно 5000 штыков
В армейских запасных батальонах	условно 5000 штыков
В частях местного назначения	4000 штыков
Итого в глубоком тылу	14 000 штыков, 100 сабель, 56 пулеметов
Всего перед армиями Южного фронта	около 41 300 штыков, 17 200 сабель, 998 пулеметов, 249 орудий

Начальник оперативного управления Южного фронта *Каратыгин* — Военный комиссар *Андреев*

За начальника разведывательного отделения *Тараскин*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

---

[1] Указатель имен (составлен кандидатом военных наук А. Р. Кавтарадзе) — первая в советской историографии попытка расширить круг сведений в отношении как известных лиц, так и тех, о которых не было достаточной информации. Автор допускает возможность неполноты и неточности сведений, поэтому с признательностью примет все пожелания и замечания.

[2] Николаевская академия Генерального штаба с 1909 г. носила название «Императорская Николаевская военная академия», поэтому в дальнейшем — Военная академия.

[3] Годы русско-японской и 1-й мировой войн не указываются. Все даты даются по старому стилю.

[4] В русской армии при несоответствии чина и должности (по штату) употреблялся термин «командующий» (так, начальник дивизии по штату должен быть генерал-лейтенант; если эту должность занимал генерал-майор или полный генерал, он именовался не «начальник», а «командующий» дивизией; белой армии это не касалось.

[5] Вооруженные силы Юга России, возглавляемые в 1918—20 гг. генералом А. И. Деникиным.

[6] Армия генерала П. Н. Врангеля в Крыму (1920 г.).

[7] Русский общевоинский союз, созданный в сентябре 1923 г.

щий должность помощника начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба помощника Главнокомандующего армиями Румынского фронта. Участник белого движения. В ВСЮР и Русской армии — начальник штаба 1-й пехотной, затем Марковской пехотной дивизий — 229

Богаевский Африкан Петрович (1872—1934), из дворян Войска Донского. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское Кавалерийское училище (1892), Военную академию (1900). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — генерал-майор, командующий 1-й Забайкальской казачьей дивизией. Участник белого движения. Председатель Донского правительства у генерала П. Н. Краснова; будучи сторонником генерала А. И. Деникина, в феврале 1919 г. избирается войсковым кругом атаманом Войска Донского (генерал-лейтенант). В январе 1920 г. назначается Деникиным председателем т. н. «Парламентского южнорусского правительства». В марте 1920 г. с войсковым кругом прибыл в Крым, откуда эвакуировался вместе с врангелевскими войсками. В эмиграции активный деятель РОВСа — 93, 138, 145

Борис Владимирович, великий князь (1877—1943). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1896). Участник русско-японской войны и 1-й мировой. Последний чин и должность — генерал-майор, походный атаман казачьих войск. После Октября 1917 г. проживал в Ливадии (Крым) и в 1919 г. эмигрировал — 29

Боровский Александр Александрович (1875— ?), из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1896), Военную академию (1903 г., два класса). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — полковник, командир 8-го Сибирского стрелкового полка. Участник белого движения. В Добровольческой армии — организатор и командир «Студенческого батальона» (генерал-майор), в ВСЮР — начальник 2-й пехотной дивизии, командир Крымско-Азовского корпуса (1918 — нач. 1919 г.). Эмигрант — 91, 145, 146, 178

Брагин Александр Павлович, капитан, заведующий канцелярией штаба Верховного главнокомандующего, член Главного комитета «Союза офицеров армии и флота». В связи с участием в корниловском мятеже арестован, содержался в быховской тюрьме — 136

Бредов 1-й Николай Эмильевич (1873— ?), из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище (1891), Военную академию (1901). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — генерал-лейтенант, командующий 21-м армейским корпусом. В ВСЮР (1919 г.) — начальник 15-й пехотной дивизии, командующий войсками в Киеве, затем в Одессе (1919—20). В начале 1920 г. во главе 6-тысячного корпуса безуспешно пытался уйти из Одессы в Бессарабию, но пропущен не был и двинулся в Польшу, где был интернирован. В июле 1920 г. с отрядом численностью 3 тыс. человек через Румынию прибыл в Крым, откуда эвакуировался вместе с врангелевскими войсками — 10, 92

Бредов 2-й Федор Эмильевич (1884— ?), из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус, Павловское военное училище (1903), Военную академию — 1909 г. Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — подполковник, исполняющий должность начальника штаба 58-й пехотной дивизии. В 1915 г. попал в плен, откуда вернулся в Россию в 1918 г. Участник

белого движения. С августа 1920 г. был начальником штаба 2-го армейского корпуса, которым командовал (после отстранения от должности Я. А. Слащова) В. К. Витковский. Эмигрировал вместе с врангелевскими войсками — 92, 119

Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926), из дворян. Окончил Пажеский корпус (1872). Участвовал в русско-турецкой 1877—78 гг. и 1-й мировой войнах. Последний чин и должность — генерал от кавалерии, Верховный главнокомандующий (до июля 1917 гг., после чего находился в распоряжении Временного правительства), проживал в Москве. В октябрьские дни 1917 г. отказался возглавить в Москве выступление контрреволюционных сил против большевиков; был ранен на своей квартире случайным снарядом. В 1920 г. поступил на службу в Красную Армию, в которой занимал должности председателя Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики, главного военного инспектора коннозаводства и коневодства, инспектора кавалерии РККА, а с марта 1924 г. состоял для особых поручений при РВС СССР — 18, 19, 20

Брянский, начальник гражданской части при Н. Н. Шиллинге в 1919—20 гг. — 59, 74, 75, 137

Бубнов Валентин Владимирович (1883— ?), из дворян. Служил на Черноморском флоте. В конце 1916 г. командир эсминца «Заветный», в 1920 г. начальник штаба Черноморского флота (капитан I ранга). Вместе с флотом эвакуировался в Бизерту. Эмигрант — 48, 104

Буденный Семен Михайлович (1883—1973), из крестьян, член РКП(б) с 1919 г. В 1903 г. призван в армию. Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Окончил Петербургскую школу наездников. Вахмистр Приморского драгунского полка. После развала русской армии возвратился в станицу Платовскую, где с другими солдатами-фронтовиками боролся за Советскую власть. В 1918—20 гг. командовал кавалерийскими частями и соединениями, до 1-й Конной армии включительно. С 1935 г. Маршал Советского Союза — 127, 128, 173, 188, 199

Будилович Борис Антонович (? —1920), военный чиновник, переводчик разведывательного отделения штаба Юго-Западного фронта. После корниловского мятежа арестован, находился в быховской тюрьме. Участник белого движения в Добровольческой армии и ВСЮР — 136

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891—1940), писатель. В пьесе «Бег» (1926—28), поставленной на сцене Художественного театра в 1957 г., прототипом героя (генерала Хлудова) он взял Я. А. Слащова. Но последний был отстранен Врангелем от должности командира 2-го армейского корпуса еще 2 августа 1920 г. и, следовательно, не мог возглавлять войска, отступавшие от крымских перешейков к черноморским портам, как это сказано в пьесе — 4, 24

Ванновский Глеб Михайлович (1862— ?), из дворян. Окончил Пажеский корпус (1882), Военную академию (1891). Участник похода в Китай в 1900—01 гг., русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — генерал-лейтенант, командующий 1-й армией. В связи с корниловским мятежом отстранен от должности, арестован и содержался в быховской тюрьме — 136

Васильченко Игнатий Михайлович (1872— ?), сын надворного

советника. Окончил Изюмское реальное училище, Московское пехотное юнкерское училище (с военно-училищным курсом)[8] — (1895), Военную академию (1906). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — генерал-майор, начальник штаба 5-й Туркестанской стрелковой дивизии. Участник белого движения. Организатор и руководитель т. н. «Екатеринославского похода»[9]. Затем командовал бригадой в Крымском корпусе генерала Я. А. Слащова — 50, 55, 57

Вейс, военный врач в Крымском корпусе генерала Я. А. Слащова — 147, 148

Вениамин, епископ в Крыму в 1920 г. Сторонник П. Н. Врангеля (в частности, при выборе преемника А. И. Деникина от имени духовенства — православного, католического, мусульманского и т. д. высказался в пользу П. Н. Врангеля) — 73, 80

Вертинский Александр Николаевич (1889—1957), известный русский артист. Встречался с Я. А. Слащовым в Крыму в 1920 г. и после эвакуации врангелевской армии в Константинополе, о чем имеется упоминание в его записках — 20, 30, 31, 32

Винтулов Николай Александрович (1845— ?), из дворян. Окончил Пажеский корпус (1862). Последний чин и должность — генерал от кавалерии, начальник управления по ремонтированию армии[10], член Совета Главного управления Государственного коннозаводства. Участник белого движения. В 1920 г. начальник конных частей Русской армии — 230

Витковский Владимир Константинович (1885— ?), из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус, Павловское военное училище (1905). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — полковник, командир 199-го пехотного Кронштадтского полка. Участник белого движения. С весны 1918 г. в отряде генерала М. Г. Дроздовского. В ВСЮР командир 2-го Офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка, командир бригады 3-й пехотной дивизии (генерал-майор), с февраля 1919 г. начальник 3-й пехотной (Дроздовской) дивизии, с которой из Новороссийска эвакуировался в Крым. В Русской Армии — начальник той же дивизии, а с 2 августа — командир 2-го армейского корпуса (вместо Я. А. Слащова) и командующий 2-й армии (вместо Д. П. Драценко). После эвакуации в Галлиполи начальник пехотной дивизии, в которую была свернута

---

[8] Военно-училищный курс (2-летний, в отличие от 3-летнего юнкерского курса, где на 1-м курсе преподавались общеобразовательные предметы) в Московском пехотном юнкерском училище был учрежден в 1888 г. для подготовки офицеров из молодежи «со стороны» — всех категорий и всех сословий, имеющих законченное высшее или среднее образование гражданских учебных заведений.

[9] В 1918 г. в Екатеринославе гетманом П. П. Скоропадским был сформирован кадр 8-го Украинского корпуса. После свержения гетманства личный состав корпуса отказался подчиниться петлюровцам и 27 ноября 1918 г. под руководством И. М. Васильченко вышли из Екатеринослава и через 34 дня, пройдя 600 км, 2 января 1919 г. прорвались в Крым, послужив ядром для создания Крымско-Азовской армии. На базе отряда Васильченко был сформирован 3-й армейский корпус, во главе которого в ноябре 1919 г. был поставлен генерал Я. А. Слащов.

[10] Укомплектование армии конским составом.

Добровольческая армия, и заместитель генерала А. П. Кутепова. В эмиграции активный деятель РОВСа (председатель объединения 1-го армейского корпуса и «Общества Галлиполийцев») — 24, 32, 83, 92, 119, 120, 127, 145, 148, 147, 177, 179, 226

Владимир Александрович, великий князь (1847—1909). Участник русско-турецкой войны 1877—78 гг. в должности командира 12-го армейского корпуса. Последний чин и должность — генерал от инфантерии (1880), главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884—1905). С его именем связано строительство здания Николаевской академии Генерального штаба (на Суворовском проспекте), Офицерского собрания армии и флота, создание Экономического общества офицеров в Петербурге. — 29

Владимиров (наст. фамилия — *Шейнфинкель*) *Мирон Константинович* (1879—1925), член РСДРП с 1903 г. Участник революции 1905—07 гг. В 1911 г. читал лекции в партийной школе в Лонжюмо (под Парижем). В августе 1917 г. вместе с «межрайонцами» принят в партию большевиков. В Октябрьские дни возглавлял петроградскую продовольственную управу, затем был членом коллегии Наркомпрода. В 1919 г. — член Реввоенсовета и председатель особой продовольственной комиссии Южного фронта. С 1925 — член ЦИК СССР и ВЦИК. — 18

Войнаховский Борис Николаевич (1888— ?), из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1909). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — штабс-капитан, старший офицер батареи 10-й артиллерийской бригады. Участник белого движения. Служил в Крымском корпусе Я. А. Слащова и вместе с ним вернулся в Советскую Россию в ноябре 1921 г. — 31

Врангель барон Петр Николаевич (1878—1928), из дворян. Окончил Ростовское реальное училище, Горный институт, Военную академию (1910). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — генерал-майор, командующий конным корпусом. В конце 1917 г. уехал в Крым, где жил как частное лицо. Участник белого движения. В августе 1918 г. вступил в Добровольческую армию с назначением командиром конным корпусом. В ВСЮР — командир 1-го Кубанского корпуса, командующий Кавказской группой войск, командующий Кавказской добровольческой армией, а в декабре 1919 г. назначается (вместо генерала В. З. Май-Маевского) командующим основными силами Добровольческой армии на харьковском направлении. За интриги против А. И. Деникина был отстранен от должности и выслан за границу. В марте 1920 г. Деникин, ввиду выраженного ему офицерством недоверия после новороссийской катастрофы, назначил своим преемником Врангеля. После неудачных попыток захватить Северную Таврию и поднять восстание против Советской власти на Кубани отвел Русскую Армию за крымские перешейки, с которых был сбит в конце октября 1920 г. 2 ноября врангелевская армия эвакуировалась в Турцию. В 1923 г. основал и возглавил РОВС. Умер в Брюсселе, похоронен в Белграде — 2, 3, 11, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 23, 26, 27, 30—32, 41, 49, 52, 62, 71—81, 83—92, 97—102, 104, 106, 108, 109, 111, 113—116, 118—138, 143—146, 148—150, 155, 177—180, 182, 184, 185—187, 191, 192, 195, 198, 201, 204, 205, 207, 208, 209, 211, 213, 214, 226

Выгран Александр Николаевич (1881— ?), из дворян. Окончил

Полтавский Петровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1902). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — полковник, командир 27-й конно-артиллерийской батареи. Участник белого движения. В ВСЮР командир бригады кавалерийской дивизии (генерал-майор), в Русской Армии — начальник 1-й кавалерийской дивизии Сводного конного корпуса генерала И. Г. Барбовича. Эмигрант. — 66

Вязьмитинов Василий Ефимович (1874—1929), из мещан. Выдержал офицерский экзамен в Одесском пехотном юнкерском училище (1894), окончил Военную академию (1904). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — генерал-лейтенант, командир 6-го Сибирского армейского корпуса. Участник белого движения. В ВСЮР — военный министр Южно-Русского правительства, заведовавший эвакуацией из Новороссийска; в Русской Армии — ближайший соратник П. Н. Врангеля, начальник военного управления в правительстве Врангеля (по существу, военный министр). Эвакуировался вместе с врангелевскими войсками. В эмиграции активный участник РОВСа — 185, 214

Геккер Анатолий Ильич (1888—1939), из семьи военного врача. Член РКП/б/ с 1917 г. Окончил Тифлисскую 1-ю гимназию, СПБ пехотное юнкерское училище (военно-училищный курс — 1909). С 1912 г. служил в Отдельном корпусе пограничной стражи. Участник 1-й мировой войны, штабс-ротмистр. В январе 1918 г. избран командующим 8-й армией (Румынский фронт). В июле 1918 г. руководил подавлением мятежа в Ярославле. С апреля 1919 г. по февраль 1920 г. командующий 13-й армией; с сентября 1920 г. по май 1921 г. командующий 11-й армией. С 5 февраля по 22 августа 1922 г. начальник Военной академии РККА, затем военный атташе в Китае. Репрессирован. — 11, 13, 63

Гендриков граф Петр Васильевич, курский вице-губернатор (1914) в звании камер-юнкера. В 1920 г. находился в Крыму — 76, 78, 144

Герасименко Н. В., махновец, писатель — 30

Гильбих Эдуард Петрович (1880— ?), из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус, Павловское военное училище (1900). Участник 1-й мировой войны, подполковник, командир батальона. Участник белого движения. Служил в 3-м (затем Крымском) корпусе Я. А. Слащова. В 1920 г. начальник гарнизона и военный комендант Симферополя. В ноябре 1921 г. вместе со Слащовым вернулся в Советскую Россию — 22, 68, 69, 80

Гиршиц, следователь по особо важным делам, участвовал в суде над командующим Донской армией В. И. Сидориным и его начальником штаба А. К. Келчевским; пытался создать судебное дело против Я. А. Слащова. — 117, 118, 119, 181, 182, 183

Глинка Григорий Вячеславович (? —1934), тайный советник, управляющий делами комитета по заселению Дальнего Востока. В 1915 г. товарищ министра земледелия и главноуполномоченный по снабжению продовольствием армии, сенатор (1916). Министр земледелия в правительстве Врангеля в Крыму (1920 г.) — 73, 86, 137

Голубев Александр Васильевич (1899—1968), историк гражданской войны — 31

Гравицкий Георгий (Юрий) Константинович (1882— ?), из мещан.

шеф. За присоединение Крыма к России (1771) пожалован в 1775 г. Екатериной II титулом «Крымский» — 30

Достовалов Евгений Исаакович (1882—1938), сын статского советника. Окончил Сибирский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1902), Военную академию (1912, два класса). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — подполковник, исполняющий должность начальника штаба 15-й пехотной дивизии. Участник белого движения. В Русской Армии — начальник штаба 1-го армейского (Добровольческого) корпуса (генерал-лейтенант), с которым эвакуировался в Галлиполи. Эмигрант. Вернулся в Советскую Россию — 92, 128, 203, 229

Драгомиров Абрам Михайлович (1868—1956), из дворян. Окончил Пажеский корпус (1887), Военную академию (1893). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — генерал от кавалерии, главнокомандующий армиями Северного фронта (затем в распоряжении военного министра). Участник белого движения. Первый председатель Особого совещания при Деникине. В ВСЮР — командующий группой войск в районе Киева и главноначальствующий Киевской области. В эмиграции активный деятель РОВСа, председатель общества офицеров Генерального штаба — 10, 39, 40, 41, 78, 145, 146

Драценко Даниил Павлович (1876— ?), из мещан. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1897), Военную академию (1908). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — полковник, командир 153-го пехотного Бакинского полка. Участник белого движения. В ВСЮР — командующий войсками западного побережья Каспийского моря, командующий группой войск Астраханского направления. В Русской Армии после неудачной Таманской операции, будучи начальником штаба у генерала С. Г. Улагая, назначен командующим 2-й армией (генерал-лейтенант), но вскоре был снят и заменен генералом В. К. Витковским. Эмигрант — 24, 121, 122, 127, 128, 129

Дроздовский Михаил Гордеевич (1881—1919), из дворян. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, Павловское военное училище (1901), Военную академию (1908). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — полковник, командир 60-го пехотного Замосцского полка. Участник белого движения. К концу февраля 1918 г. в местечке Соколы (Яссы) при штабе Румынского фронта был сформирован отряд добровольцев численностью до 1500 человек (в т. ч. 667 офицеров, 370 солдат, 14 врачей, священников и чиновников и 12 сестер милосердия), который 26 февраля под командованием М. Г. Дроздовского выступил из Ясс и, и проделав почти 1700 км поход, 27 мая в станице Мечетинская соединился с Добровольческой армией, получив название 3-й дивизии под командованием Дроздовского (генерал-майор). После его смерти, 1 января 1919 г. в Ростове, вследствие ранения, полученного в августе 1918 г. в боях под Ставрополем, в его память 2-й офицерский стрелковый полк был назван именем генерала Дроздовского — 138

Дубинин, поручик, из отряда Орлова, расстрелян по приказу Я. А. Слащова — 62, 69, 70, 118

Дубяго Георгий Александрович (1884—1954), из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское инженерное

училище (1904), Военную академию (1913). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — подполковник, исполняющий обязанности начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта. Участник белого движения. В ВСЮР — начальник штаба 34-й пехотной дивизии, в Русской Армии — начальник штаба Крымского корпуса генерала Я. А. Слащова (генерал-майор), командир бригады (с апреля 1920 г.). Эмигрант — 15, 79, 93, 113, 146.

Егоров Александр Ильич (1883—1939), из мещан. Член РКП(б) с 1918 г. (с 1917 — левый эсер). Окончил Самарскую классическую гимназию, Казанское пехотное юнкерское училище (1905). Участник 1-й мировой войны, подполковник. Военный специалист в Красной Армии. Командующий войсками 14-й армии (июль — октябрь 1919 г.), Южного фронта (с октября 1919 г.), Юго-Западного фронта (январь-декабрь 1920 г.). Маршал Советского Союза (1935), кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР. Репрессирован. — 11, 14

Егоров Афанасий Ефимович (1881— ?), сын вахмистра[11]. Окончил Черниговское городское 3-классное училище, Чугуевское пехотное юнкерское училище (1901), Военнную академию (1912 г., два класса). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — капитан, старший адъютант штаба 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. Участник белого движения. В Русской Армии — в штабе главнокомандующего. Эмигрант — 178, 214.

Ермолов Алексей Петрович (1777—1861), из дворян. Герой Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813—14 гг. В 1816—27 гг. командир Отдельного Грузинского (позже Кавказского) корпуса, управляющий гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях. В 1827 отставлен от службы Николаем I по подозрению в связи с движением декабристов — 12

Ефимов Николай Павлович (1872—1919), сын титулярного советника. Окончил 2-й кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище (1892), Военную академию (1899). Участвовал в китайском походе 1900—01 гг., русско-японской и 1-й мировой войнах. Последний чин и должность — генерал-майор, начальник Сводной Кавказской пехотной дивизии. Участник белого движения. В ВСЮР во время «похода на Москву» начальник штаба Добровольческой армии. Убит на станции Луганск 5 ноября 1919 г. (взрыв вагона с боеприпасами) — 145

Жлоба Дмитрий Петрович (1887—1938), из крестьян. Участник 1-й мировой войны, младший унтер-офицер. Окончил Московскую авиационную школу (1917). Во время Октябрьского вооруженного восстания в Москве возглавлял красногвардейский отряд. С ноября 1917 г. по январь 1920 г. участвует в гражданской войне, возглавляя части и соединения Красной Армии, партизанские формирования и т. д. В феврале 1920 г. назначен командиром 1-го конного корпуса, который потерпел поражение в боях с врангелевскими войсками в Северной Таврии. — 100, 101, 102, 155

---

[11] Звание или должность в кавалерии, соответствующая по служебному положению и обязанностям фельдфебелю в других родах оружия.

Капнин Константин Львович (1890— ?), из дворян. Окончил Сумской кадетский корпус, Александровское военное училище (1909), Военную академию (ускоренный курс, 1917 г.). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — капитан, исполняющий должность обер-офицера для поручений при штабе 10-го армейского корпуса. Участник белого движения. В ВСЮР и Русской Армии — начальник штаба Корниловской пехотной дивизии (полковник) — 230

Каратыгин Петр Петрович (1887—1938), из потомственных почетных граждан. Окончил Саратовскую 1-ю гимназию, Алексеевское военное училище (1909), Военную академию (ускоренный 2-месячный курс). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — штабс-капитан, обер-офицер для поручений 49-й пехотной дивизии. Военный специалист в Красной Армии. Преподаватель тактики 1-х Саратовских командных курсов (с октября 1918 г.), заведующий оперативной частью пограничной бригады (с декабря 1918 г.), начальник штаба Уральской группы (с марта 1919 г.), начальник оперативного отделения штаба Туркестанской армии (с апреля 1919 г.) и управления штаба Туркестанского фронта (с августа 1919 г.), начальник оперативного управления штаба Южного фронта (с сентября 1919 г.), начальник оперативного управления штаба войск Украины и Крыма (с 12 января 1921 г.) — 232

Каргополов Тихон Павлович (1895—1972), из крестьян. Член РКП(б) с 1919 г. Окончил Новочеркасское 6-классное реальное училище (экстерном), Специальную школу надсмотрщиков Ростовского округа (1912). Участник 1-й мировой и гражданской войн. С мая 1924 г. командир 1-го полка связи Московского военного округа, учился на курсах «Выстрел». Участник Великой Отечественной войны 1941—45 гг., генерал-лейтенант войск связи — 22

Келлер Николай Карлович (1872— ?), из дворян. Окончил гимназию, Одесское пехотное юнкерское училище (1894). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — полковник, командир 14-го стрелкового полка. Участник белого движения. В Русской Армии — начальник Дроздовской пехотной дивизии (генерал-лейтенант) — 229

Келчевский Анатолий Киприянович (1869—1923), из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище (1891), Военную академию (1900). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — генерал-лейтенант, командующий 9-й армией. Участник белого движения. В ВСЮР — начальник штаба группы войск генерала К. К. Мамонтова во время рейда, начальник штаба Донской армии. В конце 1919 г. вошел в состав «Южно-русского правительства» в качестве военного министра. В Русской Армии — начальник штаба Донского казачьего корпуса, вместе с командиром которого генералом В. И. Сидориным и редактором газеты «Сполох» графом Дюшайла за сочувствие группе казачьих автономистов, выступающих за отделение от России, был арестован в Евпатории и предан Севастопольскому военно-морскому суду под председательством генерала А. М. Драгомирова. Суд приговорил Сидорина, Келчевского и Дюшайла к 4-м годам каторги, но Врангель ограничился увольнением их в отставку без права ношения мундира; газета была закрыта (вышло всего 10 номеров). Эмигрировал в Берлин, сотрудничал с 1921 г. в

[12] Почти за 80 лет существования Академии лишь двое, в том числе М. И. Драгомиров, ее закончили с золотой медалью, буквально единицы были награждены большой и малой серебряной медалью.

Кравченко Н. А., капитан, член Украинского федеративного комитета — 186, 189, 196, 214

Кривошеин Александр Васильевич (1858—1923), сын подполковника (дед — сын крестьянина). Окончил Варшавскую классическую гимназию, Петербургский университет (юридический факультет). Товарищ начальника (с 1896), исполняющий дела начальника переселенческого управления Министерства внутренних дел. Ближайший сотрудник П. А. Столыпина по осуществлению аграрной реформы. Товарищ главноуправляющего (1905—06 гг.), главноуправляющий (1908—15 гг.) землеустройством и земледелием. После Октябрьской революции один из руководителей контрреволюционного «правого центра». Возглавляя в Крыму в 1920 г. «Правительство Юга России» при П. Н. Врангеле, тщетно пытался учесть ошибки правительств при А. И. Деникине, А. В. Колчаке и др. Т. н. «декларация по национальному вопросу» фактически не предоставляла народам России возможность определить самим форму правления. «Закон о земле», предусматривающий выкуп части помещичьих земель (в имениях, превышающих 600 десятин) в собственность крестьян по 5-кратной стоимости урожая в течение 25 лет, ориентировался лишь на богатых крестьян и фактически сохранял землевладение богатым помещикам. Таким образом, эти, а также другие законы (о волостных земствах и сельских общинах, о земских учреждениях и т. д.) не смогли привлечь на свою сторону широкие круги крестьянства, рабочих, что и предопределило крах врангелевщины — 123

Краснов Петр Николаевич (1889—1947), из дворян. Окончил Александровский кадетский корпус, Павловское военное училище (1889). Участник русско-японской (как военный корреспондент) и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — генерал-лейтенант, командир 3-го конного корпуса, с которым в конце октября 1917 г. выступил против Советской власти. Под Пулковом войска Керенского — Краснова были разбиты, а сам Краснов взят в плен (затем отпущен). Бежал на Дон, где в мае 1918 г. был избран атаманом Войска Донского. Создав казачью армию, пытался наступать в направлении Поворино — Камышин — Царицын, но потерпел поражение. В феврале 1919 г. из-за противоречий с командованием Добровольческой армии подал в отставку и уехал в Германию. В годы Великой Отечественной войны 1941—45 гг. сотрудничал с гитлеровцами, с их помощью сформировал казачий корпус из белоэмигрантов, изменников и военнопленных. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был повешен.— 37

Кун Бела (1886—1939), деятель венгерского и международного рабочего движения. Участник 1-й мировой войны (офицер военного времени австро-венгерской армии); военнопленный (1916). После Октябрьской революции один из руководителей интернациональных отрядов Красной Армии. В ноябре 1919 г. нелегально вернулся в Венгрию, после провозглашения Советской власти в которой занимал пост народного комиссара по иностранным (затем по военным) делам. В 1920 г. вернулся в Советскую Россию, был членом Реввоенсовета Южного фронта, председателем Крымского ревкома. Под его непосредственным руководством были проведены на территории Крыма массовые расстрелы белых офицеров, оставшихся добровольно в Крыму после эвакуации врангелевской армии — 18, 20

границу, был представителем генерала П. Н Врангеля при Союзном комитете в Константинополе. Оставил воспоминания (Т. 1—2, Берлин, 1922 г.). — 14, 136

Ляхов, есаул, офицер штаба главнокомандующего (Крым, 1920 г.) — 198, 213

Май-Маевский Владимир Зенонович (1867—1920), из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1888), Военную академию (1896). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — генерал-майор, командующий 1-м гвардейским корпусом. Участник белого движения. Вступил в Добровольческую армию на Кубани начальником Дроздовской дивизии, затем возглавлял группу войск на Дону. С декабря 1918 г. начальник 3-й пехотной дивизии, переброшенной в Донбасс после ухода германских войск. Получив усиление для своей дивизии в виде Корниловского, Марковского, Дроздовского полков, а затем и Кавказской группы генерала А. Г. Шкуро, занял весь Донбасс. В мае 1919 г. войсковая группа В. З. Май-Маевского, усиленная за счет новых пополнений, была переименована в Добровольческую армию, с которой В. З. Май-Маевский принял участие в «походе на Москву». После занятия Добровольческой армией Харькова (июнь 1919 г.) Деникин назначил Май-Маевского главноначальствующим части занятых им губерний, а 27 ноября того же года освобожден от командования Добровольческой армией (выяснилось, что с именем Май-Маевского были связаны бесконечные кутежи, пьянство, оргии и т. д.) и заменен П. Н. Врангелем. Вместе с деникинскими войсками эвакуировался из Новороссийска в Крым, где 30 октября 1920 г. умер в одной из больниц Севастополя — 39, 40, 41, 57, 136

Максимов Алексей Михайлович (1876—1931), из дворян Войска Донского. Окончил Донской кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1895), Военную академию (1903, два класса). Последний чин и должность — полковник, инспектор классов Владимирского военного училища. Участник белого движения. В ВСЮР — начальник Атаманского военного училища (генерал-майор). В Русской Армии — командир Донского пластунского юнкерского полка из юнкеров Атаманского и Донского военных училищ. Эмигрировал в Болгарию — 170, 171, 172

Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович (1869—1920), из дворян, в 1900 г. зачислен в войсковое сословие Войска Донского в станицу Раздорскую. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1890). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — полковник, командир 6-го Донского казачьего полка. Участник белого движения. В марте 1918 г. руководитель мятежа во 2-м Донском округе, в результате чего объединил контрреволюционные силы южной части Дона. В апреле-мае 1918 г. командир конной группы Донской армии генерала П. Н. Краснова в районе Царицына (генерал-майор), а в феврале 1919 г.— против 10-й Красной Армии. В ВСЮР — командир 2-го Сводного казачьего корпуса (генерал-лейтенант), в августе 1919 г. совершил глубокий рейд по тылам Южного фронта, захватив Тамбов, Лебедянь и Елец, откуда через Задонск направился к Воронежу, но был остановлен: из-за награбленного имущества, которое казаки везли с собой, а также низкой дисциплины кор-

пус в значительной степени потерял свою боеспособность. Умер от сыпного тифа 14 февраля 1920 г. в Екатеринодаре.— 57, 87

Манжен Шарль Мари (1866—1925), французский генерал — 10

Мария Павловна (Мария Мекленбург-Шверинская), великая княгиня (1854—1920) — 29

Мария Федоровна (Дагмара Датская) (1847—1928), супруга Александра III и мать Николая II — 29

Марков Сергей Леонидович (1878—1918), из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1898), Военную академию (1904). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — генерал-лейтенант, исполняющий должность начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. За поддержку корниловского мятежа 29 августа 1917 г. отчислен от должности, арестован и заключен в быховскую тюрьму, откуда вместе со сторонниками генерала Л. Г. Корнилова 19 ноября 1917 г. бежал на Дон. Участник белого движения. В Добровольческой армии со дня ее основания, командовал 1-м Офицерским полком (февраль — май 1918 г.) и с июня — 1-й пехотной дивизией. Убит в бою под станцией Шаблиевкой Ставропольской губернии. Именем Маркова в Добровольческой армии был назван 1-й Офицерский полк — 136, 137, 138

Мартынов Евгений Иванович (1864—1937), из дворян. Окончил 1-ю Московскую военную гимназию, 3-е военное Александровское училище (1883), Военную академию (1889). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — генерал-лейтенант, состоящий в распоряжении начальника штаба Юго-Западного фронта. Вылетел 10 августа из Дубно с целью провести стратегическую разведку на Львов и Стрый, над Львовом аэроплан был подбит, совершил вынужденную посадку. Мартынов и летчик попали в плен, где находились до февраля 1918 г. Военный специалист в Красной Армии. Занимал должности Главного начальника снабжений, сотрудника — составителя военно-исторического отдела Организационного управления Всероссийского главного штаба, штатного преподавателя Академии генерального штаба РККА, сотрудника Военно-исторической комиссии и Военно-исторического отдела штаба РККА. С февраля 1925 служил в Управлении по исследованию и использованию опыта войн штаба РККА, а с июля 1926 — в Научно-уставном отделе. Уволен из рядов РККА с июля 1928 г. Репрессирован. Оставил богатое наследие по военной истории, стратегии и тактике — 26, 32

Марьюшкин Алексей Лазаревич (1877— ?), из крестьян. Окончил Харьковскую 2-ю гимназию (5 классов), Чугуевское пехотное юнкерское училище (1899), Военную академию (1911). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — полковник, начальник штаба 100-й Черноморской пехотной дивизии, военный специалист в Красной Армии. Состоял для поручений при командующем 12-й армией, в июле 1919 г. перешел на сторону белых. В ВСЮР занимал должность начальника штаба Заволжского отряда (на декабрь 1919 г.), в Русской Армии состоял при штабе главнокомандующего. Эмигрировал в Югославию, где был в 1944 г. захвачен частями Красной Армии, привезен в СССР и осужден на 10 лет — 187

Махно Нестор Иванович (1888—1934), из крестьян. Во время рево-

люции 1905—07 гг. сблизился с анархистами. В 1909 г. за убийство пристава осужден к смертной казни через повешение, замененной 10-ю годами каторги, которую отбывал в Бутырской каторжной тюрьме. В 1917 г. выпущен «как политический», вернулся в свое село Гуляй Поле Екатеринославской губернии, создал вооруженный отряд и начал борьбу против помещиков и австро-германских оккупантов. В 1919—20 гг. воевал то против белогвардейцев (в основном с корпусами Я. А. Слащова и А. Г. Шкуро), то против Советской власти, трижды вступал в соглашение с командованием Красной Армии и трижды изменял. В 1921 г. банды Махно были разгромлены частями Красной Армии, Махно бежал в Румынию, а оттуда в Польшу. Умер во Франции. Оставил воспоминания (кн. 1, 2 Париж, 1929, 1936) — 8—10, 31, 40—42, 144, 224

Махров Петр Семенович (1876— ?), из дворян. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище (1897), Военную академию (1907). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта. Участник белого движения. В ВСЮР — генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего (А. И. Деникина), в Русской Армии — до августа 1920 г. начальник штаба у П. Н. Врангеля, затем уехал в Варшаву, где был представителем его в Польше. Жил в Париже. Разъезжал по городам Франции и выступал перед русскими эмигрантами с докладами о России. В начале Отечественной войны обратился в советское посольство с заявлением, что готов служить Советскому Союзу, за что 30 июня 1941 г. вишийские власти его арестовали и сослали в концентрационный лагерь в Верне. По ходатайству генерала Жанена, бывшего главы французской военной миссии при Колчаке, Махров был освобожден — 90, 147, 148, 214

Машуков Николай Николаевич (1889—1968), капитан 1-го ранга. В 1920 г. служил на Черноморском флоте — 70, 71, 152

Медянцев Иван Филиппович, помощник и секретарь Э. М. Склянского — 19

Мезерницкий 1-й Мстислав Владимирович (1895— ?), из дворян. Окончил Петроградское 1-е реальное училище, Владимирское военное училище (1915 г. 4-месячный курс). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — поручик, командир роты лейб-гвардии Волынского полка. Участник белого движения. Начальник конвоя Я. А. Слащова (капитан), командир 8-го кавалерийского полка (полковник). Вернулся в Советскую Россию с Я. А. Слащовым в ноябре 1921 г. — 31, 51, 63, 66, 87, 95, 96, 109, 120

Мильковский Александр Степанович (1873— ?), сын коллежского асессора. Окончил Петрозаводскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (военно-училищный курс) — 1893. Участвовал в походе в Китай 1900—01 гг., в русско-японской и 1-й мировой войнах. Последний чин и должность — полковник, командир 10-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона. Участник белого движения. Помощник военного министра в Крымском краевом правительстве М. А. Сулькевича, затем инспектор артиллерии Крымского корпуса Я. А. Слащова, с которым вернулся в Советскую Россию в ноябре 1921 г. Военный специалист Красной Армии. Состоял для особых поручений 1-го разряда инспекции артиллерии и бронесил РККА — 22, 31

тября 1894 г. — 2 марта 1917 г.), расстрелян с семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге — 138

Николай Николаевич (младший), великий князь (1856—1929), двоюродный дядя Николая II. Окончил Николаевское инженерное училище (1872), Военную академию (1876, с серябряной медалью и занесением имени на мраморную доску). Участник русско-турецкой войны 1877—78 гг, генерал от кавалерии (1895—1905), с 1905 главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (в 1905—09 гг. председатель Совета Государственной обороны). Верховный главнокомандующий (20 июля 1914 г. — 23 августа 1915 г., 2—11 марта 1917 г.), главнокомандующий Кавказской армией и наместник царя на Кавказе (24 августа 1915 г. — 1 марта 1917 г.) жил в Дюльбере (Крым), в конце марта 1919 г. эмигрировал. С 1922 г. проживал на юге Франции, с 1923 — в Шуаньи (под Парижем). С декабря 1924 г. принял от П. Н. Врангеля руководство жизнью всех русских военных зарубежных организаций, которые к этому времени оформились в РОВС — 30

Новосильцев Леонид Николаевич (1872—1934), из дворян. Окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус (1892), Михайловское артиллерийское училище (1892). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — подполковник, командир 19-й запасной ополченской батареи. Председатель Главного комитета «Союза офицеров армии и флота», кадет. В связи с поддержкой корниловского мятежа арестован, содержался в быховской тюрьме. Участник белого движения — 136

Нога Ярослав Дмитриевич (1880— ?), из дворян. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище (1901). Полковник. Представитель штаба главнокомандующего при Крымской группе (1920 г.) — 72, 73, 112, 144

Носович Анатолий Леонидович (1878— ?), из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1899), Военную академию (1910). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — полковник, командир лейб-гвардии Уланского его величества полка. Военный специалист в Красной Армии. В начале мая 1918 г. начальник штаба Северо-Кавказского военного округа; был арестован, затем два месяца находился в распоряжении главкома. Назначен в распоряжение командующего Южным фронтом П. П. Сытина, где на участке 8-й армии перешел на сторону белых. Служил в ВСЮР (генерал-майор) и в Русской Армии начальником тылового района по борьбе с партизанско-повстанческим движением в тылу врангелевской армии — 123

Оболенский князь В. А., председатель Симферопольской губернской земской управы — 147

Орлов Михаил Иванович (1875— ?), из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1899), Военную академию (1902). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба армий Юго-Западного фронта. В связи с корниловским мятежом отчислен от должности, арестован, содержался в быховской тюрьме — 136

Орлов Николай Иванович, штабс-капитан 60-го пехотного Замосцского полка. Участник белого движения. В ВСЮР — служил в Корниловском полку (капитан). Весной 1920 г., будучи крым-

Семинский, полковник, начальник контрразведки Главной квартиры генерала П. Н. Врангеля — 72

Сидорин Владимир Ильич (1882—1943), из дворян Войска Донского. Окончил Донской кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1902), Военную академию (1910). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — полковник, в распоряжении начальника штаба армий Западного фронта. Участник белого движения. Будучи начальником штаба походного атамана Войска Донского генерала П. Х. Попова (генерал-майор), поддержал мятеж генерала Л. Г. Корнилова. В ВСЮР — командующий Донской армией (генерал-лейтенант). По прибытии Донского корпуса в Евпаторию (Крым) Сидорин, его начальник штаба А. К. Келчевский и редактор газеты «Сполох» граф Дюшайла были преданы Севастопольскому военно-морскому суду под председательством генерала А. М. Драгомирова за сочувствие группе казачьих автономистов, выступающих за отделение от России. Суд приговорил Сидорина и Келчевского к 4-м годам каторжных работ, но Врангель ограничился увольнением их в отставку без права ношения мундира. Эмигрант, жил в Болгарии и Сербии — 86, 93, 117, 118, 138, 145, 146

Скалон Михаил Николаевич (1874— ?), из дворян. Окончил Пажеский корпус (1874). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — генерал-лейтенат, начальник 33-й пехотной дивизии. Участник белого движения. В Русской Армии — командир 4-го армейского корпуса. Эмигрант — 120, 127, 202.

Склянский Эфраим Маркович (1892—1925), член РКП(б) с 1913 г. В 1911—16 учился на медицинском факультете Киевского университета. В 1916 призван в армию, служил врачом в пехотном полку. После Февральской революции 1917 г. член корпусного и председатель армейского комитетов. В дни Октябрьского вооруженного восстания член Петроградского военно-революционного комитета, был комиссаром Главного штаба и Ставки Верховного главнокомандующего в г. Могилеве. С марта 1918 г. член Высшего военного совета, с октября 1918 до марта 1924 г. заместитель председателя Реввоенсовета Республики. В апреле 1924 г. направлен на работу в ВСНХ. Утонул во время служебной командировки в США — 13, 19, 20

Скляров Николай Васильевич (1875—1920), из дворян. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1896). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — полковник, командир 2-го Волгского полка Терского казачьего войска. Участник белого движения. В ВСЮР командир Терской конной бригады (генерал-майор) — 40

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882), герой русско-турецкой войны 1877—78 гг., генерал от инфантерии (1881) — 12, 30

Скоблин Николай Владимирович (1885— ?), сын коллежского асессора г. Староконстантинова. Прапорщик 126-го пехотного Рыльского полка (1914 г.). Участник белого движения. В Добровольческой армии с первых дней ее основания, с ноября 1918 г. командир Корниловского полка (полковник). В Русской Армии — начальник Корниловской пехотной дивизии (генерал-майор). После эвакуации из Крыма в Галлиполи командир Корниловского полка и во главе его прибыл в Болгарию. В 1923 г. П. Н. Врангель отрешил его от командования полком без объяснения причин. Став во главе РОВСа, Кутепов в 1929 г. вос-

главнокомандующем ВСЮР Эмигрировал в Болгарию — 119, 182

Улагай Сергей Георгиевич (1875—1944), черкес по происхождению. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. За поддержку корниловского мятежа был арестован; бежал на Кубань. Участник белого движения. В Добровольческой армии со дня ее основания, с июля 1918 г. — начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии (генерал-майор). В ВСЮР — командир 2-го Кубанского казачьего корпуса (генерал-лейтенант). В Русской Армии — руководитель десанта на Кубани в августе 1920 г., после провала которого отрешен от должности и уволен из армии. Эмигрировал в Югославию. Будучи известным спортсменом-конником, создал из казаков цирковую группу, с которой гастролировал по Европе и Америке. В декабре 1924 г. поступил на службу в албанскую армию, во главе отряда казаков участвовал в контрреволюционном перевороте в стране, вознесшим на престол короля А. Зогу. В годы 2-й мировой войны вместе с генералом П. Н. Красновым и другими сотрудничал с гитлеровцами, помогая им в формировании казачьих частей из белоэмигрантов, изменников и военнопленных. — 8, 37, 121, 122, 145, 146

Фицхелауров Виктор Петрович (1880— ?), из дворян. Окончил Донской кадетский кропус, Константиновское артиллерийское училище (1900). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — войсковой старшина, офицер-воспитатель приготовительного пансиона войска Донского. Участник белого движения. Весной 1918 г. начальник северного отряда армии П. Н. Краснова (генерал-майор), в Русской Армии — командир бригады 3-й Донской казачьей дивизии (октябрь 1920 г.). — 231

Фредерикс граф Владимир Борисович (1838—1927), министр императорского двора и уделов, канцлер российских императорских и царских орденов, командующий императорской главной квартирой, генерал от кавалерии. Крупный помещик (имения в Финляндии и Гатчине). Эмигрант — 17, 193

Фролов Александр Григорьевич (1886— ?), из мещан. Окончил СПБ 3-е реальное училище (полный курс по основному отделению), СПБ пехотное юнкерское училище (1908), Военная академия (1914). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — капитан, состоял в Виленском военном училище для преподавания военных наук (г. Нежин). Участник белого движения. В ВСЮР — начальник штаба 34-й пехотной дивизии (январь 1919 г. Крым) — полковник, в Русской Армии — преподаватель тактики в Константиновском военном училище (во время обороны Крыма), а с вызовом училища на фронт занял должность начальника штаба 2-го армейского корпуса, которым командовал Я. А. Слащов — 93, 178, 213, 226, 233

Фрост, сотник, адъютант Я. А. Слащова — 54, 57

Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925), советский государственный, партийный и военный деятель, полководец и военный теоретик — 18, 31

Фурманов Дмитрий Андреевич (1891—1926), писатель, партийный работник, член РКП(б) с 1918 — 3, 27

Чарский, генерал-майор, состоял в резерве чинов и был выделен в распоряжение генерала-лейтенанта Янушевского для решения вопросов, связанных с Украиной — 186, 187

Чарыков, полковник, помощник коменданта Главной квартиры (г. Севастополь) — 181

Чернавин Виктор Васильевич (1877— ?), из дворян. Окончил Омскую гимназию, Николаевское инженерное училище (1899), Военную академию (1904). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — полковник, исполняющий должность генерал-квартирмейстера штаба 6-й армии. Участник белого движения. В ВСЮР — начальник штаба 51-й пехотной дивизии (генерал-майор), начальник штаба Азово-Черноморской армии (штаб находился в Крыму) — апрель 1919 г., начальник штаба у генерала Н. Н. Шиллинга — 59

Чунихин Георгий Львович (1893—1918), из дворян. Окончил Екатеринославское коммерческое училище, выдержал экзамен на чин прапорщика при Ораниенбаумской школе прапорщиков (1915). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — штабс-капитан, член Главного комитета «Союза офицеров армии и флота». В связи с корниловским мятежом арестован, содержался в быховской тюрьме. Участник белого движения, убит на Северном Кавказе — 136

Шапошников Борис Михайлович (1882—1945), из мещан. Член ВКП(б) с 1930. Окончил Пермское Александровское реальное училище, Московское военное училище (1903), Военную академию (1910). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — полковник, командир 16-го гренадерского Мингрельского полка. Военный специалист в Красной Армии. В годы гражданской войны — начальник оперативного управления в штабе Высшего Военного Совета и в Полевом штабе Реввоенсовета Республики. После гражданской войны — 1-й помощник начальника штаба РККА. В 1925—32 командовал войсками Ленинградского, Московского и Приволжского военных округов (в 1928—31 начальник штаба РККА). Занимал также должности начальника Военной академии им. М. В. Фрунзе, начальника Генерального штаба, начальника Военной академии Генерального штаба — 31

Шаров, начальник контрразведки 2-го армейского корпуса — 73, 112, 113, 114, 117—121, 180, 181

Шатилов Павел Николаевич (1881— ?), из дворян. Окончил Пажеский корпус (1900), Военную академию (1908). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — полковник, генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта (генерал-майор). Поддержал корниловский мятеж, был заключен в Мцхетский замок (Тифлисская тюрьма). Участник белого движения. Прибыл в Добровольческую армию летом 1918 г. на должность начальника 1-й конной дивизии (генерал-лейтенант). В ВСЮР — командир 4-го конного корпуса, начальник штаба Кавказской армии, которой командовал П. Н. Врангель. С назначением последнего командующим Добровольческой армией (ноябрь 1919 г.) Шатилов перешел к нему начальником штаба. Эту же должность занимал в Русской армии в Крыму (генерал от кавалерии). С 1921 г. в эмиграции, активный деятель РОВС'а — 3, 27, 88, 89, 90, 91, 108, 121, 124, 129, 144, 165, 178, 182, 184, 185, 187, 206, 209, 212, 226

против Советской власти в районе Кисловодска, но вынужден был бежать на Кубань, где сформировал 10-тыс. отряд. В июле 1918 г. захватил Ставрополь, разграбил город, но был выбит из него частями Красной Армии. Здесь произошло соединение отряда Шкуро с Добровольческой армией, в которой он командовал казачьей бригадой, дивизией, а с мая 1919 г. — конным корпусом; А. И. Деникин произвел его в генерал-лейтенанты. Однако Врангель его изгнал из армии и в конце 1920 г. он бежал из Крыма. Жил в Париже, работал цирковым наездником. Во время 2-й мировой войны сотрудничал с гитлеровцами, участвовал в формировании казачьих частей из белоэмигрантов, предателей и военнопленных. В 1945 г. был захвачен советскими войсками в Чехословакии и по приговору Военной коллегии Верховного суда осужден к смертной казни через повешение — 8, 9, 37, 57, 71, 87

Шолохов Михаил Александрович (1905—1983), выдающийся советский писатель — 139

Щербатов князь П. Б., гласный Ялтинской городской думы — 67

Эльснер Евгений Феликсович (1867—1930), из дворян. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1888), Военную академию (1895). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — генерал-лейтенант, главный начальник снабжения армий Юго-Западного фронта. За поддержку корниловского мятежа отчислен от должности 30 августа 1917 г. арестован и заключен в быховскую тюрьму. Участник белого движения. Начальник снабжения Добровольческой армии при Л. Г. Корнилове, затем представитель этой армии на Дону в ВСЮР. — 136.

Эрдели Иван Георгиевич (1870—1937), из дворян. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1890), Военную академию (1897). Участник 1-й мировой войны. Последний чин и должность — генерал от инфантерии, командующий Особой армией. За поддержку корниловского мятежа отстранен от должности, арестован и заключен в быховскую тюрьму. Участник белого движения. В Добровольческой армии со дня ее основания в должности командира конного полка участвовал в 1-м Кубанском походе, начальника кавалерийской дивизии — во 22м. В ВСЮР был главнокомандующим на Кавказе и командующим войсками Терско-Дагестанского края. В 1920 г. эмигрировал во Францию, где был активным деятелем РОВС'а — 136

Юз Д. Э., изобретатель буквопечатающего телеграфного аппарата — 213

Юзефович Яков Давыдович (1872—1935), из дворян. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1893), Военную академию (1899). Участник русско-японской и 1-й мировой войн. Последний чин и должность — генерал-лейтенант, командир 26-го армейского корпуса. Участник белого движения. В Добровольческой армии с лета 1918 г. В ВСЮР — начальник штаба Кавказской армии (которой командовал П. Н. Врангель), командир 3-го, а затем 5-го конных корпусов. Последний из них вместе с 1-м армейским корпусом генерала А. П. Кутепова действовал против 14-й Красной армии и под Орлом потерпели полное поражение. В Русской Армии с лета 1920 г. руководил строительством укреплений на

ОГЛАВЛЕНИЕ

Генерал Я. А. Слащов-Крымский

ТРЕБУЮ СУДА ОБЩЕСТВА И ГЛАСНОСТИ

(Оборона и сдача Крыма)

Публикация

Яков Александрович
Слащов-Крымский

БЕЛЫЙ КРЫМ.
1920 г.

Мемуары и документы

Редакторы издательства М. А. Васильев, Г. И. Рыкова
Художник Ф. Н. Буданов
Художественный редактор М. Л. Храмцов
Технический редактор Л. Н. Золотухина
Корректоры Н. П. Гаврикова, Л. В. Щеголев

ИБ № 46593

Сдано в набор 03.01.90
Подписано к печати 22.03.90
А-05871. Формат 84×108 1/32
Бумага типографская № 2.
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр. отт. 17,64. Уч.-изд. л. 17,7
Тираж 30 000 экз. Тип. зак. 489
Цена 6 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

Областная типография управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома,
153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6

Отпечатано с готовых матриц в 4-й типографии издательства «Наука»
630077 Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«НАУКА»
ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГИ:

Фрунзе М. В. Неизвестное и забытое: публицистика, мемуары, документы, письма. — М.: Наука, 1990 (IV). — 20 л.

Книга представляет собой публикацию документов, статей, очерков выдающегося советского военного деятеля, одного из видных руководителей партии, М. В. Фрунзе. Создается образ личности незаурядной, талантливой, человека высоких нравственных качеств. Работа особенно ценна тем, что почти все материалы публикуются впервые, небольшая часть их издавалась в 20-е годы.

Для историков и широкого круга читателей.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль — сентябрь 1917. — М.: Наука, 1990 (IV). — 35 л.

Репринтное воспроизведение мемуаров генерала А. И. Деникина, изданных в Париже в начале 1920-х годов, выходит в СССР впервые. Очень ярко, с привлечением многочисленных документов мемуарист воссоздает свое вйдение и понимание событий в России с февраля по сентябрь 1917 г. Книга открывается вступительной статьей члена-корреспондента АН СССР Ю. А. Полякова, где излагается история создания «Очерков русской смуты», подробно анализируется работа, дается политический портрет генерала А. И. Деникина. Издание снабжено комментариями и именным указателем.

Для широкого круга читателей.

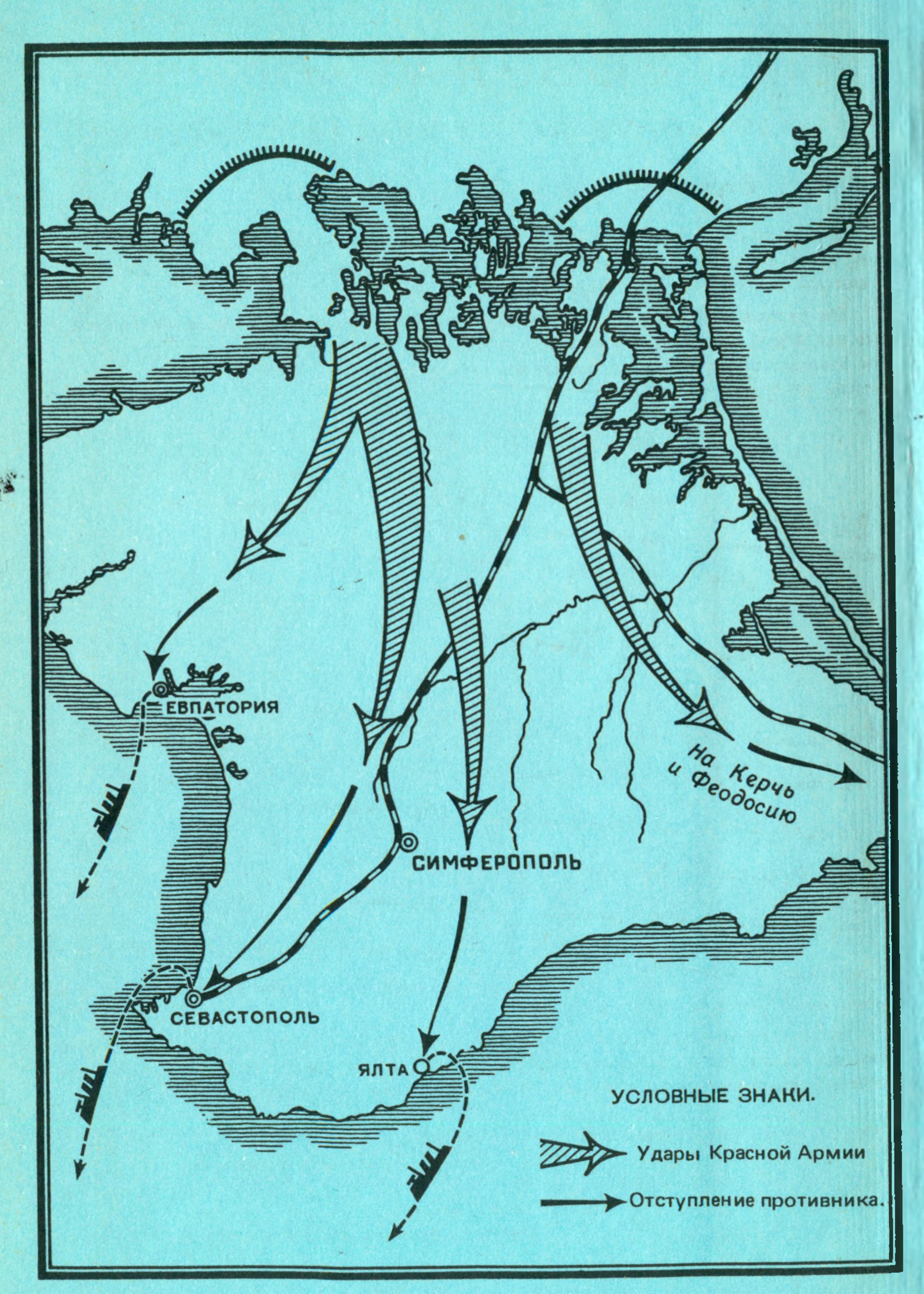
Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе/Архив АН СССР. — М.: Наука, 1991 (IV). — 30 л.

Основу публикации составляют подготовленные членом-корреспондентом АН СССР В. Т. Пашуто главы незавершенной монографии, посвященной деятельности Пражского и Белградского центров научной эмиграции. В издание включены также непубликовавшиеся, полученные В. Т. Пашуто от авторов или их наследников биографии и автобиографии крупных историков и переписка с учеными и членами их семей. Неоценимую помощь будущим исследователям окажет составленная В. Т. Пашуто библиография трудов историков-эмигрантов по истории России.

Для историков и всех интересующихся отечественной историей.

Книги высылаются наложенным платежом.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117393 **Москва**, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой Центральной конторы «Академкнига»; 202107 **Киев**, Татарская ул., 6, магазин «Книга — почтой»; 197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

ВОЗЗВАНИЕ

К ОФИЦЕРАМ АРМИИ БАРОНА ВРАНГЕЛЯ.

Офицеры армии барона Врангеля!

Время и опыт должны были обнаружить перед большинством из вас ту преступную и постыдную роль, какую вам навязали ваши вожди в то время, как трудовая Россия истекает кровью в борьбе с польской шляхтой, которую поддерживают хищники всех стран.

Вы русские офицеры выполняете роль вспомогательного отряда на службе польских панов. Кто вас ведет? Черносотенный немецко-русский барон, который пытался ста[illegible] ром Вильгельмом против Антанты, который вел интриги [illegible] который сейчас вы[illegible]

КОМАНДУЮЩИЙ

ВОЙСКАМИ ТУРКЕСТАНСКОГО ФРОНТА.

Москва Председателю [illegible] Ленину
и [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] от по[illegible] французских ростовщиков, сложите оружие бесчестно направленное против собственного народа.

Честно и добровольно перешедшие на сторону Советской власти не понесут кару. Полную амнистию мы гарантируем всем переходящим на сторону Советской власти. Офицеры армии Врангеля Рабоче-Крестьянская власть последний раз протягивает вам руку примирения

Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета **М. Калинин.**

Председатель Совета Народных
Комиссаров **Ульянов (Ленин).**

Крым в 1920 г. являлся последним оплотом «белого движения». Предлагаемая книга позволяет увидеть обстоятельства обороны и взятия «белого» Крыма, его внутреннюю жизнь глазами человека «с другой стороны», генерал-лейтенанта Я. А. Слащова-Крымского.

6 руб.

